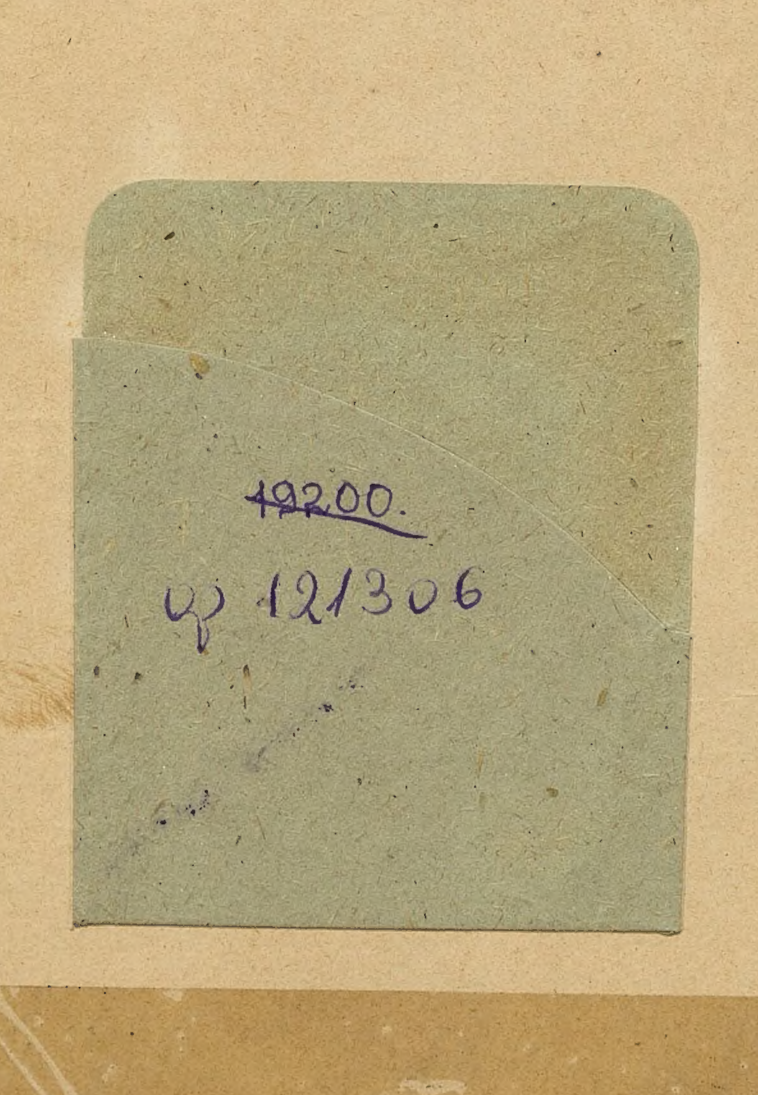
Н. Л. Кладо.

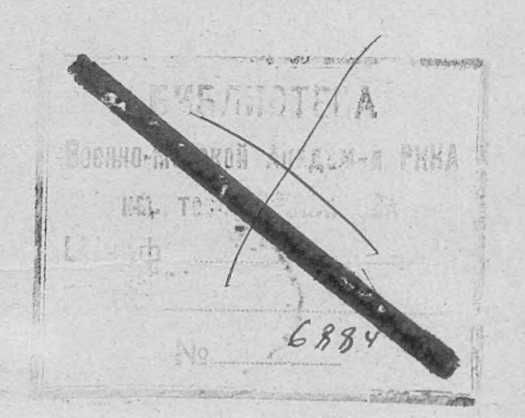
Ординарный профессоръ Николаевской Морской Академiи.

О ТЕОРIИ
ВЪ ВОЕННОМЪ ДѢЛѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1914.

~~19200.~~
ɋ 121306

№ 6884

Н. Л. Кладо.

Ординарный профессоръ Николаевской Морской Академіи.

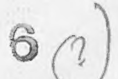
О ТЕОРІИ
ВЪ ВОЕННОМЪ ДѢЛѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1914.

Печатано по распоряженію Морского Генеральнаго Штаба.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
17	10 снизу	у Джемсъ	У. Джемсъ
23	5 сверху	стр. 65	стр. 11.
25	3 снизу	Фимеръ	Фишеръ
37	1 сверху	обращатся	обращаться
55	1 »	т. е.	т. е. (см. выноску на стр. 48)
64	12 снизу	Повторяю	Повторяю,
81	14 »	я вернусь	и вернуться
81	7 »	теоріи (*)	теоріи (**)
83	15 сверху	воннаго	военнаго
88	7 снизу	немогутъ	не могутъ
96	3 »	Tei	Teil
101	17 сверху	были	«были
103	3 снизу	Malan	Mahan
103	3 »	fruitsof	fruits of
104	18 сверху	Ферролѣ	Финистерре
104	3 снизу	министръ	министръ)
107	11 сверху	кавычки	ковычки
107	14 снизу	на	въ
107	4 »	*Ревендусъ*	Ревенджъ
109	17 сверху	удаляюотся	удаляются
109	18 снизу	Sautissima	Santissima
109	3 »	de Asis	del Asis
112	14 »	еще	всего
115	3 »	(«Изслѣдованіе	«Изслѣдованіе
116	13 »	бояхъ	бояхъ,
116	4 »	войны военную—исторію	войны—военную исторію
117	2 »	доказательсивъ	доказательствъ
120	10 сверху	Нордманъ	Нордманъ,
121	13 »	мышленнику	мышленнику,
124	21 снизу	замѣтимъ	замѣтимъ,
125	18 сверху	побѣждать»	побѣждать»,
125	18 снизу	оправданіе добра	«Оправданіе добра»
125	14 »	исторій	исторіи
126	5 »	противника	противника)
127	16 »	видоизмѣненіемъ	видоизмѣненіямъ
128	16 сверху	талантливый	талантливый,
131	6 снизу	Драгомирова	Драгомирова,

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
137	9 снизу	полагаю	полагаю,
138	5 »	принциповъ)	принциповъ),
141	19 »	самыя	самые
142	7 »	доктринъ	доктринъ.
142	3 »	изслѣдованія» Лееръ, стратегія	изслѣдованія». Лееръ. Стратегія
149	16 »	ніемъ.	ніемъ».
154	11 сверху	раго	раго,
154	2 снизу	Японіей	Японіей)
156	18 сверху	нашемъ	нашелъ
157	10 »	гла-	глав-
157	3 снизу	(*)	(**)
159	6 сверху	изслѣдованіе	изслѣдованіе о
161	7 »	были въ чемъ	въ чемъ
161	5 снизу	изложенія	изложенія,
161	4 »	теоріи	теоріи,

ОГЛАВЛЕНІЕ.

О ТЕОРІИ ВОЕННОЙ НАУКИ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

1. Это изслѣдованіе отвѣтъ на критику моей книги «Введеніе въ курсъ исторіи военно-морского искусства».

Въ 1910 г. была напечатана моя книга «Введеніе въ курсъ исторіи военно-морского искусства». Сначала она предназначалась для самаго широкаго распространенія во флотѣ именно для того, чтобы дать возможность подвергнуть ее всесторонней критикѣ, такъ какъ то, что я изложилъ въ этой книгѣ, являлось, съ моей точки зрѣнія, полезнымъ и своевременнымъ для выработки въ нашемъ флотѣ, столь для него необходимаго, въ особенности теперь, *единства военной мысли*. Съ другой стороны, всесторонняя критика основаній, на которыхъ я намѣревался строить это «единство», была необходима и, въ особенности лично для меня, а также и для флота, такъ какъ данное мнѣ «право» излагать мои взгляды съ каѳедры въ академіи возлагало на меня серьезную отвѣтственность, если не за истинность этихъ взглядовъ— этого конечно никто требовать не можетъ, такъ какъ всякій можетъ *добросовѣстно* ошибаться,—то, во всякомъ случаѣ за то, что я принялъ всѣ доступныя для меня мѣры, чтобы оградить себя отъ возможности распространять во флотѣ ошибочные взгляды (*). И одной изъ этихъ мѣръ было-бы широкое и свободное распространеніе моей книги во флотѣ для полученія возможно большаго количества отзывовъ на нее. Въ особенности была желательна оцѣнка моихъ взглядовъ *строевымъ* флотомъ, такъ какъ именно для него-то и необходимо то единство военной мысли, на пользу котораго я поставилъ себѣ

(*) См. ниже—Глава VI § 120.

цѣлью работать, и именно строй дороже всего расплачивается во время войны за отсутствіе этого единства, которое тѣсно связано съ *безспорностью* тѣхъ основаній, на которыхъ строится теорія военной науки.

Къ сожалѣнію намѣреніямъ моимъ не суждено было осуществиться. Послѣ того какъ были отпечатаны три первыя главы (195 страницъ), по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, пришлось сократить до минимума число печатавшихся экземпляровъ, а вскорѣ по окончаніи печатанія остальныхъ двухъ главъ (стр. 196—528), книга моя была совсѣмъ изъята изъ обращенія. Такимъ образомъ, надежды мои на широкій притокъ критики изъ флота, столь необходимой для успѣшности моей работы, рушились. Очевидно, тѣмъ большую цѣнность имѣютъ для меня тѣ рѣдкіе отзывы, которые все таки появились. Печатныхъ такихъ отзывовъ, собственно, только одинъ—статья г. Нордмана въ февральской книжкѣ Морского Сборника за 1913 г.—«Нѣсколько мыслей по поводу сочиненія Н. Л. Кладо «Введеніе въ курсъ исторіи военно-морского искусства». Отвѣтъ на нее и составитъ предметъ настоящаго изслѣдованія.

2. Почему я не могу обстоятельно отвѣтить на критику г. Аренса.

Я не могу обойти молчаніемъ того, что критика моихъ мыслей имѣется еще и въ другомъ печатномъ трудѣ—въ книгѣ «Морская сила и исторія», вышедшемъ изъ подъ пера Е. И. Аренса. Но я долженъ признаться, что считаю для себя непосильной задачей отвѣтить на эту критику обстоятельно. Признаю, что долженъ отвѣтить, но что-же дѣлать, если я не могу. И не могу оттого,... да проститъ мнѣ почтенный авторъ—что, прочитавши внимательно его книгу нѣсколько разъ, я такъ и не могъ проникнуть въ достаточной мѣрѣ въ ея сущность, и не могъ себѣ уяснить той цѣли, для которой она написана. Впечатлѣніе у меня осталось такое, что авторъ съ кѣмъ-то яро полемизируетъ, а съ кѣмъ и даже, собственно, о чемъ,—для меня по крайней мѣрѣ, такъ и осталось не совсѣмъ понятнымъ. И не только съ кѣмъ лично, а просто даже—съ какимъ направленіемъ мыслей? Вся книга проникнута горькимъ сарказмомъ по адресу противниковъ мнѣній почтеннаго

автора; онъ просто засыпаетъ ихъ градомъ стрѣлъ, своего, дѣйствительно недюжиннаго, юмора; на защиту своихъ положеній авторъ вызываетъ массу различныхъ авторитетовъ... а въ чемъ именно заключаются эти положенія,—по крайней мѣрѣ, лично мнѣ, такъ и не удалось уловить, и формулировать ихъ себѣ съ достаточной ясностью я не могъ.

Но все таки въ этомъ турбильонѣ сарказмовъ, остроумныхъ метафоръ и выраженій великихъ людей, я уловилъ одну мысль, и какъ будто-бы прямо ко мнѣ относящуюся, на которую я не могу не отвѣтить.

Къ сожалѣнію я не могу процитировать эту мысль въ выраженіяхъ автора, такъ какъ прямо она имъ нигдѣ не высказана, и вмѣстѣ съ тѣмъ у меня создалось впечатлѣніе, что именно эта мысль водила перомъ автора во многихъ мѣстахъ его книги. И такъ какъ это лишь впечатлѣніе, а не цитата, возможность которой, и не по моей винѣ, къ сожалѣнію исключается, то и мнѣ выразить ее довольно трудно. А потому,—да проститъ мнѣ это почтенный авторъ,—я послѣдую его примѣру и выражу ее иносказательно, — метафорой.

Впечатлѣніе-же мое таково, что авторъ кричитъ караулъ по поводу того, что кто-то напалъ въ темномъ переулкѣ на военно-морскую исторію, и не только покушался на ея жизнь, но еще намѣревался, удушивъ ее, подмѣнить ее исторіей военно-морского искусства, и что этимъ «кто-то» оказываюсь именно я. А я, вотъ, просто, ни тѣломъ, ни душой не повиненъ въ такомъ душегубствѣ. Пока ограничусь этимъ простымъ отрицаніемъ моей вины. Свой взглядъ на соотношеніе между военной исторіей и исторіей военнаго искусства я разовью въ моемъ отвѣтѣ г. Нордману, который также затрагиваетъ этотъ вопросъ въ своей статьѣ, къ которой я теперь и перехожу.

3. Характеръ критики г. Нордмана. Статья эта носитъ совершенно другой характеръ. Въ ней все совершенно ясно и опредѣленно. Критикуя мои положенія, авторъ противопоставляетъ имъ свои, ясно формулированныя. Съ *такой* критикой нельзя не считаться, на нее нельзя не отвѣчать, отвѣтъ на нее

можетъ принести пользу, такъ какъ изъ столкновенія ясно формулированныхъ мнѣній, несмотря на возможныя въ нихъ ошибки и увлеченія, можетъ проявиться и истина. Такая критика не вызываетъ досаднаго недоумѣнія, а, напротивъ,— наводитъ на серьезныя размышленія. Поэтому я глубоко благодаренъ г. Нордману за его статью. Она заставила меня вновь продумать многое изъ того, что я считалъ уже въ своей работѣ почти законченнымъ, и много перечитать для лучшаго уясненія себѣ сущности поднятыхъ г. Нордманомъ вопросовъ. Въ результатѣ я остался при своемъ мнѣніи, и буду горячо спорить съ моимъ уважаемымъ оппонентомъ, но считаю своимъ долгомъ отдать справедливость серьезности его критики. Она заставляетъ строго себя провѣрить, и вызываетъ на такія разъясненія основныхъ положеній, которыя, при самомъ изложеніи, казались, напр. мнѣ, излишними. А это очень важно въ такомъ дѣлѣ, какъ формовка столь юныхъ еще наукъ, каковыми являются военныя.

4. Почему такъ запоздалъ мой отвѣтъ. Считаю необходимымъ извиниться передъ моимъ оппонентомъ за запоздалость моего отвѣта. Не знаю точно, когда онъ появится въ печати—это не отъ одного меня зависитъ, но и взялся я за перо для отвѣта только почти черезъ годъ послѣ появленія статьи г. Нордмана. Нѣкоторые указывали мнѣ на неудобство такого запозданія—это имѣетъ-де видъ, что и отвѣтить-то собственно нечего. Но меня лично это запозданіе отнюдь не смущаетъ. Даже, если-бы не было привходящихъ и не зависящихъ отъ меня обстоятельствъ, повліявшихъ на это запозданіе, а таковыми были — появленіе статьи г. Нордмана въ разгарѣ учебнаго года, когда я заваленъ текущей работой, и тяжелая болѣзнь, которая вывела меня надолго изъ строя, — я все таки едва-ли много раньше взялся-бы за этотъ отвѣтъ. Во первыхъ, какъ я уже указывалъ, сама по себѣ статья г. Нордмана такова, что вызываетъ на серьезную провѣрку себя, и не только размышленіемъ надъ тѣмъ, что уже усвоено, но и новымъ чтеніемъ. А на это требуется значительное свободное время. А, во-вторыхъ, въ моемъ отвѣтѣ мнѣ хотѣлось имѣть возможность ссылаться не только на мою книгу, которую раз-

бираетъ г. Нордманъ, но и на мои «этюды по стратегіи». Какъ я указалъ уже, книга моя получила самое ограниченное распространеніе, и просто ссылки на нее могутъ использовать очень немногіе—пришлось бы дѣлать длинныя выписки, что значительно могло-бы загромоздить статью. Между тѣмъ неудача съ книгой не погасила моего стремленія представить на судъ флота тѣ основанія, на которыхъ я обосновываю мою работу надъ академическимъ курсомъ (*). Именно съ этой цѣлью я началъ печатать въ Морскомъ Сборникѣ рядъ этюдовъ, и въ первыхъ трехъ изъ нихъ я изложилъ въ болѣе сжатомъ и обработанномъ видѣ какъ разъ тѣ положенія, которыя главнымъ образомъ, разбираетъ г. Нордманъ. Ко времени появленія статьи моего оппонента два этюда уже были напечатаны (М. С. №№ 1 и 2), а третій былъ уже сданъ въ редакцію, и хотя и былъ напечатанъ позже (М. С. №№ 5 и 6), но никакихъ измѣненій въ немъ я не дѣлалъ, и всякій, который обратится къ моей книгѣ, сейчасъ-же увидитъ, что и этотъ этюдъ только повторяетъ въ сжатомъ изложеніи главу IV-ю о методѣ разработки и пріобрѣтеніи военныхъ знаній. Меньше всего отражается въ этихъ трехъ этюдахъ глава III—о принципахъ, правилахъ и нормахъ, такъ какъ по приложенному къ первому этюду плану (**), я предполагалъ подробно говорить объ этомъ въ своемъ мѣстѣ. Значитъ, по этому вопросу мнѣ придется говорить подробнѣе въ настоящей статьѣ.

5. Положенія статьи г. Нордмана. Положенія г. Нордмана, мнѣ кажется можно формулировать такъ:

1) Я примѣнилъ къ классификаціи военныхъ наукъ *устарѣлыя* и неправильныя, съ точки зрѣнія *современной* науки, положенія;

2) Для разработки военныхъ наукъ я предлагаю невѣрные методы;

(*) См. Морск. Сб. Янв. 1913 г. «Этюды по стратегіи», Предисловіе, стр. 58.

(**) М. Сб. 1913 г. № 1, стр. 74—77.

3) «Правильная классификація науки *должна быть* (*) построена» по схемѣ, указанной г. Нордманомъ. См. ниже § 34 (**).

4) Вслѣдствіе этой ошибочности въ классификаціи и въ методѣ я неминуемо долженъ былъ придти и, дѣйствительно, пришелъ къ невѣрнымъ положеніямъ, что г. Нордманъ и подтверждаетъ соотвѣтствующими примѣрами.

5) Главнымъ послѣдствіемъ принятыхъ мною ошибочныхъ отправныхъ точекъ, явился тотъ фактъ, что у меня нѣтъ «военно-морской теоріи», нѣтъ «чистой теоріи военно-морскихъ явленій».

6) Образчикъ «чисто теоретическаго, объективнаго изслѣдованія военно-морскихъ вопросовъ—это «Духъ и дисциплина во флотѣ» св. кн. А. А. Ливена». Значитъ, въ этомъ изслѣдованіи можно найти указанія и на методъ разработки теоріи военной науки.

(*) Курсивъ мой.
(**) Стр. 126 его статьи.

I.

Вынужденная экскурсія въ область философіи.

6. Классификація наукъ устанавливается въ «теоріи познанія».

Чтобы пояснить, почему я расхожусь съ г. Нордманомъ во мнѣніяхъ по первымъ тремъ пунктамъ, я долженъ, къ сожалѣнію, начать издалека.

Дѣло въ томъ, что изслѣдованіемъ о классификаціи наукъ и о методологіи занимается философія (*), или вѣрнѣе, та ея дисциплина, которая извѣстна подъ названіемъ «теоріи познанія» (гносеологія). Впрочемъ, теперь, въ постоянномъ круговоротѣ представленій о содержаніи философіи, намѣчается теченіе, по которому «философія» и «теорія познанія»—понятія или въ значительной мѣрѣ сходныя, или даже прямо однозначущія (**).

Значитъ, свое *положительное утвержденіе* о томъ, каковою «должна быть» классификація наукъ, г. Нордманъ можетъ почерпнуть только изъ «теоріи познанія»; а, значитъ, къ оной и слѣдуетъ обратиться за провѣркой *обязательности* такого утвержденія.

7. Я считаю мой философскій багажъ слишкомъ примитивнымъ для обстоятельной полемики на философской почвѣ.

Откровенно признаюсь, не особенно меня тянетъ на путь полемики по вопросу о философскомъ обоснованіи моихъ положеній. Во-первыхъ, такая полемика можетъ потребовать слишкомъ большого углубленія въ область философскихъ представленій, а во вторыхъ объемъ моего философскаго багажа можетъ оказаться для такого углубленія недостаточнымъ. Едва-ли многіе, изъ посвятившихъ себя изученію военнаго дѣла, имѣли достаточное количество свободнаго времени, чтобы запастись обширными и серьезными познаніями по философіи,

(*) «Классификація наукъ есть законная задача философіи» Вундтъ. Введеніе въ философію. 1903 г. стр. 28.

(**) На этотъ путь сталъ еще Кантъ, и въ той или иной мѣрѣ этотъ взглядъ проводится различными развѣтвленіями его послѣдователей. См. Риккертъ. Естествовѣдѣніе и Культуровѣдѣніе. 1903. Виндельбандъ. Исторія философіи 1900 г.; Его-же—Прелюдіи 1904 г.; Новыя идеи въ философіи. сборн. № 3, предисловіе 1913 г.; Хвостовъ. Теорія историческаго процесса 1914 г., стр. 34; Введенскій. Логика, какъ часть теоріи познанія, стр. 26, и др...

такъ какъ именно въ области философіи на пріобрѣтеніе такихъ познаній требуется гораздо больше времени, чѣмъ въ области какой-либо другой науки. Ибо нѣтъ такой науки, границы которой были-бы столь неопредѣленны, какъ границы философіи, и ни одна наука не представляетъ изъ себя такого множества самыхъ разнообразныхъ и другъ другу противорѣчащихъ ученій, какъ философія.

По крайней мѣрѣ, въ такомъ положеніи я считаю лично себя. А потому, вступая на этотъ путь, я поневолѣ вынужденъ преподносить моимъ читателямъ лишь отрывки *сознательнаго* моего философскаго *полузнанія.* А потому впередъ прошу извиненія у тѣхъ моихъ читателей, которые имѣли возможность глубже окунуться въ неизмѣримую область философіи, чѣмъ могъ это сдѣлать я, и которымъ могутъ поэтому показаться мои философскія разсужденія слишкомъ примитивными. Вѣдь именно таковыми нашелъ ихъ мой почтенный оппонентъ въ области моихъ разсужденій по «теоріи познанія».

8. «Теорія познанія» не имѣетъ общепризнанныхъ, хотя-бы большинствомъ, положеній.

Однако, попробую, помимо моего сознанія въ недостаточности моего философскаго багажа вообще, выяснить, что къ тому, чтобы остановиться на такой примитивности, я имѣлъ и кое какія другія основанія.

Если исходить изъ положительнаго тона утвержденій г. Нордмана, напр., о томъ что классификація наукъ *«должна быть»* таковой, каковую онъ указываетъ, то можно подумать, что «теорія познанія», на которую онъ только и можетъ опираться въ своемъ такомъ утвержденіи, представляетъ изъ себя науку болѣе или менѣе установившуюся, главныя основанія которой, по крайней мѣрѣ у большинства, хотя-бы только современныхъ философовъ, уже не вызываютъ сомнѣній.

Къ сожалѣнію это, однако, далеко не такъ.

9. Докладъ о «теоріи познанія» на послѣднемъ философскомъ конгрессѣ.

Въ апрѣлѣ 1911 г. въ Болоньѣ засѣдалъ 4-й интернаціональный философскій конгрессъ. И на немъ былъ прочитанъ докладъ... «О невозможности теоріи познанія» (*). А говорится въ этомъ докладѣ

(*) Новыя идеи въ философіи. Сб. № 5. 1913 г. Докладъ Леонарда Нельсона.

слѣдующее: «Всякій, кто слѣдилъ за ходомъ преній на нашемъ конгрессѣ, не могъ не замѣтить двухъ фактовъ. Правда, они могли быть намъ извѣстны уже и изъ другихъ источниковъ, но подтвержденіе ихъ здѣсь не могло не быть для насъ чрезвычайно цѣннымъ. Одинъ изъ этихъ фактовъ—отрадный, другой—печальный. Отрадно для насъ само осуществленіе конгресса, свидѣтельствующее о *вѣрѣ въ возможность* философіи какъ науки... Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не задаться вопросомъ: обладаемъ-ли мы уже такой философской наукой? И здѣсь, если мы хотимъ быть честными, мы должны признать, что въ настоящее время философіи, какъ науки еще, нѣтъ. Мы видѣли—и въ особенности ясно это показали дебаты,—что между присутствующими на конгрессѣ *нѣтъ единодушія даже по самымъ элементарнымъ философскимъ вопросамъ*... Безпристрастнаго наблюдателя развитія современной философіи не можетъ не поразить тотъ фактъ, что *разногласія и многообразіе* философскихъ мнѣній *наиболѣе велики* какъ разъ въ той дисциплинѣ, работа въ которой предпринимается именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы положить конецъ безплоднымъ спорамъ ранней метафизики, именно *въ теоріи познанія*... (*). Чѣмъ же объясняется тотъ фактъ, что эти, столь основательныя, казалось, надежды на мирное научное развитіе философіи не оправдались, а получилось какъ разъ обратное, т. е. *разногласія между философскими школами возрасли до неимовѣрности?* Я попытаюсь показать, что это странное на видъ явленіе имѣетъ чрезвычайно простую причину, и что съ проблемой теоріи познанія дѣло обстоитъ не иначе, чѣмъ со многими родственными ей проблемами другихъ наукъ. Тамъ неоднократно уже случалось, что проблема, которая вызывала долгіе споры, не подвигавшіе ни на шагъ къ

(*) «Слѣдуетъ отмѣтить» говоритъ профессоръ Хвостовъ (См. Теорія историческаго процесса. 1914 г., стр. 34) «что и до сихъ поръ гносеологія (теорія познанія) остается чуть-ли не самой спорной философской дисциплиной. Единогласія въ рѣшеніи ея вопросовъ не достигнуто, и неизвѣстно, когда оно будетъ достигнуто..... даже перечень этихъ направленій еще не даетъ представленія о той путаницѣ. съ которою мы встрѣчаемся къ этой области *въ настоящее время*».

ея рѣшенію, въ концѣ концовъ, оказывалась проблемой, которая или вовсе не допускаетъ *никакого рѣшенія*, или рѣшеніе которой,—если здѣсь говорить о таковомъ,—заключается въ доказательствѣ ея *неразрѣшимости*. И такъ, моя задача—доказать невозможность теоріи познанія».

Я не возьмусь утверждать—удачно или неудачно справился докладчикъ съ поставленной имъ себѣ задачей. Пусть, кто интересуется этимъ—обратится къ его докладу.

Но я думаю, что самый фактъ такого доклада на международномъ философскомъ конгрессѣ, и тотъ фактъ, что редакція «Новыхъ идей въ философіи» нашла нужнымъ дать переводъ его на русскій языкъ, безъ всякихъ оговорокъ объ его цѣнности, показываютъ, что право «Теоріи познанія» постановлять окончательные приговоры (говорить, что такъ «должно быть») о цѣнности какихъ либо системъ классификацій и методовъ, болѣе чѣмъ сомнительно.

10. Анархія философскихъ системъ. И я считаю необходимымъ для поясненія моего несогласія съ г. Нордманомъ пойти даже нѣсколько дальше и пояснить, что такое состояніе «теоріи познанія» вполнѣ естественно.

Вѣдь «теорія познанія» — лишь одна изъ философскихъ дисциплинъ, теперь лишь болѣе модная, чѣмъ остальныя (*). Если-же мы обратимся къ вопросамъ — что такое философія, и насколько, хотя бы только въ извѣстной мѣрѣ, общепризнаннымъ авторитетомъ, и хотя-бы только въ переживаемый нами періодъ времени, пользуется та или иная система философіи, мы утвердительно опредѣленнаго отвѣта не найдемъ.

Какъ очень мѣтко говоритъ Дильтей (**). — «Одной изъ наиболѣе дѣйствительныхъ причинъ, не перестающихъ доставлять все новую и новую пищу скептицизму, является *анархія философскихъ системъ*. Основанное на свидѣтельствахъ

(*) «Въ теченіи послѣднихъ 50 лѣтъ гносеологія (теорія познанія) занимаетъ центральное положеніе въ философской литературѣ и становится наиболѣе разработанною философскою дисциплиною». Новыя идеи въ философіи. Сб. № 3. Предисловіе.

(**) Типы міровоззрѣнія и обнаруженіе ихъ въ метафизическихъ системахъ. Новыя идеи въ философіи. 1912 г. Сб. № 1 стр. 119.

исторіи сознаніе безпредѣльнаго многообразія этихъ системъ находится въ полномъ противорѣчіи *съ притязаніемъ каждой изъ нихъ на общезначимость*, и это противорѣчіе гораздо сильнѣе питаетъ духъ скептицизма, чѣмъ какая-бы то ни было систематическая аргументація. Оглянемся-ли мы назадъ, или вокругъ себя, вездѣ мы видимъ въ хаотическомъ безпорядкѣ безпредѣльное многообразіе философскихъ системъ. И *всегда, съ самаго своего зарожденія, онѣ исключали и опровергали другъ друга. И проблеска надежды не видно на побѣду той или другой изъ нихъ*».

Насколько такое мнѣніе не является исключительнымъ, видно изъ того, что редакція «Новыхъ идей въ философіи», въ лицѣ столь почтенныхъ спеціалистовъ, какъ профессоры Н. О. Лосскій и Э. Л. Радловъ, въ предисловіи къ своему изданію говоритъ:

«Слѣдуетъ признаться, что наука находится въ условіяхъ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ философія (*); наука можетъ предложить вниманію читателя *вновь* открытые факты или *новое* (см. ниже, § 20), болѣе удовлетворительное, объясненіе старыхъ; философія-же имѣетъ дѣло съ проблемами, которыя были уже въ древности поставлены передъ умомъ человѣка, и *онѣ сохраняютъ свою загадочность и до настоящаго времени*. Углубленіе замѣтно лишь въ томъ отношеніи, что новѣйшей философіи яснѣе предстоятъ всѣ трудности возможнаго рѣшенія, но *отъ самаго рѣшенія настоящее время столь-же далеко, какъ и греческая мудрость*. Въ виду этого «Новыя идеи въ философіи» *не навязываютъ* читателю какую либо опредѣленную догматику, а предоставляютъ ему *свободу выбора* изъ доставленнаго матеріала».

Истинно мудрое рѣшеніе.

11. Что такое философія въ изложеніи профессора Виндельбанда?

Въ такомъ-же видѣ представляется вопросъ и о томъ, что такое представляетъ изъ себя философія, по содержанію и по задачамъ, которыя она себѣ ставитъ. «Названія имѣютъ свою судьбу» говоритъ Виндельбандъ (**), «но рѣдкое изъ нихъ имѣло судьбу

(*) Значитъ и они отграничиваютъ философію отъ науки. См. ниже § 17.
(**) Прелюдіи. Что такое философія. 1904 г.

столь странную, какъ слово «философія». Если мы обратимся къ исторіи съ вопросомъ о томъ, что собственно есть философія, и справимся у людей, которыхъ называли и теперь еще называютъ философами, объ ихъ воззрѣніяхъ на предметъ ихъ занятій, то мы получимъ самые разнообразные и безконечно далеко отстоящіе другъ отъ друга отвѣты; такъ что попытка выразить это пестрое многообразіе въ одной простой формулѣ и подвести всю эту неопредѣленную массу явленій подъ единое понятіе было-бы дѣломъ совершенно безнадежнымъ».

Невозможность установить опредѣленіе философіи по ея содержанію, вызвало попытки искать видовой признакъ философіи не въ ея предметѣ, а въ ея методѣ и предполагать, что философія изслѣдуетъ тѣ-же явленія, что и другія науки, но только при помощи ей одной свойственныхъ методовъ; отсюда вытекало-бы, что она отклоняетъ отъ себя разсмотрѣніе тѣхъ явленій, которыя недоступны для ея метода, и что, наоборотъ, она постоянно претендуетъ на изученіе тѣхъ явленій, которыя особенно подходятъ къ ея пріемамъ изслѣдованія.

Но оказывается, что и этотъ способъ не даетъ никакихъ осязательныхъ результатовъ, по словамъ Виндельбанда, «по той простой причинѣ, что даже среди философовъ, которые требуютъ для своей науки особаго метода,—а это далеко не всѣ философы,—*нѣтъ ни малѣйшаго единогласія по вопросу о сущности этого «философскаго метода»*. — Итакъ, по отношенію ко всему историческому матеріалу не только нельзя говорить объ особенныхъ способахъ научнаго изученія, примѣненіе которыхъ образуетъ сущность философіи, но даже нельзя утверждать, что эта сущность содержится всегда въ стремленіи, хотя-бы и не совершенномъ, къ такому методу. Ибо, съ одной стороны, всѣ тѣ, для которыхъ философія есть нѣчто бо́льшее, чѣмъ научная работа, *весьма послѣдовательно не хотятъ вообще ничего знать объ ея методѣ*; съ другой-же стороны, тѣ именно, которые хотятъ сдѣлать философію наукой, слишкомъ часто поддаются желанію навязать философіи испытанные въ отдѣльныхъ областяхъ методы другихъ наукъ, напр., математики или индуктивнаго естествознанія. И, наконецъ, какъ далекъ отъ всеобщаго признанія особый

методъ философіи тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно былъ установленъ! Діалектическій методъ нѣмецкой философіи есть *теперь* для большинства людей только странное и нелѣпое фокусничество, и если Кантъ думалъ, что онъ установилъ для философіи «критическій» методъ, то историки еще *понынѣ несогласны* между собой, что онъ подразумѣвалъ подъ нимъ».

Несмотря однако, на имъ-же самимъ указанный хаосъ въ существующихъ и теперь представленіяхъ о философіи, съ какой бы стороны ни подходили къ этому представленію — со стороны-ли содержанія философіи, или со стороны особенностей ея метода, Виндельбандъ все таки не отступаетъ передъ задачей дать такое опредѣленіе для философіи, которое могло-бы предъявить притязаніе на общеобязательность. (стр. 10).

Онъ съ большимъ остроуміемъ и искусствомъ объясняетъ причины историческихъ видоизмѣненій представленій о философіи, затѣмъ не менѣе остроумно обобщаетъ исторію названія «философіи» съ исторіей культурнаго значенія науки (стр. 16) и, на основаніи этого, не отнимая ни у кого права называть философіей все, что ему угодно, но пользуясь и самъ этимъ правомъ, вытекающимъ изъ отсутствія точнаго историческаго значенія этого представленія, онъ понимаетъ подъ философіей «только *критическую науку объ общеобязательныхъ цѣнностяхъ*. Науку объ *общеобязательныхъ цѣнностяхъ*: это опредѣляетъ предметъ философіи; *критическую* науку—это опредѣляетъ ея методъ» (стр. 23). Какъ представляющій собою одну изъ центральныхъ фигуръ «неокантіанства», Виндельбандъ свое пониманіе философіи опредѣляетъ какъ всестороннее развитіе основной идеи Канта, т. е. и у него, по существу, это пониманіе выливается въ «теорію познанія». Онъ считаетъ, что къ этому пониманію «*блуждающее* названіе философіи можетъ прикрѣпиться *прочно*» (стр. 24). Иначе онъ опредѣляетъ философію какъ «проникновеніе въ *нормальное* сознаніе и научное изслѣдованіе того, какіе элементы содержанія и формы эмпирическаго сознанія обладаютъ цѣнностью нормальнаго сознанія» (стр. 36), или «философія есть наука о принципахъ абсолютной *оцѣнки*» (стр. 38).

*

12. История философіи—это исторія человѣческихъ заблужденій.

И въ этихъ предѣлахъ его разсужденія чрезвычайно логичны. Стройность ихъ становится еще привлекательнѣе, благодаря блестящему и талантливому литературному изложенію Виндельбандомъ своихъ мыслей. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что претензія его дать *прочное* представленіе о содержаніи, задачахъ и методѣ философіи, болѣе прочное, чѣмъ тѣ многообразныя и спорныя опредѣленія, о которыхъ говоритъ и онъ и другіе, будетъ имѣть за собою цѣнность только тогда, если Виндельбандъ въ состояніи доказать, что имѣются *общеобязательныя* цѣнности, если можно установить хоть какое нибудь *единогласіе* въ понятіи о признакахъ нормальности сознанія, и о принципахъ абсолютной оцѣнки.

Но въ томъ-то и дѣло, что какъ только Виндельбандъ переходитъ къ такимъ доказательствамъ, то, въ концѣ концовъ, онѣ сводятся не къ доказательствамъ, а къ обращенію къ *вѣрѣ*, въ истинность и наличность этихъ положеній (*).

«Мы непоколебимо убѣждены» говоритъ онъ (стр. 30), «что есть извѣстныя оцѣнки, *которыя имѣютъ абсолютное значеніе, хотя-бы онѣ фактически не пользовались всеобщимъ признаніемъ, или даже никѣмъ не признавались*», и что (стр. 44) «для нашего познанія нормальное сознаніе остается идеаломъ, лишь тѣнью котораго мы можемъ овладѣть. Человѣческая мысль можетъ совершать лишь двоякое: либо, въ качествѣ эмпирической науки, понимать данные единичные факты и ихъ причинную связь, либо-же, въ качествѣ философіи, уяснять себѣ на почвѣ опыта *самоочевидные* принципы абсолютной оцѣнки. Полное овладѣніе, при помощи научнаго изслѣдованія, нормальнымъ сознаніемъ въ его цѣломъ намъ недоступно. Въ сферу нашего опыта свѣтъ идеала проникаетъ лишь немногими лучами, и *убѣжденіе въ реальности абсолютнаго нормальнаго сознанія есть ужъ дѣло личной вѣры*, а не научнаго познанія». А разъ, въ концѣ концовъ, приходится обращаться къ «личной вѣрѣ», то сейчасъ-же улетучиваются всякія основанія къ какой либо *общеобязательности*,

(*) Съ Виндельбандомъ совершенно несогласенъ Вундтъ. См. его «Введеніе въ философію» 1903 г., стр. 24—28.

и представленія Виндельбанда являются по существу нисколько не лучшими, чѣмъ и всѣ остальныя. И попытка его «ввести читателя въ стовратныя Ѳивы философіи» ничѣмъ по результату не отличается и отъ другихъ такихъ-же безчисленныхъ попытокъ, и историкъ философіи также и теперь, какъ и прежде, какъ именовалъ ея прежнюю исторію и самъ Виндельбандъ (*), будетъ имѣть право именовать исторію философіи «исторіей человѣческихъ заблужденій».

А остановился я на примѣрѣ Виндельбанда лишь потому, что онъ въ широкой степени обладаетъ литературнымъ талантомъ, а потому говоритъ яснѣе другихъ для неподготовленнаго спеціально читателя, а кромѣ того онъ и откровеннѣе, и прямо говоритъ о своемъ безсиліи тамъ, гдѣ другіе пытаются прикрыть это свое безсиліе очень туманными и даже совсѣмъ непонятными разсужденіями и формулами.

13. Профессоръ Риккертъ, на котораго опирается г. Нордманъ, не могъ ясно и доказательно обосновать своей «теоріи познанія», и своей «классификаціи» наукъ.

Да проститъ меня мой уважаемый оппонентъ, именно таковъ, съ моей точки зрѣнія, и рекомендуемый имъ Риккертъ, который предложилъ раздѣлять всѣ науки на науки о природѣ и на науки о культурѣ, каковаго раздѣленія держится и г. Нордманъ. Риккертъ самъ признаетъ, что возможность объединенія извѣстной группы наукъ въ «науки о культурѣ», т. е. «единство и объективность наукъ о культурѣ обусловлены единствомъ и объективностью нашего понятія культуры, а послѣдняя—единствомъ и объективностью нашихъ *оцѣнокъ*» (**). Очевидно, что если нѣтъ твердо установленнаго критерія для оцѣнки, что такое культура, и что цѣнно въ культурномъ отношеніи, нѣтъ и науки о культурѣ. И до сихъ поръ всѣ разсужденія Риккерта логичны и представляютъ изъ себя стройную систему. Но вѣдь надо довершить эту систему и указать этотъ критерій, а если нельзя этого сдѣлать, то слѣдовало-бы прямо сознаться въ этомъ. Но Риккертъ не дѣлаетъ ни того, ни другого. Онъ признаетъ, что если нѣтъ этого критерія, то это значитъ «базировать сокровеннѣйшую сущность ихъ (наукъ о куль-

(*) Прелюдіи. Исторія и естествознаніе. Стр. 315.
(**) *Риккертъ*. Естествовѣдѣніе и культуровѣдѣніе. 1903 г. стр. 41.

турѣ) на комплексѣ индивидуальныхъ желаній и мнѣній». Онъ безусловно признаетъ что «общеобязательному закону природы (въ наукахъ о природѣ) должна съ другой стороны (въ наукахъ о культурѣ) соотвѣтствовать безусловно общеобязательная цѣнность культуры», и что «тотъ, кто хочетъ заниматься наукой о культурѣ, наталкивается на необходимость задуматься надъ своими руководящими культурными цѣнностями и *обосновать* ихъ», что «работа съ необоснованными оцѣнками въ дѣйствительности противорѣчила-бы наукѣ». Вотъ такъ и кажется, что вотъ, вотъ онъ дастъ сейчасъ этотъ, какъ онъ самъ его называетъ, «масштабъ цѣнности». И вдругъ все заканчивается такимъ заключеніемъ: «въ объективныя цѣнности *вѣримъ* мы въ корнѣ всѣ, даже если мы подъ вліяніемъ научной моды внушаемъ себѣ противное, ибо *безъ идеала выше себя человѣкъ не можетъ ходить прямо въ духовномъ смыслѣ слова*. Цѣнности-же, изъ которыхъ этотъ идеалъ состоитъ, *открываются и, подобно звѣздамъ на небѣ, вмѣстѣ съ прогрессомъ культуры постепенно вступаютъ въ кругозоръ человѣка»*.

Положимъ, самъ Риккертъ считаетъ этотъ свой трудъ не пригоднымъ для ознакомленія съ его теоріей, ибо онъ «содержитъ въ себѣ выраженія и формулировки, которыя могутъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ въ виду своей неточности» (*).

Но, увы, основного вопроса о «масштабѣ цѣнности» не разрѣшаетъ, ни рекомендуемая имъ самимъ его «Философія исторіи», ни его «Два пути теоріи познанія» (**). Уже въ старыхъ своихъ работахъ («Предметъ познанія» 1892 г. и «Границы естественнонаучнаго образованія понятій» 1902 г.) Риккертъ приходитъ къ неизбѣжности *допущенія* объективныхъ или «трансцендентныхъ» цѣнностей. Въ послѣдней изъ указанныхъ выше работъ, относящейся цѣликомъ къ «теоріи познанія», т. е. къ центральной дисциплинѣ современной философіи, Риккертъ отводитъ этимъ «трансцендентнымъ» цѣнностямъ очень много мѣста. Въ нихъ—основа его «теоріи

(*) *Риккертъ*. Философія исторіи. 1908. Предисловіе автора.

(**) См. непеpіодическое изданіе «Новыя идеи въ философіи» сб. № 7, 1913 г.

познанія». Но, оказывается, эта «цѣнность» есть нѣчто очень туманное. *«Мы употребляемъ это слово»* говоритъ онъ (стр. 46), «обозначающее понятіе, которое, подобно бытію («что есть», стр. 53), не допускаетъ уже никакого дальнѣйшаго опредѣленія, *для всего того, что не есть,* и *что все-же принадлежитъ къ «нѣчто», а не къ «ничто»*. Смыслъ («истина», стр. 41—43), лежащій надъ всякимъ бытіемъ, относится, такимъ образомъ, къ сферѣ цѣнности, и можетъ быть понятъ только какъ цѣнность».

14. Обоснованіе философской системы—дѣло личной вѣры, а не научнаго познанія.

Всѣ эти темныя и туманныя разсужденія, по существу, совершенно излишни. Достаточно было сказать, что надо *вѣрить* въ эти объективныя цѣнности, и дѣло съ концомъ (*). Но тогда Риккерту пришлось-бы признаться въ метафизическомъ обоснованіи его теоріи познанія, а какъ это сдѣлать ему—«новокантіанцу», одному изъ возродителей ученія Канта, который разрушилъ метафизику.

Напр. по опредѣленію другого «новокантіанца», профессора—Введенскаго (**) «изученіе (точнѣе,—попытки изученія) трансцедентныхъ предметовъ вполнѣ справедливо всегда и всѣми относится къ такъ называемой метафизикѣ» (***), и онъ говоритъ, что *«главнымъ вопросомъ гносеологіи* (теоріи познанія) долженъ быть слѣдующій: возможно-ли знаніе трансцендентныхъ предметовъ, или-же всякое мнѣніе о нихъ должно оставаться навсегда лишь *вѣрой*, хотя-бы даже и неопровержимой, но недоказуемой» (****), и рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно (*****).

(*) Къ этому собственно и приходитъ Виндельбандъ (см. выше стр. 68), На этой точкѣ зрѣнія стоятъ нѣкоторые изъ современныхъ философовъ, напр. у Джемсъ («Многообразіе религіознаго опыта» и «Прагматизмъ») и А. Бергсонъ («Творческая эволюція» и «Философская интуиція» см. сборникъ «Новыя идеи въ философіи» № 1). Они утверждаютъ, что въ основѣ каждой философской системы лежитъ какая нибудь интуиція, или мистическое откровеніе, которыя философъ всю жизнь пытается выразить въ словахъ и формулахъ. См. Хвостовъ. Теорія историческаго процесса. 1914 г. стр. 99—100.

(**) См. Энцкл. Брокгз. и Эфрона.

(***) Введенскій. Логика какъ часть теоріи познанія. 1912 г. стр. 33.

(****) Тамъ-же, стр. 32.

(*****) Тамъ-же, стр. 40—49.

Подтвержденіе моему взгляду нахожу напр. у профессора Хвостова, который, разбирая ученіе Риккерта, говоритъ (*): «Во всѣхъ этихъ построеніяхъ я вижу только замаскированную метафизику или мистику... Какую базу для логики можетъ создать трансцендентная цѣнность, о которой говорится, что она не есть бытіе, но не есть и ничто, а есть какое-то «нѣчто»? Признаюсь, я такъ мало понимаю, что это значитъ, что никакой базы ни для чего въ подобномъ понятіи не могу найти». Жестокой критикѣ подвергается классификація Риккерта и со стороны извѣстнаго лейпцигскаго профессора Вундта (**).

15. «Теорія познанія» Риккерта и его «классификація наукъ» не могутъ являться общеобязательными.

И вотъ, если считаться съ мнѣніями профессоровъ Введенскаго, Хвостова и Вундта, является вопросъ — умѣстно-ли выраженіе «должно быть» по отношеніи къ выводамъ (см. выше, § 13) «теоріи познанія» Риккерта, а значитъ и по отношенію къ его классификаціи наукъ на науки о природѣ и науки о культурѣ, обоснованной именно на признаніи особыхъ «трансцендентныхъ цѣнностей», яко-бы обладающихъ «безусловной значимостью» (***).

16. Никакой философскій выводъ не можетъ имѣть характера общеобязательности по самому способу своего построенія.

Останавливаясь на примѣрѣ «теоріи познанія» Риккерта, я совсѣмъ не хочу сказать, что она хуже или лучше другихъ. Отмѣчая тѣ противорѣчія и метафизическія туманности, въ которыя впалъ Риккертъ, я хочу только указать, что именно такова участь и всѣхъ философскихъ системъ, которыя полагаютъ, что именно только онѣ избрали вѣрный путь къ нахожденію безусловной истины.

Стремленіе къ открытію такой истины неистребимо въ человѣкѣ. Мало того — это стремленіе одна изъ благороднѣйшихъ сторонъ человѣческой души, а потому я болѣе чѣмъ далекъ хотя-бы отъ тѣни пренебреженія къ философіи, которая ставитъ себѣ цѣлью либо открыть путь къ безусловной истинѣ, либо неопровержимо доказать, что такого пути не существуетъ.

Но дѣло въ томъ что несмотря на то, что люди усердно занимаются философіей больше двухъ тысячъ лѣтъ, имъ не

(*) Теорія историческаго процесса. 1914 г. стр: 116—117.

(**) Выбранный Риккертомъ принципъ для расчлененія наукъ онъ называетъ «завѣдомо ложнымъ». См. его «Введеніе въ философію». 1913 г. Стр. 45—51.

(***) «Два пути теоріи познанія», стр. 55.

удалось сдѣлать ни того ни другого. Никому не удалось неопровержимо доказать, что предлагаемый имъ путь къ нахожденію абсолютной истины дѣйствительно вѣрный, и вмѣстѣ съ тѣмъ только одно наличіе факта неудачи этихъ безчисленныхъ и разностороннихъ попытокъ не можетъ еще служить неопровержимымъ доказательствомъ, что такого пути не существуетъ совсѣмъ.

И такое состояніе философіи нисколько не можетъ умалить ея значеніе, такъ какъ оно, по существу, и не можетъ быть другимъ (*).

Самый предметъ философіи рѣзко отличается отъ предметовъ всѣхъ остальныхъ наукъ. Объектъ ея познанія не только существуетъ лишь въ нашемъ представленіи, но только имъ и создается. Онъ совершенно недоступенъ внѣшнимъ нашимъ чувствамъ, и не можетъ быть отмѣченъ или зарегистрованъ какими либо приборами. Онъ не подверженъ никакой эволюціи, онъ не имѣетъ никакой исторіи, отмѣчающей этапы этой эволюціи. Но хотя онъ все тотъ же самый, но онъ не можетъ быть опредѣленъ двумя умами одинаково, ибо, хотя-бы они и говорили о немъ одинаковыми словами, но у нихъ нѣтъ средствъ одинаково о немъ мыслить. Все построеніе любой философской системы состоитъ изъ ряда чисто субъективныхъ гипотезъ, и на такомъ зыбкомъ основаніи строится зданіе системы исключительно посредствомъ діалектики. Единственное сдерживающее начало—это подчиненіе этой діалектики *законамъ логики*, которая однако, совершенно неспособна дать какую либо подпору тѣмъ гипотезамъ, на которыхъ строится система. Напротивъ, именно логика заставляетъ философа закончить свое діалектическое построеніе или приз-

(*) «Въ математикѣ и въ естествознаніи» говоритъ профессоръ Введенскій, «если изъ него вычесть гипотезы, уже выработалась цѣлая масса безспорныхъ положеній, такъ доказываемыхъ, что съ ними принуждены всѣ соглашаться. *Въ метафизикѣ-же все еще нѣтъ ни одного (и не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова «ни одного») положенія, доказываемаго кѣмъ бы то ни было изъ метафизиковъ, которое не оспаривалось-бы другими метафизиками.* И это не смотря на то, что метафизикой человѣчество всегда интересовалось и занималось гораздо больше, чѣмъ математикой и естествознаніемъ». Логика. 1912 г. стр. 44. Курсивы автора.

nаніемъ своей безпомощности, въ смыслѣ признанія невозможности рѣшенія поставленной себѣ задачи, или переходить въ область трансцендентнаго.

17. Философія скорѣе искусство, чѣмъ наука (см. выше, стр. 63 и 65).

Это господство индивидуальности въ философіи ставитъ на первое мѣсто для работы въ ея области размѣръ специальнаго для нея *дарованія*. Любыя *познанія* въ области философіи, и сколь угодно усидчивый трудъ, при полномъ владѣніи логикой, не могутъ создать философа, какъ не создадутъ художника полное знакомство съ произведеніями другихъ художниковъ, соединенное съ тщательнымъ изученіемъ техники, законовъ перспективы, и съ какой угодно трудоспособностью. Безъ *таланта* нельзя даже сдѣлать копію съ картины, а не только что создать свое собственное художественное произведеніе.

Поэтому, я думаю, нельзя не согласиться съ Н. Г. Дебольскимъ (*), который говоритъ, что «философію можно скорѣе уподобить *искусству*, чѣмъ спеціальной наукѣ. Конечно, и въ послѣдней имѣетъ великое значеніе личная геніальность ученаго; но такъ какъ движеніе спеціальной науки далеко не исчерпывается построеніемъ гипотезъ, и въ ней всегда остается много мѣста для изслѣдованій характера эмпирическаго, классифицирующаго и провѣряющаго, доступныхъ и обыкновенному размѣру дарованій, при условіи прилежанія и учености, то развитіе спеціальной науки можетъ не останавливаться и при отсутствіи геніальныхъ дѣятелей. Между тѣмъ, если предположить, что въ области искусства и философіи дарованія понизились до уровня обычной посредственности, то успѣхи искусства и философіи должны прекратиться, такъ какъ при помощи однихъ познаній и трудолюбія въ этихъ областяхъ ничего достигнуть нельзя. Поэтому *процессъ исторіи философіи не есть непремѣнно ея прогрессъ*».

18. Историческое движеніе философіи не есть непремѣнно ея прогрессъ.

Это-же неизбѣжное господство индивидуальности въ области философской работы приводитъ къ множественности системъ, и эта множественность съ теченіемъ времени нисколько не уменьшается

(*) См. его статью «Философія» въ Энциклопедіи Брокгауза и Ефрона.

а, напротивъ, даже увеличивается. Притомъ замѣчено, что «всякій расцвѣтъ философской мысли всегда сопровождается *умноженіемъ* разнообразныхъ философскихъ ученій» (*), тогда какъ во всякой другой наукѣ всякій крупный шагъ впередъ (открытіе закона, установленіе факта, геніальная гипотеза) ведетъ къ *упрощенію* и къ большему *единству* въ мнѣніяхъ. А происходитъ это потому, что геніальный умъ можетъ создать чрезвычайно стройную и увлекательную систему философіи; но такъ какъ по самому свойству предмета онъ обосновываетъ свою систему на гипотезахъ, которыя не могутъ быть провѣрены какимъ либо опытомъ, а человѣческій языкъ слишкомъ грубый инструментъ, чтобы опредѣленно и отчетливо изобразить ходъ мысли, то масса людей, отличающихся отъ великаго философа, прежде всего, конечно, и самой степенью дарованія, и вообще складомъ ума и системой хода мысли, понимаютъ его самымъ различнымъ образомъ и, исходя изъ него, приходятъ къ цѣлому ряду новыхъ системъ, совершенно различающихся между собою по своимъ выводамъ.

Въ исторіи философіи замѣчается особое явленіе, имѣющее мѣсто и въ искусствѣ, но совершенно неизвѣстное въ наукѣ — это частое возвращеніе къ исходнымъ точкамъ (**), и постоянное наличіе въ каждый данный моментъ всѣхъ бывшихъ когда-либо крупныхъ системъ, съ раздѣленіемъ каждой изъ нихъ на многочисленные толки. Въ области философіи вполнѣ возможенъ, напр., призывъ «назадъ къ Канту» черезъ сто лѣтъ послѣ появленія его «Критики чистаго разума»; но какъ разно понимали Канта его ученики и непосредственные его преемники, столь-же разнятся въ своихъ мнѣніяхъ его послѣдователи и теперь, ибо и «назадъ къ Канту» они идутъ

(*) Дебольскій. Статья «Философія».

(**) Тутъ вы встрѣтите и новоаристотеликовъ, новогегеліанцевъ и новокантіанцевъ, новопиѳагорійцевъ, и новоплатониковъ, и новосхоластиковъ и т. п. См. Э. Л. Радловъ. Философскій словарь.

Современные философы А. Бергсонъ и У. Джемсъ возвращаются къ началамъ Ормузда и Аримана въ древней персидской религіи. См. Хвостовъ. Теорія историческаго процесса. 1914 г. стр. 98—99.

разными путями и не могутъ сойтись на одинаковомъ пониманіи его ученія.

Наконецъ, такъ какъ философія имѣетъ задачей указать путь къ абсолютной истинѣ, но этой абсолютной истины ни одна философская система не нашла, или во всякомъ случаѣ ни одна изъ нихъ не можетъ доказать, что она достигла этого результата, то у каждой системы, при непремѣнной ея индивидуальности, и при наличіи въ ней элемента вѣры, является стремленіе утверждать, что предлагаемый ею путь единственно истинный, и что другіе пути—всѣ ложные.

Это неизбѣжное разномысліе множества философскихъ системъ заставило поставить въ философіи вопросъ — какъ-же быть съ этимъ разногласіемъ, и какъ согласить его съ естественнымъ требованіемъ къ философіи, чтобы она была единой?

Въ рѣшеніи и этого вопроса мнѣнія расходятся и намѣчаются и для этого совершенно различные пути. Наиболѣе симпатичнымъ путемъ,—хотя кто его знаетъ, на сколько онъ вѣрнѣе другихъ, — является такъ называемый путь *примиряющаго начала.*

19. Естественная множественность системъ въ философіи вызвала необходимость «примиряющаго начала».

По этому воззрѣнію (*) «всѣ философскія системы *истинны.* Всякая система (предполагая правильное ея построеніе, т. е. правильность построенія ея разсужденій съ точки зрѣнія логики) истинна *въ себѣ,* т. е. въ своемъ *положительномъ* содержаніи. Ея ложь заключается лишь въ *отрицаніи* ею другихъ системъ, и эта ложь уничтожается путемъ *философскаго примиренія.* Это нужно понимать такъ: истинное философское основоначало мыслится нами по своей *идеѣ* какъ всеобъемлющее, т. е. служащее всеобщимъ единствомъ и основаніемъ всякихъ *частныхъ* истинъ. Такими частными истинами, *примиряющимися* во всеобщемъ основоначалѣ, и должны считаться основоначала *дѣйствительно* появлявшихся въ развитіи философіи системъ. Каждая изъ нихъ объявляетъ себя всеобщею истиною—и въ этомъ ея ложь, необходимо возникающая въ притязаніи ея автора, но столь-же необходимо разоблачаемая исторической критикою».

(*) Дебольскій. Ст. «Философія».

20. «Новое» и «современное» въ области философіи не есть «лучшее». (См. выше, стр. 65).

Я еще разъ очень извиняюсь передъ моими читателями, что мнѣ пришлось такъ далеко отвлечься въ сторону философіи и испытывать ихъ терпѣніе вышеприведенными цитатами и разсужденіями.

Но никакъ иначе я не могъ-бы обосновать ту «примитивность» и «отсталость» въ представленіяхъ, относящихся къ «теоріи познанія», т. е., иначе говоря, къ философіи, въ которой упрекаетъ меня мой уважаемый оппонентъ. (См. выше, стр. 62).

Онъ вотъ, повидимому, крѣпко убѣжденъ, что Менгеръ, Виндельбандъ и Риккертъ на столько приблизились къ истинѣ, что про ихъ выводы можно свободно говорить «общепризнанное», (стр. 122) «въ настоящее время *твердо установившееся* дѣленіе наукъ» (стр. 123), которое «мы должны признать» (стр. 124), что «правильная классификація *должна быть* построена» (стр. 126) по указываемой имъ схемѣ.

А я, вотъ, правда, въ предѣлахъ моего «сознательнаго полузнанія» въ области философіи, — повторяю, не стыжусь сознаться въ такомъ полузнаніи—совершенно не убѣжденъ ни въ *твердой установленности*, ни въ *непремѣнномъ долженствованіи* приводимыхъ г. Нордманомъ положеній, и, надѣюсь, какъ видно и изъ краткихъ, сдѣланныхъ мною экскурсій въ область философіи, я имѣю достаточныя основанія для моихъ сомнѣній.

Эти экскурсіи показываютъ, что всякія философскія изслѣдованія индивидуальны, что самыя различныя и другъ другу противорѣчащія по заключеніямъ таковыя изслѣдованія, разъ онѣ логически правильны, имѣютъ одинаковое право на существованіе, что «новое» и «старое» въ области философіи совершенно не существуетъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимается въ другихъ областяхъ знанія, гдѣ «новое» можетъ совершенно уничтожить, и дѣйствительно часто и уничтожаетъ «старое», гдѣ дѣйствительно можно съ полнымъ основаніемъ упрекать въ «устарѣлости» представленій, ибо въ области другихъ наукъ «устарѣлость»—это вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно и ложь. Между тѣмъ въ философіи, какъ мы видѣли

выше, ложь именно и лежитъ въ самомнѣніи «новаго» передъ «старымъ», ибо здѣсь «новое» не есть непремѣнно «прогрессъ».

Вотъ почему и въ отношеніи «классификацій» и «методовъ», предлагаемыхъ различными авторами, а, главнымъ образомъ, выдающимися талантами (см. выше, §§ 17 и 18, объ особомъ значеніи талантливости въ области философскихъ изслѣдованій), я держусь того мнѣнія, что всѣ они имѣютъ свою цѣнность, объемъ которой зависитъ отъ объема тѣхъ задачъ, для разрѣшенія которыхъ приходится къ нимъ прибѣгать.

21. Г. Нордманъ неправъ въ своемъ «требованіи» держаться «новаго» въ классификаціи наукъ.

Таково мое мнѣніе вообще о практическомъ примѣненіи столь многообразныхъ положеній теоріи познанія, и потому я считаю г. Нордмана неправымъ *вообще* въ его *требованіи* примѣняться именно къ «новымъ» и «современнымъ» таковымъ положеніямъ.

22. Г. Нордманъ извращаетъ характеръ моей ссылки на классификацію Конта.

А въ *частности*, относительно ссылки моей на классификацію наукъ Конта, я, къ сожалѣнію, долженъ поставить г. Нордману серьезный упрекъ прямо въ извращеніи характера моей ссылки. Онъ увѣряетъ (стр. 118), что я «подъ флагомъ современныхъ взглядовъ» излагаю «теоріи, господствовавшія лѣтъ 25—30 назадъ», и какъ на примѣръ (а значитъ имѣются по мнѣнію Нордмана и другіе) такого изложенія ссылается на стр. 27—29 моей книги, гдѣ я говорю о классификаціи наукъ Конта.

Чтобы имѣть право на такое увѣреніе, цѣль котораго указать, что я не счелъ необходимымъ, писавши мою книгу, ознакомиться съ болѣе поздними системами классификаціи (стр. 121), г. Нордманъ по крайней мѣрѣ долженъ-бы былъ привести хоть какую нибудь мою фразу, изъ которой-бы было видно, что я считаю классификацію Конта «современной», «общепринятой», «твердо установившейся» и т. п...

Но ничего подобнаго у меня нѣтъ, да оно и понятно. Вѣдь изъ вышеизложенныхъ моихъ представленій о философскихъ положеніяхъ, какъ мнѣ кажется, ясно, что я совсѣмъ не придаю того значенія «новѣйшему» и «современному»,

какое придаетъ имъ—съ моей точки зрѣнія совершенно неправильно,—г. Нордманъ. И мнѣ кажется, что тѣмъ болѣе это увлеченіе г. Нордмана «новѣйшимъ» и «современнымъ» не должно-бы было доводить его до утвержденія, что я ввожу своихъ читателей въ заблужденіе, преподнося имъ «подъ флагомъ» современныхъ устарѣвшія теоріи.

Тѣмъ болѣе надо было ему быть осторожнымъ въ такихъ своихъ утвержденіяхъ, что говоритъ онъ о книгѣ, которая очень мало у кого найдется (см. выше стр. 56 и 59), и, значитъ, провѣрить такое утвержденіе большинству читателей нельзя.

Я тщательно пересмотрѣлъ все свое изложеніе, думая,— не проскользнуло-ли у меня невольно то, въ чемъ обвиняетъ меня г. Нордманъ. Вѣдь историки философіи называютъ ее «новой», начиная съ Декарта (*), а вѣдь этотъ основатель (**) «новой» философіи умеръ въ 1650 г., и Контъ основалъ позитивизмъ еще на два столѣтія позже. Но оказалось, что и невольной—ошибки, противорѣчащей моимъ понятіямъ о значеніи «новаго» въ философіи, я не сдѣлалъ. Нигдѣ у меня нѣтъ ни одного слова о «новой», «современной», «твердо установившейся» классификаціи. Я просто говорю о классификаціи Конта и больше ничего.

23. Почему я ссылаюсь на классификацію наукъ Конта. Мнѣ болѣе чѣмъ легко пояснить, почему именно я выбралъ эту классификацію. Установивъ, (на стр. 25—27) (***) что область военныхъ знаній можетъ быть подведена подъ понятіе науки, я естественно задаюсь вопросомъ—къ какого рода наукамъ относятся военныя по своему *содержанію?* И самый ясный, съ моей точки зрѣнія, отвѣтъ—это то, что онѣ принадлежатъ къ общественнымъ или соціальнымъ наукамъ, т. е. къ такимъ, которыя изучаютъ разныя стороны жизни человѣческаго общества, такъ какъ война—это именно одна изъ сторонъ жизни человѣческихъ обществъ. Здѣсь-же, очевидно, надо было указать, въ какомъ *состояніи* находится эта группа наукъ, сравни-

(*) См. Куно Фишеръ «Исторія Новой Философіи». Т. I. 1904 г.
(**) Радловъ. Философскій словарь. 1913 г.
(***) См. также I этюдъ по стратегіи, § 2. «М. Сб.» 1913 г. № 1.

тельно съ другими группами, чтобы увидѣть не представляютъ-ли изъ себя военныя науки аномалію въ этомъ отношеніи, ибо нельзя обойти того факта, что онѣ еще очень мало разработаны. И оказывается, это общая черта въ состояніи общественныхъ наукъ — онѣ меньше разработаны, чѣмъ естественныя науки, а тѣ, въ свою очередь, еще гораздо меньше, чѣмъ математическія. Вотъ Контъ и отвѣчаетъ на вопросъ отчего это такъ. Да оттого, что эти науки, по существу, гораздо сложнѣе, а потому имъ труднѣе всего достигнуть того идеала познанія (позитивнаго познанія), которое себѣ ставитъ Контъ. А, значитъ, то состояніе младенчества, въ которомъ находятся военныя знанія, не есть признакъ того, что онѣ не могутъ быть наукой, а состояніе это свойственно, въ бо̀льшей или меньшей мѣрѣ, всякому знанію въ области общественной жизни, которыя между тѣмъ носятъ названіе науки.

Вотъ почему, поставивъ себѣ цѣлью показать, что военныя знанія, не меньше чѣмъ всякія другія знанія объ общественной жизни могутъ претендовать на званіе науки, я естественно обратился къ классификаціи наукъ Конта, который раздѣляетъ науки въ порядкѣ убывающей общности и простоты, или возрастающей спеспфикаціи и сложности. И если онъ въ число наукъ включилъ соціологію, науку имъ и основанную, и причисленіе соціологіи къ наукамъ никѣмъ не отрицается, то не можетъ отрицаться причисленіе къ нимъ и области военныхъ знаній. И вотъ этимъ и исчерпывается вся цѣль обращенія моего къ классификаціи Конта.

Это отнюдь не обозначаетъ, что я причисляю себя къ позитивизму, и что я принимаю всѣ его положенія, что я считаю, что исторія—это соціологія, что единственно примѣнимымъ методомъ во всѣхъ наукахъ я признаю естественно научный методъ и т. п... Я *нигдѣ* объ этомъ не говорю, и все это г. Нордманъ приписываетъ мнѣ, къ крайнему моему удивленію, совершенно произвольно, и безъ всякихъ къ тому основаній. Наконецъ, это прямо противорѣчитъ моимъ основнымъ убѣжденіямъ въ области философіи: я положительно

отрицаю общеобязательность какихъ либо философскихъ положеній.

Я даже скажу больше: позитивизмъ менѣе всякой другой системы соотвѣтствуетъ моимъ личнымъ философскимъ воззрѣніямъ (философія по своей природѣ индивидуальна—она у всякаго своя). Но я долженъ отмѣтить, что, по своимъ требованіямъ къ научности знанія, позитивизмъ является, съ моей точки зрѣнія, самымъ строгимъ. Очевидно поэтому, что я, защищая право военныхъ знаній на научность, считаю необходимымъ показать, что военныя знанія *и* съ точки зрѣнія позитивизма, имѣютъ право именоваться наукой.

Имѣю-ли я право пользоваться классификаціей Конта, не причисляя себя къ позитивизму? Считаю, что имѣю полное право, такъ какъ (см. выше § 19) всякая система имѣетъ свои достоинства и недостатки, и въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ система не претендуетъ на общезначимость (въ этомъ именно и заключается ложь всякой философской системы), она въ той-же степени можетъ претендовать на приближеніе къ истинѣ, какъ и другія. А именно только въ такихъ предѣлахъ я и обращаюсь къ ученію Конта.

Наконецъ, Контъ — это безспорно крупный и *творческій* талантъ въ области философской работы (см. выше о значеніи творческаго таланта въ этой области §§ 17 и 18), это дѣйствительный основатель цѣлой школы, и такой школы, которая, — впрочемъ какъ и всѣ крупныя философскія направленія, — не исчезнетъ никогда, такъ какъ существуютъ и будутъ существовать всегда такіе умы, которымъ по самой ихъ природѣ претитъ всякая метафизика, которая, въ большей или меньшей степени, существуетъ во всѣхъ остальныхъ системахъ, и отъ которой далеко не свободенъ и Кантъ, хотя онъ и числится разрушителемъ метафизики.

И потому, повторяю, я, не будучи позитивистомъ, совершенно не нахожу возможнымъ не считаться съ требованіями къ научности со стороны позитивной философіи, такъ какъ если военныя знанія удовлетворяютъ ея требованіямъ, то этимъ самымъ онѣ удовлетворятъ какимъ угодно требованіямъ остальныхъ системъ.

24. г. Нордманъ неправъ въ своемъ «требованіи» считать классификацію наукъ Конта «устарѣлой», а потому теперь непригодной.

Г. Нордманъ считаетъ, что классификація Конта столь устарѣла, что ссылка на нее требуетъ особой оговорки (см. стр. 119) (*). Она яко-бы совсѣмъ устранена классификаціями новокантіанцевъ (Виндельбанда и Риккерта). Не хочу сказать, что эта школа хуже или лучше другихъ безчисленныхъ направленій современной философіи, но не могу не согласиться съ Э. Радловымъ (**), что это направленіе, какъ не оригинальное «представляетъ собою упадокъ истиннаго философскаго творчества», а въ философіи,—какъ я имѣлъ случай отмѣтить выше,—только, *творческій* талантъ имѣетъ опредѣленную цѣнность. И потому меня не увлекаютъ эти новотолкователи Канта, т. е., вѣрнѣе, не увлекаютъ до такой степени, чтобы я считалъ, что ихъ «новое» уничтожаетъ «старое» настоящихъ талантовъ. Сколь шатко обоснованной является, напр., классификація Риккерта, я уже отмѣтилъ выше (***). Самъ г. Нордманъ признаетъ, что теорія Риккерта вызвала «*въ самое послѣднее время* оживленную полемику». Едва-ли это даетъ право утверждать, что именно объ этой теоріи можно упоминать безъ особыхъ оговорокъ, а о теоріи Конта это дѣлать, будто-бы, нельзя.

25. Владиміръ Соловьевъ и Радловъ о классификаціи наукъ Конта.

И что ужъ не столь преступно ссылаться на классификацію Конта, какъ это увѣряетъ г. Нордманъ, показываетъ тотъ фактъ, что такой выдающійся *творческій* философскій талантъ какъ Владиміръ Соловьевъ (напоминаю опять о значеніи такихъ талантовъ въ области философіи), отнюдь не позволяетъ себѣ пренебрежительно относиться къ этой классификаціи, хотя во многихъ отношеніяхъ онъ подвергаетъ ученіе Конта, жестокой критикѣ. «Въ законѣ трехъ стадій» говоритъ Соловьевъ (****) «сквозь не адекватныя выраженія

(*) «Ложь всякой системы заключается лишь въ отрицаніи ею другихъ системъ» (См. выше § 19).

(**) Энциклопедическій словарь.

(***) Оговариваюсь, что стремленія Риккерта вполнѣ понятны, если имѣть въ виду цѣль—*для чего* онъ это дѣлаетъ, и къ этому я обращусь въ своемъ мѣстѣ. (См. ниже, § 32).

(****) См. его статью о Контѣ въ Энциклопедическомъ словарѣ.

Конта, можно разсмотрѣть *истинную* формулу, относящуюся къ исторіи *всякой* идеи, *во всѣхъ* сферахъ жизни. Всякая идея, имѣющая историческое значеніе, является первоначально какъ выраженіе непосредственной увѣренности (наитія, вдохновенія, что соотвѣтствуетъ теологической стадіи у Конта); затѣмъ она становится предметомъ отвлеченнаго мышленія (метафизической стадіи Конта), и, наконецъ, ставится какъ задача реальнаго осуществленія или воплощенія (позитивная стадія Конта). Понимаемый такимъ образомъ законъ 3 стадій имѣлъ-бы дѣйствительно всеобщее примѣненіе, какъ одна изъ основныхъ варіацій установленной Гегелемъ логической формулы всякого процесса. Въ своей *классификаціи наукъ* Контъ несомнѣнно привелъ всю область положительныхъ знаній въ правильный стройный порядокъ. Преимущества этой классификаціи можно видѣть уже изъ того, что новыя, введенныя ею разграниченія, обозначаемыя терминами *біологія, соціологія,* сдѣлались общеупотребительными у ученыхъ. Нѣкоторыя возраженія противъ классификаціи Конта вызваны недоразумѣніемъ... Съ этой поправкой (пропускъ минералогіи) *классификація наукъ Конта можетъ считаться лучшею изъ существующихъ*».

«Примѣромъ хорошей классификаціи» говоритъ другой нашъ философъ Э. Радловъ, (*) «способной къ развитію, можетъ служить Контова классификація наукъ, основанная на принципѣ относительной сложности».

Ни Радловъ, ни Вл. Соловьевъ не позитивисты. Послѣдній, какъ представитель *мистической* философіи, прямо естественный противникъ позитивнаго міровоззрѣнія. И дѣйствительно, онъ опредѣленно отмежевывается отъ этого ученія вообще, и въ частности критически относится и къ Контовской классификаціи. Но въ предѣлахъ цѣли раздѣленія наукъ по содержанію, и выясненія тѣхъ стадій, которыя проходятъ всякія знанія, Соловьевъ отдаетъ должное достоинствамъ Контовской точки зрѣнія на эти вопросы.

(*) См. его статью «Классификація» въ Энциклопедическомъ словарѣ.

А какъ разъ *только въ этихъ предѣлахъ* я и ссылаюсь на Конта. Упоминая объ этомъ, я совсѣмъ не хочу сказать, что я не считалъ-бы себя правымъ, если-бы использовалъ мысли Конта гораздо шире, чѣмъ я это сдѣлалъ. Философское міровоззрѣніе по существу индивидуально, и потому вполнѣ свободно, совершенно внѣ «новаго» и «стараго», которое не можетъ играть никакой роли въ области философіи. Иначе пришлось-бы считать очень устарѣлыми ученія и новокантіанцевъ (онѣ очень разнообразны), на которыхъ ссылается г. Нордманъ. Вѣдь они возвращаются къ ученію еще болѣе старому, чѣмъ ученіе Конта. Но упрекъ имъ въ устарѣлости былъ-бы совершенно неправильнымъ, ибо такого упрека въ области философіи не должно быть (*). А индивидуализмъ, присущій философіи, сказался и здѣсь. Всѣ новокантіанцы различно *по своему* понимаютъ Канта вообще, и въ частности различны и ихъ взгляды на классификацію. И каждый, со своей точки зрѣнія, правъ, но въ той-же мѣрѣ правъ и Контъ.

И вотъ, отношеніе Вл. Соловьева къ совершенно чуждому ему философскому воззрѣнію и представляетъ изъ себя образчикъ того «философскаго примиренія», о которомъ я говорилъ выше (§ 19), и которое неизбѣжно въ области философіи.

И такое именно отношеніе, съ моей точки зрѣнія,—это одна изъ граней истиннаго таланта. И какъ безконечно выше такое отношеніе той мелкой партійности и непримиримыхъ несогласій, которыми характеризуются многочисленныя посредственности, расхватывающія по частямъ наслѣдство дѣйствительныхъ творческихъ философскихъ талантовъ, преподнося ихъ, подъ соусомъ «современности», какъ «новѣйшее», «единственно вѣрное», «твердо установленное» и т. п... Именно онѣ—эти посредственности—доводятъ до того отчаянія и тѣхъ сомнѣній, которыя проявились на послѣднемъ философскомъ съѣздѣ (см. выше § 9).

(*) Въ «Философскомъ словарѣ» Э. Л. Радлова, изданномъ въ 1913 г. подъ словомъ «классификація» значится: «изъ *новѣйшихъ* классификацій упомянемъ Конта, Спенсера и Вундта», несмотря на то, что между появленіемъ ихъ трудовъ надо считать не менѣе полустолѣтія.

26. Необоснованное увлеченіе г. Нордмана «новымъ» и «современнымъ» приводитъ его къ необоснованному «высокомѣрію».

Въ результатѣ, никакъ не могу принять упрека г. Нордмана въ «несовременности» моихъ взглядовъ, ибо это просто не имѣетъ смысла въ той области, въ которой возникла наша полемика. Затѣмъ я совершенно отрицаю его утвержденія, что я будто-бы высказываемые мною взгляды провожу «подъ флагомъ современныхъ» и выдаю ихъ «въ видѣ яко-бы современныхъ». И притомъ г. Нордманъ просто сваливаетъ съ больной головы на здоровую. Вотъ именно ему я могъ-бы, съ полнымъ основаніемъ, поставить упрекъ въ увлеченіи модными, яко-бы современными теоріями, и притомъ—въ увлеченіи *высокомѣрномъ*. Ему оказывается «заманчивымъ по своей простотѣ» выясненіе ошибочности моихъ ссылокъ на Конта, но онъ великодушно и «сознательно оставляетъ эту выгодную позицію», онъ считаетъ «излишнимъ» заняться выясненіемъ существующихъ взглядовъ науки на философію...

А я скажу: напрасно г. Нордманъ и свеликодушничалъ и пожалѣлъ своего труда на философское обоснованіе своего требованія непремѣнно признавать за «современное» и «истинное» новости изысканій новокантіанской школы. Едва-ли-бы это ему удалось, какъ неудалось это еще до сихъ поръ никому, кто въ области философіи задумывалъ доказать, что только одно какое либо ученіе истинно, а тѣмъ болѣе, что истинно то, что болѣе ново. Именно невозможность этого—характерное отличіе философіи отъ другихъ областей знанія.

27. Выдаваемое г. Нордманомъ за «новое» и «современное» оказывается «старымъ», и исходящимъ отъ того-же Конта.

Возвращаясь теперь вновь къ классификаціи Конта, теперь уже внѣ тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ я обращался къ ней въ моей книгѣ, надо отмѣтить еще, что и самая «новизна» классификаціи новокантіанцевъ, на которую указываетъ г. Нордманъ, болѣе чѣмъ сомнительна.

Какъ извѣстно, помимо классификаціи наукъ по ихъ относительной сложности, Контъ еще дѣлилъ науки на «абстрактныя, общія, которыя имѣютъ цѣлью открытіе законовъ» и на «конкретныя особенныя, описательныя». Извѣстный нашъ историкъ и соціологъ Н. И. Карѣевъ, въ своей «Теоріи исто-

рическаго знанія», изданной въ 1913 г., говоритъ (стр. 63): «принявъ Контовское раздѣленіе наукъ на науки объ общихъ законахъ и науки объ отдѣльныхъ явленіяхъ, я высказался противъ Контовской *терминологіи*, которая, по моему мнѣнію, содержитъ въ себѣ поводы для нѣкоторыхъ недоразумѣній и замѣнилъ для себя его терминологію другою: науки объ общихъ законахъ были названы мною «номологическими» (отъ греческаго слова—законъ), науки объ опредѣленныхъ явленіяхъ—«феноменологическими» (отъ греческаго слова—явленіе). Уже много времени спустя въ нѣмецкой философской литературѣ сдѣлано было аналогичное различеніе между двумя категоріями наукъ, изъ которыхъ одна при этомъ получила названіе наукъ «номотетическихъ», т. е. устанавливающихъ законы, другая—наукъ «идіографическихъ», т. е. описывающихъ отдѣльные, единичные предметы. Это, въ сущности, есть *ничто иное, какъ Контовское различеніе, только съ другой терминологіей»*. А въ ссылкѣ къ этой послѣдней фразѣ Карѣевъ прямо указываетъ про чью классификацію онъ говоритъ — про классификацію Виндельбанда и Риккерта, т. е. какъ разъ онъ говоритъ про тѣхъ новокантіанцевъ, на теоріи которыхъ, какъ на «новѣйшія» и единственно «истинныя», ссылается г. Нордманъ.

28. «Новѣйшее» г. Нордмана по Риккерту и Виндельбанду въ освѣщеніи профессора Введенскаго.

Но, увы, г. Нордманъ не принялъ во вниманіе «индивидуальности» во всякомъ философскомъ утвержденіи. И Виндельбандъ, и Риккертъ въ своей классификаціи наукъ, выдѣляя исторію—одинъ какъ *идіографическое знаніе*, а другой какъ *науку о культурѣ*,—оба отвергаютъ въ ней и необходимость, и возможность отысканія въ ней и посредствомъ нея «общаго» — какихъ-либо законовъ, подобныхъ естественнонаучнымъ. Также и г. Нордманъ проводитъ мысль (стр. 125), что пытаться найти посредствомъ историческихъ изслѣдованій познаніе типическихъ соотношеній, на которыхъ базируется человѣческое предвидѣніе и всякая при посредствѣ его возможность произвольно устраивать извѣстный распорядокъ вещей—«значитъ не понимать ни существа историческаго процесса, ни сущности историческаго изслѣдованія». А дальше

ужъ легко онъ приходитъ къ выводу, что разъ я ввожу въ методъ «теоріи» военной науки и историческія изслѣдованія (участіе исторіи военно-морского искусства (см. стр. 127) въ обоснованіи основоначалъ этой теоріи—принциповъ), то, собственно, нѣтъ у меня и «чистой теоріи военно-морскихъ явленій», а имѣется она въ книгѣ св. кн. Ливена «Духъ и дисциплина во флотѣ».

Но вотъ, что говоритъ по этому поводу самый талантливый и выдающійся русскій представитель того-же новокантіанства, профессоръ Введенскій, въ своей книгѣ «Логика, какъ часть теоріи познанія», вновь переработанной только въ 1912 году, т. е. вотъ «новѣйшее» въ этомъ вопросѣ, если ужъ г. Нордманъ придаетъ особую цѣнность именно «новѣйшему», и вмѣстѣ съ тѣмъ сказанное въ курсѣ «Логики» т. е. въ той наукѣ, которая опредѣляетъ и контролируетъ правильность всякого философскаго построенія.

Указавъ на то, что исторіи навязываютъ изучать лишь то, что можно мыслить лишь въ видѣ единичныхъ сужденій, и самое большое, въ видѣ частныхъ сужденій, если эти событія повторялись нѣсколько разъ, профессоръ Введенскій говоритъ (*): «Въ дѣйствительности-же и въ исторіи важнѣйшую роль играютъ общія сужденія... Прежде всего мы требуемъ отъ исторіи, чтобы, повѣствуя точнымъ образомъ о фактахъ прошлаго, она вмѣстѣ съ тѣмъ и объясняла намъ его, чтобы она указала намъ *причины*, по которымъ оно должно было возникнуть и принять такой, а не другой характеръ. *Исторія какъ наука, начинается лишь съ того момента, когда она начинаетъ объяснять прошлое; до той поры существуютъ лишь, болѣе или менѣе, годные матеріалы для науки о прошломъ.* А узнать причину какого нибудь событія, въ томъ числѣ и историческаго, это значитъ узнать то, повтореніе чего *всегда* приводитъ къ повторенію этого событія, т. е. доказать *общее* сужденіе... Далѣе *мало кто* станетъ оспаривать что *и исторіи*, подобно естествознанію, *необходимо ста-*

(*) Стр. 88—90. Всѣ курсивы принадлежатъ автору.

раться открыть законы, которымъ подчинены явленія, изучаемыя ею, и которые, подобно законамъ природы, могли-бы мыслиться лишь въ видѣ общихъ сужденій. Разумѣется, въ исторіи эти законы черезчуръ сложны, и мы еще долго, а можетъ быть и никогда, не будемъ въ силахъ облечь ихъ въ точныя словесныя формулы, какъ это мы дѣлаемъ со множествомъ законовъ природы. Но взамѣнъ этого мы, все таки, должны стремиться при помощи *сопоставленія и сравненія* между собою единичныхъ историческихъ фактовъ (мыслимыхъ въ видѣ единичныхъ сужденій), по крайней мѣрѣ, *почувствовать* эти законы, чтобы съ ихъ помощью быть предусмотрительнѣе относительно хода государственной жизни во всѣхъ ея частяхъ (*). Если-же усмотрѣніе историческихъ законовъ составляетъ одну изъ задачъ исторіи (**), которую она не должна упускать изъ вида, хотя-бы еще и не могла надѣяться на ея рѣшеніе, то это снова доказываетъ, что и въ исторіи, подобно естествознанію, общія сужденія имѣютъ значительно большую цѣнность, чѣмъ частныя и единичныя»...

(*) См. ниже § 53, 66 и 121.—объ историческомъ методѣ вывода «принциповъ».

(**) Вотъ это именно рѣзко отвергаютъ и Виндельбандъ и Риккертъ.

Но многіе философы и историки держатся противуположнаго взгляда.

«Изъ науки о томъ, какъ строилось человѣческое общежитіе, можетъ со временемъ—*и это будетъ торжествомъ исторической науки*—выработаться и общая соціологическая часть ея, *наука объ общихъ законахъ* строенія человѣческихъ обществъ, приложимыхъ независимо отъ преходящихъ мѣстныхъ условій». Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Изд. 4-е, ч. I, стр. 9. Слово «общихъ» напечатано курсивомъ у автора.

«Именно закономѣрность (историческаго процесса) даетъ намъ право включить исторію въ общую систему наукъ». Хвостовъ. Теорія историческаго процесса 1914 г. стр. 129.

«Вполнѣ возможно сомнѣніе въ томъ—удастся-ли когда нибудь найти законы историческихъ событій въ смыслѣ законовъ естествознанія. Но если-бы это было возможно, историкъ, конечно, *никогда не отказался-бы отъ своего права вывести ихъ*» Вундтъ. Проблемы психологіи народовъ. 1912, стр. 5.

Въ своемъ «Введеніи въ философію» (стр. 47) Вундтъ совершенно опредѣленно называетъ точку зрѣнія Риккерта «ложнымъ утвержденіемъ».

Профессоръ Випперъ, полемизируя со взглядами Риккерта, называетъ ихъ «попытками избавить исторію отъ требованій общенаучнаго метода». См. его «Очерки теоріи историческаго познанія». 1911 г. стр. 48—74.

«Въ настоящее время среди учащихся и большой публики, подъ вліяніемъ Виндельбанда и Риккерта (*) (понятыхъ правильно или неправильно, что безразлично), нерѣдко встрѣчается мнѣніе, будто-бы окончательною цѣлью исторіи служитъ само-же единичное; будто-бы она вовсе не обязана стремиться къ тому, чтобы указать намъ или, по крайней мѣрѣ, заставить насъ чувствовать общіе историческіе законы, такъ какъ прошлое «интересно» намъ само по себѣ .. Поэтому-де Виндельбандъ вполнѣ справедливо естествознаніе называетъ наукой *номотетической* (т. е. законоустанавливающей), а исторію *идіографической* (т. е. единичноописывающей). И любопытно — поклонники чистой единичности, или чистой идіографичности исторіи иногда доходятъ до такой крайности, что не хотятъ допускать въ ней даже и объясненій изучаемаго ею прошлаго: намъ, говорятъ они, «интересно», чтобы она только нарисовала мнѣ Наполеона, какъ живого, а отнюдь не разсуждала о немъ. Насъ интересуетъ самъ Наполеонъ, а не какія либо разсужденія историка о немъ; разсужденія позволительны въ исторіи только, какъ основанныя на источникахъ доказательства соотвѣтствія рисуемыхъ ею картинъ прошлаго съ самимъ прошлымъ».

«Но доходятъ-ли до этой крайности или нѣтъ..., мы скажемъ въ отвѣтъ—наука *обязана* имѣть смыслъ, а не быть *всего только* «интересной»... Если историкъ потому ограничивается однимъ лишь единичнымъ, что оно интересно для него само по себѣ, безъ всякихъ заботъ о дальнѣйшемъ смыслѣ въ описаніи единичнаго, даже безъ всякой мысли о томъ, чтобы знаніе этого единичнаго имѣло *запасное* значеніе (**),

---

(*) См. статью (вѣрнѣе рѣчь на одномъ изъ университетскихъ торжествъ) перваго «Естествознаніе и исторія» въ его «Прелюдіяхъ», и «Философію исторіи» второго.

Эта выноска принадлежитъ проф. Введенскому. Онъ ссылается какъ разъ на тѣ сочиненія, гдѣ Виндельбандъ и Риккертъ излагаютъ предлагамыя ими системы классификаціи.

(**) По мнѣнію профессора Введенскаго (логика, стр. 19—20) «каждая наука *должна* имѣть смыслъ, оправдывающій ея изученіе, а не быть просто умственнымъ спортомъ, который не имѣетъ иного значенія, кромѣ интереса къ нему. А можетъ наука имѣть смыслъ только въ томъ случаѣ, если она

то это значитъ, что и среди ученыхъ можно встрѣтить людей, похожихъ на гоголевскаго Петрушку. Послѣдній читалъ какую попало книгу, хотя-бы и астрономическую, въ которой онъ ровно ничего не понималъ; но его «интересовало», что изъ буквъ всегда выходитъ какое нибудь слово, «которое иной разъ даже, чортъ знаетъ, что значитъ». Такъ точно и тѣхъ историковъ, которые не хотятъ заботиться даже о запасномъ значеніи своихъ работъ, очевидно, только и интересуетъ, что съ помощью источниковъ всегда можно возстановить передъ собою какой нибудь фактъ прошлаго, а вовсе не то, какой смыслъ въ этомъ фактѣ».

29. Требованіе г. Нордмана ссылаться на Конта съ «оговоркой» столь-же легко можетъ быть обращено и къ ссылкамъ на Риккерта.

Вотъ этотъ *смыслъ*, напр., Риккертъ хочетъ установить *культурнымъ* значеніемъ факта, но онъ такъ и не могъ дать яснаго критерія— какія-же именно факты надо считать культурными, и въ концѣ концовъ, въ дѣйствительности, эта оцѣнка остается чисто субъективной. Но такъ какъ, по его собственному признанію (см. выше, стр. 69—70), если это окажется такъ, то теряется и смыслъ выдѣленія особыхъ наукъ о культурѣ, то едва-ли можно остановиться на его классификаціи какъ на такой, на которую можно ссылаться безъ всякихъ «оговорокъ» о сомнительной ея цѣнности, чего требуетъ, напр., г. Нордманъ, при ссылкѣ на классификацію Конта.

имѣетъ либо утилитарное, либо философское значеніе. Подъ утилитарнымъ значеніемъ подразумѣвается или возможность прямо примѣнять свѣдѣнія къ улучшенію нашей жизни, или содѣйствовать этому косвеннымъ путемъ—содѣйствуя развитію другой науки, имѣющей прямое утилитарное значеніе. Подъ философскимъ значеніемъ науки подразумѣвается ея пригодность прямо или косвенно къ улучшенію нашего міровоззрѣнія. Въ наукѣ имѣющей несомнѣнную важность, найдутся такія части, которыя не имѣютъ ни философскаго, ни утилитарнаго значенія, такъ, что имъ можно приписать всего лишь *запасное* значеніе: онѣ годны лишь про запасъ, въ надеждѣ, что съ теченіемъ времени онѣ пріобрѣтутъ либо философское, либо утилитарное значеніе». Признавая цѣнность такихъ *запасныхъ* частей науки, т. к. дѣйствительность показываетъ, что онѣ часто потомъ оказывались имѣющими значеніе, Введенскій рѣшительно противъ того, чтобы эти части излагались съ каѳедры, или входили въ составъ общеобязательнаго курса. Въ курсъ можетъ входить лишь то, «что неоспоримымъ образомъ имѣетъ либо философское, либо утилитарное значеніе».

30. Дѣйствительно «новѣйшая» классификація наукъ профессора Введенскаго радикально расходится съ «общепризнанной», по мнѣнію г. Нордмана, классификаціей Риккерта.

Ужъ если обращатся къ какой либо (рѣшительно настаиваю на томъ, что единой, «твердо установленной» классификаціи наукъ не существуетъ) «новой» классификаціи, какъ того почему-то непремѣнно требуетъ г. Нордманъ, то наиболѣе простой, логичной и понятной является классификація наукъ того-же профессора Введенскаго. Онъ признаетъ только двѣ области безспорнаго знанія— науки математическія и естественныя. При этомъ онъ расширяетъ значеніе выраженій «естествознаніе» и «естественныя науки», по сравненію съ обычнымъ или, какъ онъ называетъ его, «нефилософскимъ» ихъ значеніемъ.

«*Всякія* данныя опыта» (*) говоритъ онъ, «кромѣ данныхъ въ опытѣ вещей, будемъ называть *«явленіями природы»*, а подъ *«природой»* будемъ подразумѣвать совокупность *всѣхъ* данныхъ опыта, каковы-бы онѣ ни были, въ томъ числѣ и всѣ данныя въ опытѣ вещи. Такимъ образомъ, словамъ «природа» и «явленіе природы» мы условливаемся придавать въ логикѣ и въ теоріи познанія столь широкое значеніе, что подъ нихъ подойдутъ и душевныя явленія, и историческія явленія, и явленія языка и т. д.; слово-же «явленіе природы» будетъ означать у насъ *не только измѣненіе, но и любое свойство вещей, образующихъ природу, словомъ все то, что можетъ быть воспринято въ опытѣ, какъ внутреннемъ* (т. е. путемъ самонаблюденія), *такъ и во внѣшнемъ, только не сами вещи*. А поэтому подъ естествознаніемъ и естественными науками мы будемъ подразумѣвать изученіе какихъ-бы то ни было данныхъ опыта, такъ что сюда будетъ относиться также и психологія, и исторія, и изученіе языка и т. п.».

«Обыкновенно подъ «природой» подразумѣваютъ совокупность лишь тѣхъ данныхъ опыта, которыя остаются за вычетомъ человѣка и всего, что обусловлено въ своемъ существованіи человѣкомъ, такъ что обыкновенно къ природѣ не причисляютъ ни душевныхъ явленій, ни историческихъ явленій,

(*) Логика, какъ часть теоріи познанія. 1912 г. стр. 37. Неоговоренные мною курсивы принадлежатъ автору.

ни явленій языка и. т. п. Но, съ одной стороны, и самъ человѣкъ, а потому и все, что обусловлено человѣкомъ, несомнѣнно, образуетъ часть природы, а съ другой—*догадки о законахъ, управляющихъ связью всѣхъ этихъ явленій, приходится доказывать совершенно такими-же методами, какъ и обо всѣхъ явленіяхъ природы»* (*).

31. Классификація наукъ Введенскаго освобождаетъ отъ «деспотизма» (**) метода, проповѣдуемаго г. Нордманомъ.

Вотъ это послѣднее заявленіе, и именно въ курсѣ «логики», т. е. такой философской дисциплины, согласно съ положеніями которой должно быть согласовано всякое философское построеніе, и притомъ понимаемой и излагаемой авторомъ, какъ «теорія познанія», является чрезвычайно важнымъ.

Именно оно освобождаетъ отъ деспотизма «метода», которое проповѣдуютъ и Виндельбандъ и въ особенности Риккертъ, а за ними и мой почтенный оппонентъ.

Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что я не признавалъ-бы важности выбора для изслѣдованія соотвѣтствующаго метода. Напротивъ. Я принялъ такое рѣзко выраженное значеніе метода, какъ изрѣченіе Конта о томъ, что «повсюду методъ важнѣе самого ученія» (***). Но это отнюдь не означаетъ моей вѣры въ то, что для цѣлой группы наукъ, притомъ отграничиваемой отъ остальныхъ группъ часто очень неопредѣленными спорными и совершенно различными у различныхъ авторовъ соображеніями, можетъ быть указанъ свой какой-то особый строго опредѣленный методъ (даже самыя науки нѣкоторыми классифицируются по методамъ), отъ котораго если отступить, то ужъ «неминуемо», по мнѣнію г. Нордмана, впадешь въ заблужденіе. Первостепенная важность метода заключается въ томъ, чтобы методъ, во первыхъ былъ научный, т. е. соотвѣтствующій положеніямъ логики (****), а во

(*) Курсивъ мой.

(**) См. выраженія Виндельбанда на стр. 66, отмѣченныя курсивомъ.

(***) См. «Введеніе», стр. 198 и Этюды по стратегіи (III. § 1.).

(****) «Научный методъ состоитъ въ сложномъ сочетаніи всѣхъ основныхъ процессовъ *логическаго* познаванія». Хвостовъ. Теорія историческаго процесса. 1914 г. стр. 49. Подробнѣе см. стр. 40—57.

вторыхъ, чтобы онъ былъ примѣненъ къ изслѣдованію въ самой полной мѣрѣ, насколько это допускаетъ изслѣдуемый матеріалъ, и тѣмъ строже и тщательнѣе должно быть проведено это второе положеніе, чѣмъ сложнѣе этотъ матеріалъ. Этимъ будетъ достигнуто наивозможно полное обезпеченіе себя отъ ошибокъ, какъ послѣдствій метода. А методъ научный дѣйствительно одинъ, т. е. онъ состоитъ изъ опредѣленныхъ пріемовъ мысли и наблюденія (*). Формы примѣненія научнаго метода очень разнообразны, и въ зависимости отъ объекта изслѣдованія и даже отъ субъективныхъ свойствъ изслѣдователя (**). Но сообразовать эти формы съ какой либо классификаціей едва-ли возможно, а если это и возможно въ теоріи, то на практикѣ это разграниченіе будетъ постоянно нарушаться, такъ какъ каждое изслѣдованіе, въ какой-бы области оно ни производилось, имѣетъ кромѣ того еще опредѣленную *цѣль*. Эти цѣли тоже могутъ быть очень разнообразны, и въ зависимости отъ нихъ тоже измѣняются формы приложенія метода (***).

Графъ Л. Толстой говоритъ, что «позитивная (критическая—опытная) философія признакомъ истиннаго знанія признаетъ научный методъ и сама опредѣлила то, что она называетъ научнымъ методомъ. Научнымъ методомъ она называетъ здравый смыслъ».

О назначеніи науки и искусства. Полн. сбор. соч. т. XII, стр. 293. О здравомъ смыслѣ, см. ниже выноску въ § 105.

(*) Основныхъ методовъ, кромѣ индуктивнаго и дедуктивнаго не существуетъ. Но они могутъ принимать очень разнообразные виды, въ зависимости отъ формы примѣненія къ объекту. Радловъ. Статья въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона.

(**) Абель Рей (см. Новыя идеи въ философіи № 2, 1912 г.) держится того мнѣнія, что каждый ученый тяготѣетъ къ методу, лучше всего подходящему къ его умственному типу. Такого же мнѣнія держится и генералъ Лееръ. См. Методъ военныхъ наукъ, стр. 58.

(***) Напр. по опредѣленію профессора Введенскаго (Логика, стр. 113) «подъ методомъ подразумѣваютъ способъ употребленія какого либо матеріала и какой либо дѣятельности, приноровленной къ достиженію опредѣленной *цѣли*».

Методъ складывается для какой-либо науки окончательно «не особенностями матеріала, а *цѣлями* изученія—тѣми точками зрѣнія съ которыми приступаютъ къ изслѣдуемымъ объектамъ». А. А. Чупровъ. Очерки по теоріи статистики. 1910 г. стр. 101.

А потому все разнообразіе формъ научнаго метода должно быть въ *свободномъ* распоряженіи изслѣдователя, и никакими разгородками его въ этомъ отношеніи стѣснять нельзя, въ какой-бы области знанія онъ ни работалъ, кромѣ тѣхъ требованій по отношенію къ научности, къ возможной полнотѣ его приложенія, и къ сообразованію этой полноты со сложностью предмета изслѣдованія. Вотъ здѣсь и является полезной классификація наукъ Конта, располагающаго ихъ по степени ихъ относительной сложности. Значитъ къ военнымъ наукамъ, какъ къ самымъ сложнымъ, надо особенно настойчиво пытаться примѣнять всевозможныя формы научнаго метода, и особенно строго слѣдить за научностью этихъ формъ.

По классификаціи Введенскаго военныя науки относятся къ естествознанію, которое захватываетъ у него такой широкій циклъ наукъ, что оправдывается обращеніе къ огромному разнообразію въ формахъ примѣненія научнаго метода. Но и этого мало для *свободы* изслѣдователя. И онъ будетъ вполнѣ правъ, если онъ примѣнитъ къ своему изслѣдованію и тѣ формы научнаго метода, которыя примѣняются въ математикѣ, разъ только это примѣненіе не будетъ вести къ логическимъ противорѣчіямъ. Различные методы другъ друга *провѣряютъ* (*), и тѣмъ нужнѣе эта провѣрка, чѣмъ сложнѣе изслѣдуемый матеріалъ. Вотъ это положеніе я и защищаю и

(*) Оба метода—аналитическій (доказательства идутъ регрессивно отъ условнаго къ обусловливающему) и синтетическій (обратный ходъ) дополняютъ другъ друга и взаимно провѣряютъ. Лучшимъ доказательствомъ несомнѣнной истины какого либо научнаго положенія будетъ соотвѣтствіе результатовъ достигнутыхъ изслѣдованіями, произведенными аналитическимъ и синтетическимъ методами. Энцкл. Сл. Брок. и Ефр. ст. «Анализъ».

Такъ дѣлаетъ напр. Леерь, при обоснованіи «принциповъ», о которыхъ и идетъ рѣчь у г. Нордмана.

«Существованіе не измѣнныхъ принциповъ» говоритъ Леерь «мною доказано какъ путемъ аналитическимъ, такъ и путемъ дедуктивнымъ. Для еще большаго *контроля выводовъ*, слѣдуетъ теперь обратиться къ третьему пути—догматическому». Методъ военныхъ наукъ. Стр. 43.

«Исторія, со своими несовершенными пріемами освѣдомленія, менѣе чѣмъ всякая другая наука имѣетъ право уклоняться отъ этого правила (*провѣрки*). Полная научная достовѣрность дается только согласіемъ наблюденій, получаемыхъ путемъ *различныхъ методовъ*». Ланглуа и Сеньобосъ. Введеніе въ изученіе исторіи. 1899 г. стр. 157—158, 167—168.

дѣлаю попытку провести въ жизнь въ изслѣдованіи и обоснованіи теоріи военной науки (*), и никакъ не могу послѣдовать за г. Нордманомъ, который хочетъ загнать и военныя науки въ искусственныя, неопредѣленныя и очень шатко обоснованныя загородки Виндельбандовскихъ и Риккертовскихъ классификацій и методовъ (**).

(*) См. «Введеніе» гл. IV, и III-й Этюдъ по стратегіи. М. Сб. 1913 г №№ 5 и 6.

(**) Самъ Риккертъ не рѣшается отрицать возможности изслѣдованія напр. духовной жизни путемъ естественно-научнаго метода. И даже больше — этимъ путемъ (классификація по методу) онъ приходитъ къ необходимости внести область духа въ отдѣлъ естественныхъ наукъ, ищущихъ «законовъ», въ чемъ рѣзко расходится съ Виндельбандомъ. Затѣмъ, намѣчая особый «историческій» методъ изслѣдованія, посредствомъ выдѣленія наукъ о культурѣ, каковое онъ обосновать безъ обращенія къ *вѣрѣ* такъ и не могъ (см. выше § 13), онъ все-же вынужденъ признать, что историческій методъ проникаетъ въ предѣлы естественныхъ наукъ, а естественно-научный—въ предѣлы наукъ о культурѣ. См. его статью «Естествовѣдѣніе и Культуровѣдѣніе». Стр. 23—25 и 35—37.

А методы однихъ наукъ постоянно примѣняются къ другимъ.

Напр. «статистическая точка зрѣнія завоевала себѣ видное мѣсто въ теоретической физикѣ. Постепенно статистическіе методы проникли въ область экспериментальной психологіи и, наконецъ передъ ними открылось новое широкое поле приложенія къ наукамъ біологическимъ. Держаться въ настоящее время взгляда, будто характеръ статистическаго метода связанъ въ какой либо мѣрѣ съ особенностями человѣка и человѣческаго общежитія, какъ предметовъ изученія, можетъ лишь статистикъ, который не слѣдитъ за движеніемъ научной мысли внѣ области своей спеціальности». А. А. Чупровъ. Очерки по теоріи статистики. 1910 г. стр. 100—101.

Статистическій методъ былъ двинутъ впередъ и усовершенствованъ именно естествоиспытателями, когда они приняли этотъ методъ въ число методовъ своихъ изслѣдованій. Тамъ-же стр. 18—20.

Какъ указываетъ А. А. Чупровъ (стр. 81—85, 100—102, 116—128), на дѣлѣ въ наукѣ идіографическія и номографическія построенія и изслѣдованія постоянно перемѣшиваются. Именно промежуточныя формы знанія, лежащія на границѣ между идіографіей и номографіей, занимаютъ въ системѣ нашихъ наукъ чрезвычайно видное мѣсто. Тѣмъ болѣе, значитъ, въ научныхъ изслѣдованіяхъ перемѣшиваются методы.

«Метафизика» говоритъ Вл. Соловьевъ (Энцкл. Словарь Брокг. и Ефр.) «не имѣетъ какого нибудь особаго, исключительно ей свойственнаго метода; *она пользуется всѣми способами научнаго мышленія*, отличаясь отъ положительныхъ наукъ лишь стремленіемъ дойти до окончательнаго міровоззрѣнія (значитъ отличается только *цѣлью*), изъ котораго можно-бы было объяснить *всѣ* области бытія, въ ихъ внутренней связи».

Къ какой группѣ наукъ, напр., относятся военныя науки по классификаціи Риккерта—къ наукамъ о природѣ или къ наукамъ о культурѣ? По его опредѣленію (*) «природа—совокупность всего, возникшаго само собой и предоставленнаго своему собственному росту, а ей противостоитъ культура, какъ нѣчто такое, что съ извѣстной цѣлью непосредственно создано человѣкомъ, либо, если оно уже существуетъ, то, по крайней мѣрѣ, намѣренно имъ взлелѣяно». По этому опредѣленію много говоритъ за то, что науки о войнѣ—это науки о культурѣ, т. к. самъ Риккертъ разъясняетъ, что это понятіе обнимаетъ «всѣ объекты исторіи» и всѣ «явленія, способствующія или задерживающія развитіе культуры». Но, съ другой стороны, война—это стихійное явленіе, и выдѣлить его изъ природы, съ моей точки зрѣнія, болѣе чѣмъ трудно.

Но дѣло въ томъ, что не въ этой трудности суть. Пусть я не сумѣлъ отнести войну къ надлежащей категоріи, а г. Риккертъ или г. Нордманъ пусть сдѣлали-бы это легко.

А дѣло въ томъ, что, по теоріи Риккерта, разъ рѣшено къ какой категоріи относится наука, этимъ предрѣшается и методъ изслѣдованія, и въ наукахъ о культурѣ методъ *генерализирующій*—отысканіе законовъ (общаго)—не допускается. Это, оказывается, можно дѣлать только въ наукахъ о природѣ. Науки-же о культурѣ—идіографичны, и пользуются методомъ *индивидуализирующимъ*.

Экспериментальный методъ примѣненный Вундтомъ къ психологіи далъ превосходные результаты и явился превосходной дисциплиной для ума. Рибо. Психологія. Методъ въ наукахъ. 1911 г. стр. 219.

Оствальдъ (Великіе люди. 1910 г. стр. 9) протестуетъ противъ мнѣнія, что «научный методъ въ томъ видѣ, какъ онъ выработанъ математикой и естественными науками, въ области историческихъ явленій, вообще, не примѣнимъ».

Академикъ Кн. Б. Б. Голицынъ въ своемъ сообщеніи о сейсмологіи (Н. Вр. 29 декабр. 1913) указалъ, что она получила сильное развитіе и достигла успѣховъ лишь съ тѣхъ поръ, какъ она отъ геологовъ перешла къ астрономамъ физикамъ и матоматикамъ, воспользовавшись ихъ методами изслѣдованія.

(*) См. Естествовѣдѣніе и Культуровѣдѣніе. 1903 г. стр. 13—14.

Вотъ этого деспотизма метода, съ моей точки зрѣнія, и несправедливаго, и вреднаго, и неестественнаго, мы не ощущаемъ при классификаціи наукъ по Конту или по Введенскому.

Не могу не отмѣтить при этомъ, что сами творцы вышеуказанныхъ классификацій далеко не столь строги въ своихъ требованіяхъ имъ подчиняться, какъ ихъ не въ мѣру усердные и увлекающіеся послѣдователи. Они постоянно отмѣчаютъ, что предлагаемыя ими отграниченія вѣрны лишь въ общемъ, что на самомъ дѣлѣ часто та или другая наука не въ полной мѣрѣ соотвѣтствуетъ опредѣленіямъ той или другой категоріи наукъ, что существуютъ «промежуточныя области», гдѣ науки различныхъ категорій и ихъ методы перемѣшиваются, и настолько крѣпко связаны между собою, что отграничивать ихъ другъ отъ друга можно только *мысленно*. Тѣмъ болѣе, казалось-бы, что для послѣдователей какой либо системы классификаціи, позиція «непримиримости» къ другимъ системамъ не должна была-бы имѣть мѣста. Поэтому рѣшительность г. Нордмана въ его *требованіяхъ*— какой «должна быть» классификація—меня не мало удивляетъ.

32. Одна изъ цѣлей «новыхъ» классификацій и методовъ—обосновать право «исторіи» именоваться «наукой».

Къ этому надо прибавить, что всѣ эти поиски за новыми классификаціями, помимо стремленія установить болѣе естественную классификацію, имѣютъ еще одну совершенно опредѣленную цѣль, которая объясняетъ эти поиски, внѣ зависимости отъ того, удачны они съ извѣстной точки зрѣнія или нѣтъ.

Дѣло въ томъ, что разногласія и непримиримость столь обычныя, какъ мы видѣли, въ области философіи, выражаются и въ томъ, что тѣ или иныя области знанія со стороны тѣхъ или другихъ философскихъ школъ почему-то не признаются за науки. Особенно это характерно по отношенію къ исторіи. Ей отказывалъ въ научности, даже по сравненію съ поэзіей, еще Аристотель, такъ какъ поэзія въ своихъ образахъ больше воплощаетъ «общее» нежели исторія. Отрицалъ исторію, какъ науку, напр. Шопенгауеръ. Въ Германіи, въ первой половинѣ XIX в., называли исторію—искусствомъ (historische

Kunst). Бѣлинскій считалъ, что историческій романъ вытѣснитъ исторію. Во Франціи до сихъ поръ исторія числится въ разрядѣ не наукъ (sciences), а въ разрядѣ литературы (lettres) (*). Все это обосновывалось, главнымъ образомъ, на томъ, что исторія не можетъ находить законовъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимается въ математикѣ и въ естественныхъ наукахъ (**). Очевидно, съ такимъ положеніемъ мириться было нельзя и возникшее противъ этого движеніе выказалось и въ томъ, что стремились обосновать такую классификацію наукъ, въ которой подобающее мѣсто нашли-бы такія науки, которыя и не ставятъ себѣ цѣлью отыскивать какіе либо законы (общее), а ставятъ себѣ задачей выдѣлить и описать «единичное» (***). Стремленіе уравнять права на званіе науки всѣхъ областей знанія можно только привѣтствовать, но крайности въ такомъ стремленіи привели къ тому «деспотизму» метода, подчиняться которому нѣтъ положительно никакихъ основаній. Это пріемъ боевой, пріемъ борьбы противъ указаннаго выше направленія и, какъ таковой,—имѣетъ свой смыслъ. Мое изслѣдованіе тоже имѣетъ характеръ борьбы, такъ какъ я хочу распространить право называться наукой и на область военныхъ знаній (****). Зна-

(*) Подробнѣе объ этомъ см. Ланглуа и Сеньобосъ. Введеніе въ изученіе исторіи. 1899 г. стр. 156—159, 167—179, 190—196.

(**) На самомъ дѣлѣ многіе не признаютъ, что исторія не можетъ находить законовъ, и именно на этомъ основываются, опредѣляя ее какъ науку. См. § 28.

(***) Такой характеръ отчасти носитъ и книга А. А. Чупрова—«Очерки теоріи статистики». 1910 г. См. выноски на стр. 66.

«Статистика» заявилъ извѣстный нѣмецкій ученый К. Гельферихъ «наука, которой еще никто не положилъ начала». Das geld im Russisch Yapanischen Kriege. 1906 г. стр. 125.

Леви-Брюль (Методъ въ наукахъ, 1910 г. стр. 256) указываетъ, что существуетъ стремленіе доказать, что не наука и социологія.

(****) Г. Аренсъ заявляетъ, что «теорія военнаго искусства не есть наука», и что «роль ея сравнительно весьма мизерна почти ничтожна», не стѣсняясь подкрѣплять это мнѣніе ссылками даже на Леера! Это можетъ сдѣлать человѣкъ или Леера не читавшій, или не сумѣвшій понять его. Предполагаю конечно первое. А тогда, могу посовѣтовать г. Аренсу вдуматься хотя-бы въ тѣ цитаты изъ Леера, которыя я привожу ниже, см. выноски къ §§ 46 и 105.

читъ, очевидно не мнѣ находить, что исторія не наука, и, напротивъ, я пользуюсь этой выдержанной уже исторіей борьбой (*), чтобы на основаніи этого примѣра отмѣтить право и военныхъ знаній на такую борьбу. Однако, это не значитъ, что я долженъ идти до тѣхъ, съ моей точки зрѣнія, крайностей, до которыхъ дошли борцы за научность знанія объ «единичномъ». Поэтому я не выдумывалъ никакой особенной новой «обязательной» классификаціи, никакихъ особыхъ «обязательныхъ» методовъ, а просто примѣрилъ: находятъ-ли свое мѣсто военныя знанія въ наиболѣе требовательной, съ моей точки зрѣнія, классификаціи, и приложимъ-ли къ нимъ «научный» методъ въ той мѣрѣ, въ которой это соотвѣтствуетъ занятому ими въ ряду наукъ мѣсту.

33. Мое предыдущее изложеніе — «протестъ» противъ необоснованныхъ требованій» г. Нордмана.

Г. Нордманъ находитъ, что я *долженъ* былъ примѣняться къ яко-бы «современнымъ» и «установившимся» взглядамъ Виндельбанда и Риккерта, и о Контѣ смѣю упоминать лишь съ «оговоркой», что это старо. А я права этого требовать не признаю ни за г. Нордманомъ, ни за кѣмъ-бы то ни было, ибо въ той области, въ которой идетъ нашъ споръ, «современнаго», въ смыслѣ «твердо установленнаго», нѣтъ и быть не можетъ, и *обосновать* свое требованіе мой оппонентъ, увы—не можетъ.

Мнѣ-же, болѣе чѣмъ легко было, обратившись къ нѣсколькимъ послѣднимъ философскимъ трудамъ (Введенскій, Хвостовъ, Новыя идеи въ философіи), показать, что идеи Виндельбанда и Риккерта оспариваются не менѣе горячо, чѣмъ тѣ подвергаютъ критикѣ идеи своихъ предшественниковъ.

Затѣмъ я хочу еще разъ и самымъ рѣшительнымъ образомъ оговориться, что задача всѣхъ моихъ предыдущихъ разсужденій отнюдь не была въ томъ, чтобы доказать, что выбранная мною классификація и методъ обсолютно лучше тѣхъ, которые указываетъ г. Нордманъ. Это мнѣ и въ голову не приходило. Я только хотѣлъ показать, что и тѣ взгляды, которые высказываетъ мой оппонентъ, не могутъ претендо-

(*) См. Введеніе. Примѣчаніе на стр. 24.

вать на «обязательность», «общепризнанность» и «твердую установленность», и въ этомъ отношенiи не имѣютъ передъ моими ровно никакого преимущества. Я нисколько не сомнѣваюсь, что въ защиту своихъ взглядовъ мой оппонентъ можетъ выставить сколько угодно и другихъ соображенiй и авторитетныхъ именъ, ибо самый разнообразный матерiалъ въ области философiи неисчерпаемъ; но, благодаря той же неисчерпаемости, этотъ путь въ той-же мѣрѣ открытъ и для меня. А потому не объ абсолютной истинности и даже не о «современности» нашихъ взглядовъ можетъ идти споръ. Въ этомъ направленiи онъ можетъ продолжаться до безконечности и *не можетъ* привести ни къ какимъ результатамъ.

А потому я защищаю только свое *право на свободу выбора* (*), ибо эта свобода вытекаетъ изъ самой сущности всякой философской темы, и въ этой свободѣ ея характерное отличiе отъ темы во всякой другой области знанiя. И вотъ, чтобы *это* доказать, чтобы обосновать свое право на эту свободу, мнѣ и пришлось отвлечься такъ далеко въ сторону, въ чемъ и приношу искреннее извиненiе передъ моими читателями. Но иначе я поступить не могъ. Иначе всѣ мои разсужденiя уничтожались бы высокомѣрными окриками о «несовременности», и пришлось бы покорно идти въ «современный» философскiй участокъ, и облечься въ кандалы яко бы «современныхъ» и обязательныхъ для всѣхъ философскихъ теорiй. Противъ этого я *протестую* самымъ энергичнымъ образомъ, и чтобы обосновать свой *протестъ*, я вынужденъ былъ навалить на моихъ читателей утомительный и скучный трудъ прочитать цѣлую груду разсужденiй объ особенностяхъ области философскаго знанiя.

Только обосновавши мое право на «свободу», я могу перейти къ систематичному разбору тѣхъ упрековъ которые ставитъ мнѣ г. Нордманъ.

(*) См. выше, стр. 65, о «свободѣ выбора» въ предисловiи редакцiи «Новыхъ идей въ философiи», и стр. 66 мѣткое указанiе Виндельбанда о томъ, что человѣкъ, для котораго область его мышленiя нѣчто большее чѣмъ научная работа, весьма послѣдовательно не захочетъ и знать объ *обязательномъ* для нея методѣ.

II.

О классификаціи военныхъ наукъ.

34. «Общеобязательная» классификація наукъ по мнѣнію г. Нордмана.

Относительно раздѣленія наукъ въ извѣстной области знанія, г. Нордманъ утверждаетъ, что «*правильная* классификація наукъ *должна быть* (*) построена по слѣдующей 3-хъ членной схемѣ:

1) *Науки теоретическія*—изучающія существующія формы явленій и ихъ соотношенія;

2) *Науки историческія*—изучающія конкретныя явленія (дѣйствительность) и ихъ соотношенія;

3) *Науки политическія*, прикладныя, цѣлевыя—указывающія то, что должно быть, и что слѣдуетъ дѣлать».

Съ точки зрѣнія этой классификаціи г. Нордманъ и критикуетъ принятое мною раздѣленіе военныхъ наукъ. Онъ примѣряетъ къ ней всѣ перечисленныя мною военныя науки и находитъ, что къ первой группѣ ни одна изъ нихъ не подходитъ, а потому и нѣтъ у меня «военно-морской теоріи, въ чистомъ ея видѣ».

Сначала,—нѣсколько словъ объ этой «обязательной», съ точки зрѣнія г. Нордмана, схемѣ.

Онъ скомбинировалъ ее изъ «*общепризнаннаго*», по его мнѣнію, «въ настоящее время раздѣленія наукъ, занимающихся изученіемъ того, *что существуетъ* (теорія—въ широкомъ смыслѣ) отъ наукъ изучающихъ то, что *должно быть* (политика въ широкомъ смыслѣ этого слова)» и изъ «въ настоящее время уже *твердо установившагося* дѣленія наукъ на собственно теоретическія и историческія», при чемъ въ подтвержденіе «твердой установленности» послѣдняго принципа дѣленія ссылается на Менгера, Виндельбанда и Риккерта.

Какъ мы видѣли выше, ни о какой «твердой установленности» не можетъ быть и рѣчи; и просто г. Нордманъ выдалъ то направленіе мысли, которое ему лично симпатично, за яко-бы «общеобязательное».

(*) Курсивы мои.

А тогда что-же остается отъ его схемы? Да просто раздѣленіе знанія на теоретическое и практическое, существующее испоконъ вѣка (*). И зачѣмъ только г. Нордманъ затемняетъ эти простыя понятія такими темными и неподходящими для нихъ словами, какъ «политика» и «политическія науки». Вѣдь слова эти обозначаютъ совсѣмъ другія понятія, дѣйствительно «твердо установившіяся», и въ обывательскомъ обиходѣ и въ наукѣ. Настолько малоупотребительны эти слова въ томъ смыслѣ, какъ употребляетъ ихъ г. Нордманъ, что такое ихъ значеніе вы не найдете ни въ энциклопедіяхъ, ни въ словаряхъ. Поэтому, да проститъ мнѣ это г. Нордманъ, я буду въ своемъ изложеніи избѣгать подобныхъ сверхъученыхъ терминовъ.

35. Нельзя считать «общеобязательнымъ» положеніе, что «чистая теорія» не руководится опредѣленной цѣлью.

Затѣмъ г. Нордманъ усиленно напираетъ на то, что особенность *практическихъ* (политическихъ) наукъ состоитъ въ томъ, что онѣ *цѣлевыя*, и разъ наукѣ ставится опредѣленная цѣль, онъ находитъ, что чистой теоріи въ ней уже нѣтъ. Вотъ этого взгляда я тоже на раздѣляю (**). Сплошь и рядомъ чисто теоретическая наука служитъ основаніемъ для опредѣленной практической науки и имѣетъ совершенно опредѣленную *цѣль*—обосновать вторую посредствомъ изслѣдованія сущности («того что есть») предмета. И потому когда предпринимается это изслѣдованіе, та практическая *цѣль*, которая

(*) «Теоретическія науки просто описываютъ дѣйствительность, *разсматриваютъ* ее, какъ она есть, не говоря о томъ, какъ съ ней поступать... названіе этихъ наукъ «теоретическія» отъ греческаго слова, означающаго смотрѣть, созерцать. Практическія-же науки не просто разсматриваютъ дѣйствительность, а учатъ тому, какъ намъ поступать, или какъ намъ надо *дѣйствовать*». Названіе «практическія» отъ греческаго слова, означающаго дѣйствовать. См. Введенскій. Логика. 1912 г. стр. 20.

(**) «О направленіи науки можно говорить тогда, когда опознана ея *цѣль*. Только *цѣль* опредѣляетъ ея понятіе, такъ какъ всѣ науки суть понятія о задачахъ. Поэтому прежде всего мы должны указать *цѣли* теоріи познанія. Это должно быть установлено просто *опредѣленіемъ*, безъ особаго изслѣдованія. Если кто либо захочетъ употребить названіе теоріи познанія для науки съ другими задачами,—*возражать на это не придется*». Г. Риккертъ. Два пути теоріи познанія. См. Новыя идеи въ философіи. 1913 г. Сборн. № 7, стр. 1. Курсивы мои.

достигается посредствомъ практическаго примѣненія практической науки, не можетъ не имѣться въ виду. Это совсѣмъ не значитъ, что эта конечная цѣль будетъ сообщать этому изслѣдованію предвзятый или пристрастный характеръ—при такомъ допущеніи и практическая наука теряетъ всякую свою цѣнность,—а просто это значитъ, что не будь этой цѣли, не было-бы предпринято и теоретическое изслѣдованіе, съ котораго надо начинать во всякой области знанія, чтобы обосновать практическую науку, выводы которой ужъ непосредственно примѣняются на дѣлѣ и даютъ практическое «умѣнье» (*).

Въ особенности ярко выступаетъ такое «цѣлевое» направленіе въ наукахъ военныхъ, ибо ихъ «чистая теорія» не служитъ обоснованіемъ для цѣлой серіи практическихъ наукъ, могущихъ имѣть и самыя разнообразныя цѣли (такова напр. математика, физика и т. п.), а служитъ только для военныхъ-же практическихъ наукъ, *цѣль* которыхъ, какъ и чистой военной теоріи, а также и военнаго практическаго умѣнья (военнаго искусства) все та-же—*опредѣлить что ведетъ къ побѣдѣ.*

Суворовъ опредѣлялъ (**) цѣль военной науки такъ: «*Военная наука—наука побѣждать*» (***).

(*) «Каждая наука *обязана* имѣть либо философское (пригодность служить прямо или косвенно къ улучшенію міровоззрѣнія), либо утилитарное (пригодность прямо или косвенно служить къ улучшенію жизни) значеніе. Наука же, не имѣющая ни того, ни другого значенія, составитъ своеобразный умственный спортъ, культивируемый нѣкоторыми любителями, которые обладаютъ особеннымъ вкусомъ къ безсмысленной умственной дѣятельности, спортъ не заслуживающій никакого уваженія и никакой поддержки со стороны государства» Введенскій. Логика. 1912 г. стр. 19.

«Цѣна всякаго знанія опредѣляется его связью съ нашими нуждами, стремленіями и поступками; *иначе знаніе становится простымъ балластомъ памяти*, пригоднымъ для ослабленія житейской качки развѣ только пустому кораблю, который идетъ безъ настоящаго цѣннаго груза. Какая же можетъ быть эта практическая цѣль?.. Историческое изученіе своими конечными выводами подходитъ вплоть къ практическимъ потребностямъ текущей минуты... Изученіе нашей исторіи можетъ помочь намъ уяснить задачи и направленіе предстоящей намъ практической дѣятельности». Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Изд. 4-е. Ч. I, стр. 38—41.

См. еще у Вундта, «Введеніе въ Философію», стр. 7—8.

(**) См. двѣ предыдущія выноски.

(***) См. Васильевъ. Вѣчное и неизмѣнное... Блескъ военной мысли. 1912 г. стр. 1.

Чистая теорія опредѣляетъ эти элементы изъ сущности войны вообще, внѣ какихъ либо частныхъ случаевъ. Практическія военныя науки, имѣя въ виду ту-же *цѣль*, перерабатываютъ эти элементы для опредѣленныхъ типичныхъ положеній. И наконецъ практическое военное умѣнье—это ничто иное, какъ пріобрѣтаемое практикой, обоснованной на теоріи, умѣнье идти правильнымъ путемъ все къ той-же *цѣли* при всемъ возможномъ разнообразіи дѣйствительности.

Между тѣмъ г. Нордманъ, примѣряя намѣченныя у меня военныя науки къ своей схемѣ, и находя въ нихъ «практическій, цѣлевой элементъ», выводитъ, что ни одна изъ нихъ не можетъ быть отнесена къ «военно-морской теоріи въ чистомъ ея видѣ». А происходитъ это просто потому, что понятія наши о «чистой» теоріи различны, и его опредѣленіе я ни въ коемъ случаѣ не могу признать общеобязательнымъ, и обосновать свое право на эту общеобязательность онъ не можетъ.

36. Нельзя требовать, чтобы каждая отдѣльная наука «цѣликомъ» была или «теоретической» или «прикладной».

Затѣмъ г. Нордманъ почему-то, примѣряя различныя военныя науки къ своей схемѣ, желаетъ повидимому, чтобы та или другая наука подходила *цѣликомъ* къ тому или иному разряду его схемы, т. е. онъ хочетъ, или вѣрнѣе, требуетъ, чтобы область военнаго знанія такъ и дѣлилась, чтобы напр. одна наука была чисто «теоретическая», а другая чисто «прикладная» и. т. п.

Но такое требованіе—чисто схоластическое. Въ дѣйствительности «чисто теоретическое» знаніе и «прикладное» знаніе—это лишь разные отдѣлы той-же науки. Прикладные отдѣлы имѣются даже въ такихъ наукахъ, какъ напр. геометрія или *теоретическая* механика, а «чисто теоретическій» отдѣлъ имѣется и въ *прикладной* механикѣ, и въ этикѣ, и въ любой технической наукѣ.

Въ этомъ отношеніи Виндельбандъ на котораго ссылается г. Нордманъ, куда милостивѣе. «Практическая цѣль» говоритъ онъ (*) «часто соединяла то, что въ чисто теоретиче-

(*) Виндельбандъ. Прелюдіи. Философскія статьи и рѣчи. 1904, стр. 317. См. также по этому вопросу мнѣніе Вундта въ его «Введеніи въ философію», стр. 53.

скомъ отношеніи должно было-бы быть разъединено, и раздѣляло то, что должно было-бы стоять въ тѣсной связи; и тотъ-же самый мотивъ во многихъ случаяхъ слилъ воедино чисто научныя, чисто теоретическія дисциплины съ дисциплинами практическими и техническими. *Не надо однако думать, что все это служило ко вреду научной работы;* наоборотъ, практическая связь, быть можетъ, и здѣсь привела къ болѣе плодотворному и оживленному взаимодѣйствію между различными областями научнаго труда, чѣмъ того могло-бы достигнуть болѣе абстрактное соединеніе однородныхъ вопросовъ».

Такъ дѣлаю это и я. Поэтому напр. подъ словомъ «стратегія» я подразумѣваю и чистую теорію стратегіи и прикладной ея отдѣлъ, и даже практическое ея примѣненіе, откуда и происходятъ столь ужасающія г. Нордмана ея задачи «указывать почему, что, гдѣ и когда должно быть предпринято», и не позволяющіе ему видѣть у меня «военно-морской теоріи въ чистомъ ея видѣ».

37. Увѣренность въ «общеобязательности» своихъ положеній опять (см. § 26) приводитъ г. Нордмана къ «высокомѣрію».

Впрочемъ г. Нордманъ *снисходительно* допускаетъ, что «отличіе теоретическаго изслѣдованія отъ практическаго далеко не чуждо г. Кладо. Но это различіе мыслится имъ *исключительно* въ формѣ противоположенія теоріи науки ея практическому приложенію (*). Наука въ позитивной стадіи своего развитія, пишетъ онъ (Кладо) въ главѣ II-й «Введенія», непремѣнно имѣетъ практическое примѣненіе. Та ея часть, которая выясняетъ закономѣрность или неизмѣнный порядокъ этихъ явленій, которыя составляютъ предметъ изученія извѣстной науки—есть ея теорія и эта-то теорія и служитъ руководительницей при практическомъ примѣненіи науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ теоретическимъ изслѣдованіемъ въ военной области г. Кладо понимаетъ какъ изученіе существующихъ военныхъ явленій, такъ и опредѣленіе наилучшихъ средствъ для достиженія военныхъ *цѣлей*, что особенно рѣзко проявляется въ томъ, что даже самой общей изъ намѣченныхъ имъ военныхъ наукъ—стратегіи, изучаю-

(*) Стр. 126—127. Курсивы мои.

щей сущность военныхъ явленій (приравниваемой къ философіи въ этой области знаній) г. Кладо присваиваетъ и такія чисто практическія задачи *(цѣли)* какъ напр. «указывать почему, что, гдѣ и какъ (*) должно быть предпринято».

Опять все то-же недоразумѣніе на почвѣ различнаго пониманія терминовъ (въ данномъ случаѣ—теорія), и опять «снисходительность» г. Нордмана проистекаетъ изъ его увѣренности, что допустимо лишь то пониманіе, котораго держится онъ.

38. Что я понимаю подъ тѣмъ «что есть», какъ объектомъ «теоретическаго» изслѣдованія.

Исходимъ мы изъ одного начала, что теорія это изслѣдованіе о томъ «что есть», или «*что существуетъ*», какъ выражается г. Нордманъ (стр. 122). Но очевидно подъ словами «что существуетъ» мы понимаемъ нѣчто различное. Приступая къ изслѣдованію какихъ либо явленій, мы конечно прежде всего стараемся проникнуть въ ихъ сущность, въ ихъ природу, и если намъ это удается, то мы стремимся выразить эту природу въ извѣстныхъ формулахъ, которыя ставили-бы передъ нами эту сущность во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ намъ приходится соприкасаться съ этими явленіями. Дѣйствительно если эта сущность нами дѣйствительно найдена, и вѣрно

(*) Къ сожалѣнію въ этой цитатѣ г. Нордманъ допустилъ досадную опечатку. У меня сказано, что стратегія даетъ указанія «*почему*, *что*, *гдѣ* и *когда* должно быть предпринято, т. е. даетъ *общій планъ* мѣропріятій, выясняя сущность каждаго изъ нихъ и взаимную связь», а г. Нордманъ говоритъ, что я присваиваю стратегіи такія *чисто практическія* задачи, какъ напр. «указывать почему, что, гдѣ и *какъ* должно быть предпринято». «Когда» и «какъ» это огромная разница. Первое совершенно не касается *способа* выполненія, а второе всецѣло опредѣляетъ этотъ способъ. Это цѣлая пропасть въ степени того, насколько тѣ задачи, которыя я ставлю стратегіи, можно именовать *чисто практическими*.

Притомъ свою цитату онъ беретъ изъ того мѣста моего изложенія, въ которомъ говорится объ указаніяхъ стратегіи другимъ *военнымъ наукамъ*, а не прямо практической дѣятельности.

«Стратегія» говорю я («Введеніе стр. 35, I этюдъ по стратегіи § 13. М. Сб. 1913 г. № 1), изслѣдуетъ основной вопросъ о сущности войны какъ явленія, и на основаніи этого устанавливаетъ истины, служащія основоначалами, изъ которыхъ исходятъ всѣ остальныя военныя науки. Она снабжаетъ ихъ отправными истинами—*принципами*, на которыхъ должна быть основана вся ихъ дѣятельность, указываетъ имъ цѣли и даетъ имъ указанія—почему, что, гдѣ и когда должно быть предпринято, т. е. *даетъ имъ общій планъ мѣропріятій*».

формулирована, мы имѣя ее постоянно передъ глазами, будемъ *вѣрно* понимать эти явленія, въ какія-бы внѣшнія формы они ни выливались. Вѣдь въ основѣ этихъ явленій будетъ лежать все та-же нами найденная и вѣрно формулированная сущность.

Но вѣдь конечно не мы первые столкнулись съ этими явленіями. Обыкновенно познаваніе ихъ человѣкомъ имѣетъ свою длинную и очень разнообразную исторію, въ зависимости отъ того—кто и какъ и при какихъ обстоятельствахъ соприкасался съ ними. Результаты этого огромнаго и продолжительнаго опыта, въ которомъ участвовали и таланты и геніи, которые оставили намъ въ наслѣдство превосходные образцы проникновенія въ сущность явленій, при тѣхъ внѣшнихъ формахъ, въ которыхъ они имѣли дѣло съ этими явленіями,—это вѣдь тоже то «что существуетъ», и это тоже подлежитъ теоретическому изслѣдованію (*). И завтра ужъ къ этому опыту прибавится нѣчто новое, то что познается въ этихъ явленіяхъ при протекающей сегодня обстановкѣ, и значитъ завтра уже нѣчто прибавится къ тому «что существуетъ», и явится новый матеріалъ для теоретическаго изслѣдованія. Вотъ почему опредѣляя что такое теорія въ военномъ дѣлѣ, я говорю: (**) «Теорія въ военномъ дѣлѣ имѣетъ тотъ-же смыслъ и значеніе, что и во всѣхъ остальныхъ областяхъ человѣческаго знанія. *Теорія въ военномъ дѣлѣ—это изслѣдованный, обобщенный и сведенный въ систему опытъ всѣхъ предыдущихъ войнъ*... Выводъ и объясненіе принциповъ, правилъ и нормъ посредствомъ *изслѣдованія* свойствъ элементовъ военныхъ явленій—это и составляетъ теорію военной науки. Въ этомъ и состоитъ выясненіе закономѣрности или неизмѣннаго порядка военныхъ явленій, т. е. вѣрнѣе выясненіе степени ихъ закономѣрности или неизмѣннаго порядка. Эта та форма, въ которую выливается изслѣдованный, обобщенный и сведенный въ систему опытъ всѣхъ

(*) «Высшая задача *теоріи* указать—почему геній дѣйствовалъ такъ, а не иначе». Клаузевицъ. Война. Т. I, стр. 75.

(**) Введеніе. Стр. 50 и 187. Этюды по стратегіи. II. § 1. (М. Сб. 1913 г. № 2).

предыдущихъ войнъ» (*). Къ сожалѣнію г. Нордманъ не нашелъ нужнымъ привести полностью то опредѣленіе, которое я даю теоріи военнаго дѣла, а въ немъ и заключается объясненіе, почему я никоимъ образомъ не желаю отказаться отъ того, что стратегія именно и должна давать приведенныя имъ указанія практической дѣятельности. Даже главная ея задача въ этомъ и заключается. Стратегія, какъ и всякая наука, возникаетъ изъ жизненной необходимости рѣшать извѣстные практическіе вопросы (см. § 35), въ данномъ случаѣ—изыскивать пути для одержанія побѣды въ вооруженной борьбѣ. Эта необходимость ведетъ къ изученію природы военныхъ явленій и опыта прошлаго, т. е. къ изслѣдованію того «что существуетъ», т. е. къ разработкѣ «теоріи» военнаго дѣла, которая, съ моей точки зрѣнія, не является чѣмъ-то висящимъ въ воздухѣ, «теоріей для теоріи», или какимъ-то «умственнымъ спортомъ», который столь сурово осуждается профессоромъ Введенскимъ (см. выноску въ § 35), а тоже наукой, имѣющей опредѣленную и ту-же самую, что и практическая дѣятельность, «цѣль»—обосновать теоретически пути для одержанія побѣды въ вооруженной борьбѣ. И этотъ «цѣлевой» элементъ никоимъ образомъ не уничтожаетъ наличія самой чистой теоріи, какъ изслѣдованія о томъ «что существуетъ», и даже скажу больше, онъ то именно и осмысливаетъ такое изслѣдованіе. Значитъ тѣ практическія указанія, которыя приходится давать стратегіи практической дѣятельности, остаются по существу тѣми-же самыми и для «теоріи» стратегіи, ибо задача ея—подвести подъ эти указанія общій твердый фундаментъ посредствомъ изслѣдованія того «что существуетъ».

39. Теорія «чистая» и «прикладная». Но теорія въ свою очередь обыкновенно подраздѣляется на теорію *чистую* и *прикладную*, при чемъ подъ вторымъ терминомъ подразумѣвается *теорія приложенія* выводовъ чистой теоріи къ *типамъ* практической дѣятельности. Изслѣдованіе сущности этихъ типовъ—

(*) «Теорія—это общій принципъ, предлагаемый для объясненія явленій, истинность которыхъ подтверждается на опытѣ». Философскій словарь. 1913 г. Словарь иностранныхъ словъ. 1912 г.

это тоже изслѣдованіе того «что существуетъ», т. е. это тоже «теорія», и на основаніи этого изслѣдованія опредѣляется во что выливаются выводы чистой теоріи въ приложеніи къ этимъ типамъ. Такимъ образомъ получаются *теоретическія нормы*. Вотъ онѣ-то ужъ непосредственнымъ образомъ направляютъ практическую дѣятельность. Но слово «направляютъ» отнюдь не обозначаетъ, что практическому дѣятелю даются готовыя *рѣшенія* какъ ему поступать въ каждомъ данномъ случаѣ, или даже въ каждомъ типѣ дѣятельности. Норма—это только исходная точка для «рѣшеній» практическаго дѣятеля, опредѣляющая ему въ сжатой формулѣ общую природу тѣхъ явленій въ которой протекаетъ его дѣятельность, приноровленную къ тому типу этихъ явленій, съ которымъ онъ имѣетъ дѣло въ данный моментъ. И «рѣшенія» эти могутъ быть безконечно разнообразны, въ зависимости отъ тѣхъ безконечно разнообразныхъ жизненныхъ формъ, въ которыя можетъ выливаться тотъ-же типъ явленія, и которыхъ теорія не можетъ ни предвидѣть, ни перечислить.

40. «Теорія» никогда ничего не «рѣшаетъ». Это дѣло «умѣнья».

А потому *теорія никогда не рѣшаетъ*, и предоставляетъ это полностью творчеству практическаго дѣятеля. Здѣсь на первый планъ выступаетъ «умѣнье», «искусство» практическаго дѣятеля, которое съ одной стороны зависитъ отъ «практики» его въ такихъ рѣшеніяхъ, дающей ему практическій «опытъ», а съ другой стороны—отъ степени его «талантливости». Теорія этого «умѣнья», «искусства» дать не можетъ, какъ не можетъ она прибавить кому либо и «талантливости». Но теорія даетъ исходныя положенія для того, чтобы, посредствомъ практики наискорѣйшимъ образомъ пріобрѣсти это умѣнье, и помогаетъ природному таланту развернуть всю присущую ему силу въ наискорѣйшій промежутокъ времени (*).

41. «Знаніе» и «умѣнье».

Значитъ съ моей точки зрѣнія, *знаніе* (**) (наука), имѣетъ два отдѣла—чистый и прик-

(*) Подробнѣе см. объ этомъ «Введеніе» глава II-я и «Этюды по стратегіи», этюдъ II-й (М. Сб. 1913 г. № 2).

(**) «Знаніе—самое общее выраженіе для обозначенія *теоретической* дѣятельности ума, имѣющей притязаніе на объективную истину» В. Соловьевъ Энциклопедич. словарь.

ладной, которые вмѣстѣ составляютъ *теорію*, и знаніе рѣзко отличается отъ *умѣнья* (искусства) въ практической дѣятельности (*). И въ чистой теоріи изслѣдуется *только* то, «что существуетъ», а въ прикладной также и то, «что должно быть», или какъ я-бы точнѣе опредѣлилъ, «что *нормально* должно быть». А что «должно быть» въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, сообразно со всею наличностью существующихъ условій—это дѣло умѣнья, искусства.

Г. Нордманъ, повидимому думаетъ иначе. Онъ говоритъ (стр. 122): «въ классификаціи г. Кладо прежде всего отсутствуетъ *общепризнанное* (курсивъ мой) въ настоящее время раздѣленіе наукъ занимающихся изученіемъ того, *что существуетъ* (теорія въ широкомъ смыслѣ) отъ наукъ изучающихъ то, что *должно быть* (политика въ широкомъ смыслѣ этого слова)», и придаетъ такое огромное значеніе этому «общепризнанному» дѣленію, что увѣряетъ (стр. 123), что смѣшеніе этихъ двухъ группъ наукъ «во всѣхъ областяхъ знанія *неминуемо* (курсивъ автора) влекло къ заблужденію». А значитъ заблуждаюсь и я.

(*) *Знать* какъ дѣйствовать—это еще не значитъ *умѣть* дѣйствовать. Послѣднее относится ужъ къ области «практическаго» умѣнья, которое отъ перваго отличается прежде всего тѣмъ, что оно достигается и совершенствуется путемъ *опыта*, посредствомъ *практики* въ примѣненіи на дѣлѣ тѣхъ указаній, которыя формулируютъ прикладныя науки. И вотъ это «умѣнье» въ извѣстной области дѣйствительно сходно съ «искусствомъ» въ этой области.

Такимъ образомъ искусство—это *умѣніе* дѣйствовать, обоснованное на *практическомъ* примѣненіи *знанія*, науки, теоріи.

Знаніе-же раздѣляется на *чистое* или теоретическое и прикладное. Теоретическая и прикладная науки—это другія выраженія опредѣляющія эти понятія. Иначе говорятъ теорія чистая и прикладная. Такимъ образомъ раздѣленіе на знаніе и умѣнье отдѣляетъ то, что человѣкъ познаетъ разумомъ, отъ того, что онъ пріобрѣтаетъ опытомъ, при чемъ въ первомъ случаѣ разумъ исходитъ и изъ данныхъ опыта, а во второмъ опытъ исходитъ и изъ выводовъ разума.

Чистая теорія—это изслѣдованіе и изложеніе извѣстной области дѣйствительности, какъ она есть, безъ указанія о томъ, какъ прилагать выводы этого изслѣдованія на дѣлѣ.

Прикладная-же теорія прилагаетъ эти выводы къ различнымъ типамъ могущей встрѣтиться дѣйствительности въ данной области, и отсюда выводитъ общія указанія о нормальномъ образѣ дѣйствій въ этихъ случаяхъ. Изъ этихъ-же нормъ исходитъ практика, и такимъ образомъ создается умѣнье.

42. Г. Нордманъ смѣшиваетъ «прикладное знаніе» съ «умѣньемъ»

Но только потому и кажется это г. Нордману, что онъ во первыхъ требуетъ, чтобы наука цѣликомъ принадлежала либо къ одному, либо къ другому разряду, а такихъ наукъ, даже если къ ихъ названію прибавлено прилагательное «теоретическая» или «прикладная», въ жизни не существуетъ, а во вторыхъ самъ онъ смѣшиваетъ прикладное *знаніе* съ *искусствомъ*. «Политическія» говоритъ онъ (стр. 122) «или какъ ихъ иначе называютъ практическія, *прикладныя науки или искусства* (курсивъ мой) стремятся установить основанія, па которыхъ могутъ быть наиболѣе цѣлесообразно достигаемы опредѣленнаго рода стремленія, смотря по различію данныхъ обстоятельствъ. Онѣ учатъ тому, что, сообразно съ существующими условіями, *должно быть*, для того чтобы была достигнута опредѣленная цѣль».

Къ прикладному *знанію*, къ прикладному отдѣлу *теоріи, такое опредѣленіе подходитъ*, за исключеніемъ нетерпимости въ немъ также и изслѣдованій того «что существуетъ», а къ искусству (умѣнью) оно не подойдетъ. Послѣднее можетъ быть отнесено къ тому, что г. Нордманъ называетъ «практическимъ примѣненіемъ практическихъ наукъ».

Я нахожу еще, что для большей ясности слѣдуетъ отдѣлить терминъ «практическій» отъ термина «прикладной». Это вѣрно, что часто ихъ употребляютъ для обозначенія того же понятія, но это сбивчиво, а потому я отношу слово «практическій» къ умѣнью, а не къ знанію.

43. Критикуя мое представленіе о различіи между теоріей и практикой, г. Нордманъ игнорируетъ мое представленіе о практикѣ, какъ объ «умѣньѣ».

Вотъ если-бы все это не игнорировалъ г. Нордманъ въ своей критикѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не игнорировалъ-бы и мое право на такія обозначенія, онъ воздержался-бы отъ снисходительнаго съ высоты «общепризнаннаго» и «твердо установленнаго» заявленія, что мнѣ не чуждо «отличіе теоретическаго изслѣдованія отъ практическаго», но что я мыслю его «исключительно въ формѣ противоположенія теоріи науки ея практическому приложенію». Отъ чисто теоретическаго изслѣдованія я отличаю прикладное, которое, вмѣстѣ съ первымъ, составляетъ *теорію* науки.

А практическое ея приложеніе я называю практическимъ умѣньемъ или искусствомъ. Вотъ и все. И все это могъ увидѣть г. Нордманъ, если-бы онъ внимательнѣе отнесся къ моему изложенію.

Раздѣленіе каждой военной науки на теоретическій отдѣлъ и прикладной мною указано на стр. 205 моей книги, а на стр. 47 совсѣмъ опредѣленно видно, что подъ практикой я подразумѣваю умѣнье, опытъ, искусство. Тотъ же взглядъ, но только полнѣе, я развиваю въ первомъ-же этюдѣ по стратегіи (*). Здѣсь, приводя подробную классификацію въ стратегіи (планъ разбивки стратегическаго матеріала), я говорю: стратегія какъ военная наука—это *теорія* дѣла. Это только подготовка къ стратегіи, какъ къ военному искусству, какъ къ *умѣнью* подготовлять и вести войну, т. е. къ *практической* стратегіи, и даже, хотя и очень важная, но вмѣстѣ съ тѣмъ только и очень незначительная, часть этой подготовки. Эта подготовка должна быть дополнена опытомъ, и чтобы она дала *дѣйствительное умѣнье*, нуженъ въ той или иной мѣрѣ собственный творческій *талантъ* исполнителя».

44. Я раздѣляю теорію стратегіи на отдѣлы «чистый» и «прикладной».

«Но и теорія можетъ быть разбита на два главныхъ отдѣла — на отдѣлъ чисто теоретическій и на отдѣлъ прикладной. Въ этомъ смыслѣ и употреблены выраженія *теорія стратегіи* и *прикладная стратегія*. Первая—это изслѣдованіе природы (сущности) войны, сущности различныхъ элементовъ обстановки, и сущности средствъ войны (**), и она заканчивается окончательной формулировкой принциповъ подготовки и веденія войны, и тѣхъ правилъ и нормъ, которыя проистекаютъ изъ комбинаціи принциповъ съ нѣкоторыми элементами обстановки, и при томъ только съ тѣми сторонами этихъ элементовъ, которыя представляютъ изъ себя ихъ сущность (природу) (***), а не какую либо только ихъ разновидность».

(*) См. М. Сб. за 1913 г. № 1. Этотъ этюдъ напечатанъ раньше появленія статьи г. Нордмана, и значитъ могъ быть имъ принятъ во вниманіе при его критикѣ.

(**) Т. е. того «что существуетъ».

(***) Т. е. опять таки «что существуетъ».

«Прикладная стратегія — это *теорія* примѣненія выводовъ перваго отдѣла къ различнымъ вопросамъ (*) подготовки и веденія войны».

Чтобы еще яснѣе выразить мою мысль возьму примѣры изъ моей классификаціи.

45. Примѣръ схемы построенія изслѣдованія по военной теоріи.

Война—это насиліе. Осуществляетъ это насиліе человѣкъ, при чемъ цѣль достигается *только* побѣдоноснымъ исходомъ боевъ (**), въ которыхъ человѣкъ находится въ сферѣ смертельной опасности. Очевидно поэтому, что разъ цѣль военной науки, а значитъ и теоретическаго ея отдѣла—найти пути для побѣды (это и практическая цѣль военной науки), то, чтобы подвести прочный фундаментъ подъ эти пути, чтобы обосновать ихъ, надо *изслѣдовать* природу насилія, состояніе духовной стороны человѣка въ сферѣ смертельной опасности и природу боя. Это вѣдь все относится къ тому «что существуетъ» въ области военныхъ явленій и подлежитъ теоретическому изслѣдованію. И этому изслѣдованію нисколько не мѣшаетъ опредѣленно поставленная для него *цѣль* — изыскать пути для побѣды. Напротивъ, именно она осмысливаетъ это изслѣдованіе. Именно, преслѣдуя эту опредѣленную цѣль, я при изслѣдованіи, нисколько не пренебрегая ни однимъ изъ элементовъ природы насилія, и одинаково тщательно изслѣдуя ихъ всѣ, сгруппирую именно тѣ элементы, которые слѣдуетъ использовать для достиженія побѣды, и тѣ, которые ведутъ къ пораженію, и которые поэтому надо обезвреживать, и изслѣдую вопросъ—гдѣ слѣдуетъ искать средства для этого обезвреживанія.

Также и съ состояніемъ духовной стороны человѣка въ сферѣ смертельной опасности. Именно цѣль изслѣдованія—найти пути къ побѣдѣ, приведетъ меня къ тщательной фор-

---

(*) Типамъ явленій.

(**) Цѣль можетъ быть достигнута и угрозой, но только тогда, когда угроза, въ случаѣ отказа подчиниться ей, переходитъ въ бой. Значитъ подчинившійся угрозѣ на самомъ дѣлѣ подчиняется предвидимому имъ печальному результату возможнаго боя.

мулировкѣ съ одной стороны тѣхъ *общихъ* (*) условій, которыя будутъ способствовать такому состоянію духа, при которомъ эта смертельная опасность будетъ оказывать наименьшее вліяніе на его дѣятельность, а съ другой стороны—тѣхъ общихъ условій, которыя будутъ усиливать это вліяніе и слѣдовательно будутъ нарушать дѣятельность человѣка. Всѣ эти условія это то «что существуетъ», это формулировка того «что существуетъ» въ области военныхъ явленій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это ужъ то основаніе (выводъ), которое и въ прикладномъ отдѣлѣ, и въ практической дѣятельности, въ умѣньѣ, въ искусствѣ, будетъ руководить тѣмъ что «должно быть», для того чтобы была достигнута все та-же опредѣленная цѣль—отыскать путь къ побѣдѣ и въ различныхъ типахъ военныхъ явленій, и во всемъ разнообразіи конкретныхъ случаевъ въ области этихъ явленій. Такимъ образомъ, съ моей точки зрѣнія, эти общія формулы, эти общіе выводы—это *заключеніе* чисто теоретическаго изслѣдованія, и какъ таковое составляетъ неотъемлемую его часть. Таковыми напр. являются *принципы* вооруженной борьбы, и вытекающіе изъ нихъ принципы устройства военной силы (**).

46. Принципы—это то «что есть», и какъ выводы чистой теоріи составляютъ ея неотъемлемую составную часть.

(*) Частныя условія въ каждомъ частномъ случаѣ могутъ быть различны, и этихъ условій никакое изслѣдованіе опредѣлить не можетъ. Это дѣло творчества, умѣнья, искусства въ сферѣ практической дѣятельности.

(**) Именно вторые вытекаютъ изъ первыхъ, т. к. военная сила должна быть устроена такъ, чтобы она могла побѣдить въ вооруженной борьбѣ, а условія для побѣды и выражаются первыми принципами.

Лееръ совершенно опредѣленно указываетъ, что «принципы» принадлежатъ къ «чистой» теоріи военнаго дѣла. «Война» говоритъ онъ (Стратегія. Ч. I. 5-е изд. стр. 38—39) «подчиняется не только требованіямъ обстановки, но она *прежде всего* подчиняется высшимъ законамъ—принципамъ, вытекающимъ изъ самой ея природы—сущности. Такимъ образомъ въ стратегіи и въ тактикѣ рѣшеніе каждаго вопроса слагается изъ *двухъ главныхъ рѣшающихъ данныхъ*: 1) данной *постоянной*—неизмѣнныхъ (прямолинейныхъ) принциповъ, независимыхъ отъ времени и мѣста, условій ложащихся въ основу рѣшенія того или другого вопроса и служащихъ лишь отправными точками для ихъ рѣшенія и 2) данной въ высшей степени перемѣнной (криволинейной)—обстановки, окружающей это рѣшеніе. Прямолинейный принципъ съ кривою жизни соприкасается только въ одной точкѣ, но эта-то точка и имѣетъ громадное значеніе, какъ *исходная* отправная точка для правильнаго рѣшенія того или другого вопроса. *Принципъ—это чистая, отвлеченная стра-*

Между тѣмъ г. Нордманъ исключаетъ ихъ изъ области теоретическаго изслѣдованія и относитъ къ области практическихъ наукъ (прикладного отдѣла знанія при принятой мною терминологіи). «Практическія науки» говоритъ онъ (*) «учатъ насъ *общимъ принципамъ*, максимамъ, сообразно которымъ при данныхъ обстоятельствахъ можно способствовать тѣмъ или инымъ (напримѣръ военнымъ или военно-морскимъ) цѣлямъ и установить извѣстный порядокъ (напр. устроить военную или военно морскую силу) наилучшимъ образомъ» (**). По моему-же, прикладной отдѣлъ науки учитъ лишь *приложенію* общихъ принциповъ, а самые эти общіе принципы—какъ результатъ теоретическаго изслѣдованія, принадлежатъ къ теоретическому отдѣлу науки. Иначе выходитъ, что теоретическое изслѣдованіе работало въ какомъ-то безвоздушномъ пространствѣ, и ничѣмъ не связано съ практическимъ отдѣломъ, который самъ, своимъ особымъ методомъ, производитъ какое-то изслѣдованіе, значитъ практическое, яко-бы въ противовѣсъ теоретическому, и такимъ образомъ получаетъ *общіе* принципы. Едва-ли къ такимъ принципамъ можетъ подойти названіе «общій».

47. Составъ «прикладного» отдѣла «теоріи» стратегіи

Поэтому у меня отдѣлъ подъ заголовкомъ «Прикладная стратегія», которую я характеризую иначе названіемъ «Подготовка и веденіе войны», въ отличіе отъ «Теоріи стратегіи», которую я характеризую иначе названіемъ «Природа войны» (***), и занимается, во пер-

---

тегія. Какъ говоритъ Наполеонъ—на войнѣ слѣдуетъ дѣйствовать какъ можно сообразнѣе съ *принципами*, а затѣмъ все остальное предоставить *случаю*. Обстановка—это прикладная стратегія. Какъ говоритъ Наполеонъ—на войнѣ обстановка повелѣваетъ. Изслѣдованіе *принципіальной* части стратегическихъ операцій составляетъ предметъ *чистой* (спекулятивной, теоретической, раціональной) стратегіи. Изслѣдованіе-же *наиболѣе типичныхъ* случаевъ примѣненія извѣстныхъ принциповъ къ своеобразнымъ требованіямъ обстановки составляетъ предметъ *прикладной* стратегіи (комбинаціонной ея части)» (См. также §§ 107 и 108).

(*) См. выноску на стр. 123 и стр. 137 и 138. Курсивъ мой.

(**) Удивительно, что г. Нордманъ (см. ниже, глава VII § 135) находитъ «чистую теорію въ книгѣ св. кн. Ливена «Духъ и дисциплина нашего флота», которая трактуетъ исключительно объ устройствѣ военной силы въ извѣстной обстановкѣ (морской), исходя изъ принциповъ организаціи.

(***) См. Этюдъ I, § 21 (М. Сб. № 1, 1913 г. стр. 74—75).

выхъ, классификацiей военныхъ явленiй по *типамъ* (напр. война, кампанiя, операцiи, мобилизацiя, развѣдка, оборона береговъ, крейсерская война, горная война и т. п.), и во вторыхъ *приложенiемъ* къ этимъ типамъ тѣхъ общихъ принциповъ, которые выведены въ отдѣлѣ о природѣ войны. Результатами такого изслѣдованiя являются, во первыхъ признаки и свойства, отличающiя одинъ типъ военныхъ явленiй отъ другого (напр. кампанiи отъ операцiи, мобилизацiи отъ стратегическаго развертыванiя, обороны береговъ отъ смѣшанной операцiи и т. п.), а во вторыхъ—нормальныя схемы для отысканiя путей къ побѣдѣ въ предѣлахъ разбираемыхъ явленiй. Такимъ образомъ получается нормальная схема плана кампанiи, нормальная схема мобилизацiи, стратегическаго развертыванiя, обороны береговъ, крейсерской войны и т. п. при чемъ эти нормы заключаютъ въ себѣ формулировку тѣхъ требованiй, невыполненiе которыхъ сдѣлаетъ планъ кампанiи или веденiе крейсерской войны противорѣчащими природѣ войны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вся эта «прикладная стратегiя» ни въ коемъ случаѣ не «искусство», не «умѣнье» не «практика», а тоже «теорiя», но только не «чистая» теорiя, а теорiя приложенiя ея выводовъ къ типамъ военныхъ явленiй. Искусство-же выразится въ умѣньѣ, исходя изъ этихъ нормъ, составить планъ кампанiи для вооруженной борьбы съ опредѣленнымъ государствомъ, въ опредѣленное время, при опредѣленной политической обстановкѣ, умѣнье произвести стратегическое развертыванiе при опредѣленной обстановкѣ, умѣнье организовать смѣшанную операцiю, имѣющую опредѣленную цѣль и умѣнье достигнуть этой цѣли и т. п. Вотъ все это—область «практической стратегiи».

48. Вопреки необоснованнымъ увѣренiямъ г. Нордмана, принятое мною построенiе и подраздѣленiе теорiи науки и практики такое-же какъ и во всѣхъ наукахъ.

Такимъ образомъ увѣренiе г. Нордмана, что у меня «прежде всего отсутствуетъ *общепризнанное* въ настоящее время раздѣленiе наукъ» на науки «теоретическiя» и «политическiя» вѣрно лишь въ томъ отношенiи, что ни одна изъ указываемыхъ военныхъ наукъ не принадлежитъ *цѣликомъ* къ этому разряду. Но такихъ наукъ вообще не существуетъ въ области человѣческаго знанiя.

Каждая наука имѣетъ свою теоретическую часть, и часть прикладную, и наконецъ практическое приложеніе, выражающееся въ искусствѣ или въ умѣньѣ приложить выводы теоретической и прикладной частей къ опредѣленному случаю (*).

(*) Напр. въ какой либо идіографической наукѣ, ну хотя-бы въ исторіи, существуетъ теорія, въ видѣ «философіи исторіи» или «теоріи историческаго знанія» (напр. Карѣевъ), или «теоріи историческаго процесса» (напр. Хвостовъ), или «Введенія въ изученіе исторіи» (напр. Ланглуа и Сеньобосъ), или «теоріи историческаго познанія» (напр. Випперъ), или «теоретическихъ и методолодическихъ вопросовъ исторіи» (напр. Мейеръ), и эта теорія, сколь-бы ни была разнообразна по построенію (я нарочно взялъ авторовъ очень разнообразно ее излагающихъ), всегда раздѣляется на главныя двѣ части—чисто теоретическую—излагающую взглядъ автора на сущность исторіи, и на часть прикладную, трактующую о томъ какъ этотъ взглядъ на сущность проводить при историческихъ работахъ. И наконецъ существуетъ *искусство*, *умѣнье* написать исторію, которая въ той или иной степени, въ зависимости отъ познаній въ теоріи, опыта и таланта, выражается напр. въ «Исторіи западной Европы въ новое время» (Карѣевъ), въ «Исторіи римскаго права» (Хвостовъ), въ «Политической исторіи современной Европы» (Сеньобосъ), въ «Исторіи Римской имперіи» (Випперъ), въ «Исторіи древности» (Мейера) и т. п.

Въ теоретической механикѣ, напр. въ динамикѣ, чистая теорія заключаетъ въ себѣ принципы (напр. принципъ инерціи) и законы движенія (напр. законъ живой силы), и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣется ученіе о приложеніи этой теоріи къ типичнымъ случаямъ движенія, напр. теорія удара. Послѣдняя въ свою очередь раздѣляется на приложеніе этой теоріи къ типичнымъ случаямъ удара (ударъ прямой, косой, ударъ совершенно неупругихъ, и не вполнѣ упругихъ тѣлъ), и выводы въ этихъ случаяхъ, которыя суть не болѣе какъ формы проявленія общихъ принциповъ и законовъ динамики въ этихъ типичныхъ случаяхъ, имѣютъ дальнѣйшее приложеніе, напр. при ковкѣ (см. курсъ теоретической механики профессора Мещерскаго. 1913 г. т. II, стр. 352), которая тоже имѣетъ свою теорію. Въ этой теоріи приложеній выводовъ чистой теоріи, указывается напр. какъ эти выводы прилагаются къ случаю удара на твердое тѣло, вращающееся вокругъ неподвижной точки, и какъ примѣръ такого приложенія приводится описаніе баллистическаго маятника (стр. 367). Но конечно это не искусство, не умѣнье, а только то *знаніе* (теорія), которое можетъ быть положено въ основу искусства.

Также напр. существуетъ чистая теорія сферической тригонометріи, и теорія приложеній выводовъ этой теоріи къ типичнымъ геометрическимъ вопросамъ, напр. къ рѣшенію сферическихъ треугольниковъ, къ вопросамъ геометріи въ пространствѣ и т. п. Послѣдняя теорія въ свою очередь (см. напр. профессоръ Сергіевскій — Приложеніе сферической тригонометріи къ вопросамъ геометріи въ пространствѣ 1913 г.), взявши изъ сферической тригонометріи ея выводы въ видѣ формулъ, даетъ сначала общія основанія, и опредѣляетъ предѣлы приложенія выводовъ сферической тригонометріи къ геометріи, затѣмъ разбираетъ приложеніе этихъ общихъ основаній къ

Спрашивается—почему собственно военныя науки должны служить исключеніемъ, и почему, въ угоду взглядамъ г. Нордмана, которыхъ онъ собственно ничѣмъ не подтверждаетъ, кромѣ утвержденія, что это «твердо установлено», «общепризнано», и такъ «должно быть», напр. стратегія должна изслѣдовать вопросы исключительно о томъ «что существуетъ», и не можетъ обсуждать вопросы о томъ «что должно быть», и почему, если она будетъ задаваться практическими цѣлями, то въ ней уже не можетъ быть «чистой» теоріи и т. п.?

49. Г. Нордманъ допускаетъ «досадныя» неправильности въ цитированіи, освѣщеніи и изложеніи моихъ мыслей.

По мнѣнію г. Нордмана въ тактикѣ и военной администраціи, въ томъ видѣ какъ я ихъ опредѣлилъ, «практическій, цѣлевой элементъ господствуетъ въ такой мѣрѣ, что онѣ могутъ въ сущности всецѣло быть отнесены къ группѣ наукъ практическихъ». Это онъ выводитъ повидимому изъ моего указанія, что эти науки отвѣчаютъ на вопросъ *какъ* (см. стр. 121) выполнить указанія стратегіи.

Во первыхъ, г. Нордманъ, къ сожалѣнію, излагая мои выводы о взаимоотношеніи отдѣльныхъ военныхъ наукъ (стр. 121—122), комбинируетъ различные отрывки изъ моего изложенія, переставляя ихъ въ удобномъ ему порядкѣ, безъ указанія на это, посредствомъ ссылки каждый разъ на страницы, когда имъ берутся выдержки изъ моего изложенія съ разныхъ страницъ, и не въ томъ порядкѣ, какъ онѣ идутъ у меня. А кромѣ того онъ заключаетъ въ ковычки не подлинныя мои слова, а и свои собственныя комбинаціи изъ моихъ словъ. Повторяю казалось-бы ему слѣдовало быть въ особенности щепетильнымъ въ этомъ отношеніи, помѣщая свою критику въ журналѣ доступномъ всѣмъ, о книгѣ, которая имѣла самое ограниченное распространеніе (см. выше § 1). Это конечно мелочи, и сколько нибудь важнаго вліянія па обсужденіе спорныхъ между мною и моимъ оппонентомъ вопросовъ имѣть не можетъ, но мелочи *досадныя*, которыя усложняютъ мой отвѣтъ,

---

рѣшенію типичныхъ геометрическихъ вопросовъ, которые могутъ быть рѣшены такимъ путемъ, а затѣмъ, для пріобрѣтенія искусства, умѣнья рѣшать такіе вопросы, предлагаетъ рядъ (70) скомбинированныхъ задачъ.

И такъ во всѣхъ наукахъ.

подобныя указанію г. Нордманомъ, что я выдаю свои взгляды за «яко-бы современные», тогда какъ я нигдѣ о «современности» моихъ взглядовъ не обмолвился ни единымъ словомъ. Вѣдь вотъ именно эта досадная мелочь заставила меня отвлечься въ началѣ статьи въ сторону философіи гораздо больше, чѣмъ желательно. Такъ и здѣсь. Для всякаго непредубѣжденнаго читателя ясно, что на стр. 35-й я говорю о задачахъ *теоріи* стратегіи («стратегія изслѣдуетъ основной вопросъ о сущности войны, и на основаніи этого устанавливаетъ истины, служащія основоначалами, изъ которыхъ исходятъ всѣ остальныя военныя науки»), а на стр. 36—о задачахъ *практической* стратегіи («задача стратегіи — разрабатывать планъ подготовки къ войнѣ и ея веденія, поддерживая его все время въ соотвѣтствіи съ обстановкой, т. е. съ географическимъ, этнографическимъ и экономическимъ положеніемъ и внутренней и внѣшней политикой какъ своего государства, такъ и возможныхъ его противниковъ, союзниковъ и нейтральныхъ, и съ ихъ мѣропріятіями. Задача другихъ наукъ,—руководствуясь этимъ выполнить соотвѣтственныя части плана»).

Поэтому на стр. 35, говоря о задачѣ другихъ военныхъ наукъ—*изслѣдовать* вопросы—*какъ* выполнить указанія стратегіи, я говорю объ ихъ *теоріи*, а на стр. 36 и 37, на которыхъ еще болѣе подробно изложены чисто *практическія* задачи стратегіи («указанія стратегіи приспособливаются къ каждой новой цѣли» возникающей въ *данной* войнѣ, стратегія «постоянно считается съ обстановкой, вслѣдствіе чего результаты *практическихъ приложеній* выработанныхъ ею истинъ являются наиболѣе плодотворными»), я, указывая на роль другихъ наукъ «*выполнить* соотвѣтственныя части плана», или въ частности тактики — «*какъ* должны *производиться* тѣ боевыя дѣйствія, которыя указываетъ стратегія», очевидно говорю о чисто *практическихъ* задачахъ этихъ наукъ.

Вотъ почему и досадно, что г. Нордманъ мою фразу «соотвѣтствующія военныя науки занимаются изслѣдованіемъ вопросовъ *какъ* выполнить указанныя мѣропріятія на дѣлѣ», беретъ со страницы 35, гдѣ она относится къ указаніямъ *теоріи* стратегіи, и не указывая этого, ставитъ ее *послѣ* изло-

женія задачъ стратегіи, взятыхъ имъ со страницы 36, т. е. задачъ чисто *практическихъ*. Притомъ свою *небрежность* въ цитированіи онъ допускаетъ до того что напечатавъ курсивомъ слово «какъ», онъ дѣлаетъ выноску, что этотъ курсивъ принадлежитъ ему (см. стр. 121 «(курсивъ нашъ. Н. Н.)», тогда какъ всякій, имѣющій мою книгу, легко можетъ убѣдиться, что и у меня это слово «какъ» напечатано курсивомъ. Повторяю, всѣ эти мелкія небрежности очень досадны, такъ какъ затрудняютъ отвѣтъ (*).

«50. Г. Нордманъ невѣрно утверждаетъ, что при моемъ опредѣленіи тактики и организаціи, изъ нихъ исключена теорія».

Итакъ я совершенно не исключаю «теоріи» изъ тактики и организаціи, какъ это желаетъ выставить г. Нордманъ, а напротивъ опредѣленно указываю и задачи для этой теоріи — изслѣдовать—въ какія нормальныя формы выльются общіе принципы, которыми ихъ снабдила стратегія, при приложеніи къ различнымъ типамъ организаціи (въ организаціи) и различнымъ типамъ боевыхъ столкновеній (въ тактикѣ), для чего имъ придется изслѣдовать эти типы по существу (напр. эскадренный бой, минную атаку, осаду, бомбардировку, организацію эскадры, базы и т. п.), и на основаніи этого изслѣдованія ихъ классифицировать, чтобы получить тѣ нормальныя требованія, которыя надо предъявлять къ каждому типу, исходящія изъ сущности войны вообще, изъ сущности самого типа, и изъ сущности тѣхъ типичныхъ обстановокъ (суша, море, ночь, день, горы, степь и т. п.), по которымъ можетъ быть расклассифицировано приложеніе этихъ типовъ. Дѣйствительно, значительная часть «чистой» теоріи этихъ наукъ обосновывается въ стратегіи и въ организаціи, и въ тактикѣ излагается лишь *догматически*, но она въ каждой изъ этихъ наукъ дополняется цѣлымъ рядомъ из-

(*) Конечно въ этой путаницѣ отчасти я виноватъ и самъ, т. к. не ставилъ особыхъ заголовковъ «теоретическія задачи» и «практическія задачи» стратегіи и другихъ военныхъ наукъ, но изъ самого изложенія раздѣленіе этихъ задачъ достаточно выясняется. Въ «этюдахъ по стратегіи» (см. I этюдъ напечатанный въ М. Сб. 1913 г. № 1, т. е. раньше появленія статьи г. Нордмана) я устранилъ этотъ *формальный* недостатокъ, выдѣливъ эти разныя стороны стратегіи подъ заголовки «задачи стратегіи» и «практическая работа стратегіи».

слѣдованій, болѣе частныхъ по характеру, но чисто теоретическихъ, а «прикладная» теорія (теорія приложенія) вся налицо въ этихъ наукахъ. Значитъ и эти науки имѣютъ и свой теоретическій и свой прикладной отдѣлъ, но конечно требованію г. Нордмана, чтобы вся наука *цѣликомъ* была-бы или лишь теоретическая, либо прикладная, онѣ не удовлетворяютъ. А причисленіе ихъ къ искусствамъ, какъ это дѣлаетъ г. Нордманъ, съ точки зрѣнія принятой мною терминологіи, совершенно невѣрно, т. к. подъ искусствомъ я понимаю—практическое *умѣнье* примѣнять выводы чистой и прикладной теоріи къ безконечному разнообразію въ обстановкѣ дѣйствительной жизни.

III.

Объ «исторіи военнаго искусства», какъ о наукѣ.

51. Г. Нордманъ, безъ всякаго основанія, навязываетъ мнѣ то, что мнѣ и въ голову не приходило.

Г. Нордманъ въ такой мѣрѣ одержимъ сознаніемъ непогрѣшимости идеи о томъ, что непремѣнно въ каждой области знанія должна существовать особая наука, которая цѣликомъ должна содержать теорію въ чистомъ ея видѣ, и при томъ въ такомъ видѣ, какъ именно понимаетъ ее г. Нордманъ, что онъ стремится навязать эту идею и мнѣ. Ничѣмъ другимъ не могу объяснить слѣдующія его слова (стр. 127): «приходится придти къ заключенію, что ни стратегія, ни тактика, ни администрація (у меня сказано — организація), въ томъ видѣ, какъ онѣ намѣчены г. Кладо, не могутъ быть отнесены къ военно-морской теоріи въ *чистомъ* ея видѣ. Повидимому этотъ пробѣлъ, отсутствіе въ классификаціи военно-морскихъ наукъ *чистой* теоріи почувствовалъ и самъ авторъ «Введенія». И вотъ, чтобы заполнить его, *г. Кладо вводитъ новую науку*, которой онъ далъ названіе «Исторіи военно-морского искусства» (*).

Вотъ ужъ по истинѣ могу сказать — благодарю - не ожидалъ. Мнѣ и въ голову не приходила столь хитроумная стратагема. Казалось-бы, опредѣленно указывая причину, почему я въ числѣ военныхъ наукъ указываю исторію военнаго искусства, г. Нордманъ обязанъ былъ-бы привести хоть какія

(*) Курсивы мои.

нибудь мои слова, на которыхъ онъ можетъ обосновывать столь категорическое утвержденіе. Но этого онъ не дѣлаетъ, ибо такихъ словъ нѣтъ, и выходитъ, что онъ читаетъ въ моихъ мысляхъ лишь подъ впечатлѣніемъ своей навязчивой идеи, и потому навязываетъ эту идею и мнѣ.

«Мы умышленно подчеркиваемъ» продолжаетъ г. Нордманъ слова «далъ названіе», и дѣлаемъ это по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что насколько намъ извѣстно, это названіе, получившее теперь довольно широкое распространеніе, въ «Введеніи» установлено *впервые*, и во вторыхъ потому, что по нашему мнѣнію заглавіе это выбрано *неудачно*» (*).

Очень благодарю г. Нордмана за честь признанія за мной инициативы въ созданіи *новой* науки, хотя-бы и неудачной и лишь для того, чтобы замазать отсутствіе у меня «чистой теоріи», но все таки долженъ отклонить эту оказанную мнѣ честь, ибо въ данномъ случаѣ г. Нордманъ говоритъ о томъ, что ему повидимому мало знакомо.

Названіе «Исторія военнаго искусства» у насъ впервые появилось въ 1832 г. въ годъ основанія Императорской Военной Академіи, и въ это время, по указанію вице-президента Академіи, генералъ-маіора Зедделера «исторія военнаго искусства занимала во всѣхъ высшихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ просвѣщенной Европы одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ» (**). Оно служитъ, по его мнѣнію «практическимъ введеніемъ въ прочія военныя науки... безъ основательнаго знанія исторіи военнаго искусства нѣтъ возможности понимать исторію военную, а безъ знанія сей послѣдней нельзя быть ни образованнымъ воиномъ, ни хорошимъ полководцемъ. Такъ по крайней мѣрѣ, думали Фридрихъ Великій и Наполеонъ».

52. Трудность полемики съ г. Нордманомъ, изъ за недостаточнаго его знакомства съ областью *военной науки*.

Необходимость этого указанія, на которое меня вынудилъ г. Нордманъ категоричностью своихъ утвержденій, вскрываетъ между прочимъ одну изъ большихъ для меня трудностей въ нашей полемикѣ. Читая критику г. Нордмана, у меня поневолѣ создается впечатлѣніе, что

(*) Курсивы мои.

(**) Баіовъ. Исторія военнаго искусства какъ наука. 1912 г. стр. 3.

едва-ли онъ знакомъ съ военной литературой, даже въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ заключена его статья. Напр. онъ критикуетъ проведенные въ моей книгѣ классификацію военныхъ наукъ, и методы ихъ изученія, и хотя я многократно оговариваю, что все это не мое, и что я резюмирую лишь тѣ взгляды въ существующей военной наукѣ, съ которыми я лично согласенъ, г. Нордманъ ни разу ни однимъ словомъ не обращаетъ свою критику противъ указываемыхъ мною авторовъ. И выходитъ какъ-то неловко, ибо по изложенію г. Нордмана, чего добраго, кто нибудь можетъ подумать, что все, что онъ у меня критикуетъ, именно я и выдумалъ. Именно въ такое положеніе онъ меня поставилъ въ вопросѣ объ исторіи военнаго искусства, какъ о наукѣ.

И вотъ въ разборѣ въ его статьѣ вопросовъ о классификаціи и методѣ военныхъ наукъ, не видно, чтобы г. Нордманъ былъ знакомъ даже съ такими классическими трудами въ этой области какъ работы Леера, на которыя я главнымъ образомъ и ссылаюсь. И чѣмъ дальше развиваетъ свои положенія г. Нордманъ, чѣмъ больше ему приходится обращаться къ тому, что болѣе или менѣе уже разработано въ военной литературѣ, или къ фактамъ военной исторіи, тѣмъ сильнѣе чувствуется его незнакомство съ этими областями. Все это въ значительной мѣрѣ усложняетъ мой отвѣтъ.

53. Для обоснованія военной теоріи необходимъ и историческій методъ (*). Возвращаюсь теперь къ вопросу объ исторіи военнаго искусства, и о тѣхъ причинахъ, которыя привели меня къ тому, чтобы поставить именно ее въ число военныхъ наукъ. Конечно не сознаніе мое въ томъ, что ни одна изъ поименованныхъ мною военныхъ наукъ не заключаетъ въ себѣ чистой военной теоріи, меня привело къ этому, какъ это думаетъ г. Нордманъ. Я считаю что напр. первый отдѣлъ стратегіи (о природѣ войны) (**)

(*) См. выноску въ § 62.

(**) «Задачей *чистой* науки о войнѣ должно быть поставлено изученіе войны, какъ явленія общественной жизни». Профессоръ Головинъ. Изслѣдованіе боя. 1907 г. стр. 17.

«Исторія военнаго искусства есть высшее обобщеніе военной исторіи — ея философія. Но если она даетъ свои выводы военной исторіи, то съ другой стороны, она черпаетъ свой матеріалъ изъ военной исторіи. Послѣдняя

заключаетъ въ себѣ настоящую «чистую» теорію военнаго дѣла, и вмѣстѣ съ отдѣлами «теоріи приложенія» выводовъ чистой теоріи къ типамъ военныхъ явленій, какъ въ стратегіи, такъ и въ организаціи и въ тактикѣ, теорія военнаго дѣла исчерпывается вполнѣ, и ни въ какихъ дополненіяхъ не нуждается.

Но вотъ когда поднимается вопросъ о *путяхъ обоснованія* этой теоріи, и о тѣхъ путяхъ, посредствомъ которыхъ она входитъ въ сознаніе личнаго состава, на сцену выходитъ военная исторія.

Именно потому, что военныя науки принадлежатъ къ числу соціальныхъ, т. е. наиболѣе сложныхъ, именно потому, что къ нимъ гораздо труднѣе чѣмъ къ другимъ группамъ наукъ прилагаются научные методы изслѣдованія, каковы бы ни были эти методы, именно потому, что теорія военнаго дѣла не можетъ быть такъ опредѣленно формулирована, какъ теорія въ другихъ группахъ наукъ, а потому и труднѣе внѣдрить ее въ сознаніе личнаго состава (*), надо примѣнить къ ея обоснованію *всѣ* пригодные для этого научные методы (**), не довольствуясь результатами полученными посредствомъ какого либо одного метода, *провѣряя* эти результаты параллельными и встрѣчными изслѣдованіями другими методами. Однимъ изъ важнѣйшихъ такихъ методовъ является сравнительно или критико-историческій (***).

54. Для примѣненія историческаго метода для обоснованія военной теоріи историческій матеріалъ долженъ быть соотвѣтственно обработанъ.

Для примѣненія этого метода историческій матеріалъ долженъ быть извѣстнымъ образомъ подготовленъ, и въ смыслѣ выбора этого матеріала и способа его обработки.

есть ея основаніе... Другая *наука*, съ которой исторія военнаго искусства очень тѣсно связана—это стратегія, понимаемая въ смыслѣ *науки*, изучающей войну какъ явленіе общественной жизни». Головинъ Сборникъ статей. 1914 г. стр. 6—7. Именно эту задачу—изучить войну какъ явленіе общественной жизни я и ставлю теоретической стратегіи (см. I этюдъ по стратегіи § 7 и 11, и «Введеніе», (стр. 34—35).

(*) Подробнѣе объ этомъ см. «Введеніе» гл. IV и «Этюды по стратегіи» этюдъ III, М. Сб. 1913 г. №№ 5 и 6).

(**) См. §§ 31 и 108.

(***) См. «Введеніе» гл. IV, стр. 235, III этюдъ по стратегіи, § 20 и дальше.

Чѣмъ же руководствоваться при этомъ отборѣ? Да все той-же основной цѣлью, для которой только и существуетъ военная наука—изыскивать и формулировать пути для побѣды. Въ военной исторіи для военной науки и для практическаго ея приложенія—военнаго искусства цѣнно не то, что привело къ побѣдѣ тогда, когда эта побѣда дѣйствительно была одержана, а лишь то изъ всего того, что привело *тогда* къ побѣдѣ, что можетъ вести къ побѣдѣ *и теперь*, а также будетъ вести къ побѣдѣ и въ *будущемъ* (*), т. е. то, что, въ той или иной формѣ, въ формѣ болѣе или менѣе совершенной, болѣе или менѣе законченной и полной, является *всегда* спутникомъ побѣды. Если такихъ элементовъ нѣтъ совсѣмъ, если каждая новая побѣда зависитъ исключительно отъ элементовъ совершенно новыхъ, и безконечно мѣняющихся, а не отъ новыхъ лишь комбинацій элементовъ постоянныхъ съ перемѣнными, то факты военной исторіи не могутъ дать ничего для военнаго искусства.

Тогда исторія будетъ лишь объяснять почему то, что существуетъ *теперь* вылилось въ ту или иную форму, что тоже крайне полезно, но для этого конечно, нѣтъ надобности залѣзать вглубь исторіи. Если нѣтъ постоянства въ причинахъ, то можно ограничиться познаніемъ лишь послѣднихъ причинъ.

55. Апріорное представленіе о существованіи неизмѣнныхъ элементовъ ведущихъ къ побѣдѣ.

Но тотъ фактъ, что воюютъ все тѣ же люди, основныя свойства которыхъ, какъ моральныя и физическія, остаются все тѣми-же самыми (**), тотъ фактъ, что побѣда—это всегда результатъ *умѣнья* такъ воздѣйствовать на *моральныя* силы противника, что онъ *отказывается* отъ борьбы или въ данный моментъ (проигрышъ сраженія), или вообще отъ борьбы за то дѣло, изъ за котораго ведется вооруженная борьба (проигрышъ войны) (***), указываетъ, что пути для побѣды

(*) Исторія военнаго искусства «даетъ ключъ къ пониманію будущаго». Головинъ. Сборникъ статей, 1914 г. стр. 2.

(**) См. ниже, ссылку въ § 106.

(***) «Основнымъ закономъ войны мы считаемъ *главенство духовнаго элемента.* Дѣло стратегіи-науки (подъ этимъ подразумѣвается соединеніе теоретической стратегіи съ исторіей военнаго-искусства) — *доказать* его... законъ

должны имѣть какія-то общія основы, и лишь ихъ формы, въ которыя выливаются въ каждомъ данномъ случаѣ эти пути, могутъ быть безконечно разнообразны въ зависимости отъ безконечнаго разнообразія перемѣнныхъ элементовъ, въ тѣсномъ соприкосновеніи съ которыми протекаютъ военныя явленія.

56. Что подразумѣвается въ военной теоріи подъ обстановкой.

Эти перемѣнные элементы въ своей совокупности называются въ военномъ дѣлѣ *обстановкой.*

Такое апріорное пока заключеніе, что имѣются постоянные элементы побѣды, и что эти элементы исходятъ изъ неизмѣняемости извѣстныхъ сторонъ духовной и физической человѣческой природы, подтверждается и тѣми заключеніями и представленіями, которыя человѣчество вынесло о войнѣ изъ огромнаго многовѣкового своего опыта въ дѣлѣ вооруженной борьбы, въ лицѣ именно тѣхъ людей, которые оказывались наиболѣе искусными въ военномъ дѣлѣ—въ лицѣ выдающихся военныхъ талантовъ и геніевъ. Люди эти *неизмѣнно* утверждали, что секретъ побѣды лежитъ въ умѣньѣ понять и использовать моральныя стороны человѣческой природы, въ умѣньѣ найти такія средства и пути, которыя сильнѣе всего могутъ воздѣйствовать на эти стороны.

57. Какъ создавалась военная наука.

Вотъ на почвѣ систематической провѣрки, а затѣмъ и обоснованія этихъ апріорныхъ и опытныхъ сужденій, и создалась военная наука, которая и формулировала эти непремѣнные элементы побѣды въ видѣ основныхъ принциповъ военнаго дѣла (см. IV этюдъ по стратегіи, М. Сб. 1913 г. № 8), которые и представляютъ изъ себя основныя положенія *чистой* военной теоріи (*).

главенства духовнаго элемента нужно формулировать слѣдующимъ образомъ: каждый бой кончается *отказомъ* отъ борьбы одной изъ сторонъ». Профессоръ Головинъ. Собраніе статей. 1914 г. стр. 7 и 10.

(*) «Военный историкъ наблюдаетъ въ прошломъ человѣчества періодическое повтореніе идей и формъ въ извѣстной логической послѣдовательности, что и опредѣляетъ законы развитія военной культуры, а также существованіе нѣкоторыхъ *вѣчныхъ истинъ, основныхъ принциповъ военнаго искусства, имѣющихъ смыслъ и практическое значеніе во всѣ времена»* Профессоръ Н. П. Михневичъ. «Основы русскаго военнаго искусства. Сравнительный

Чѣмъ проще та форма, въ которой представляется человѣческая борьба, имѣющая цѣлью принудить противника къ *отказу* отъ борьбы посредствомъ примѣненія силы, тѣмъ явственнѣе должны проявляться постоянные элементы побѣды, такъ какъ тѣмъ меньше мѣста вліянію элементовъ перемѣнныхъ. Таковою является борьба двухъ атлетовъ, и напр. Клаузевицъ (см. IV эт. по стратегіи § 4, и эт. VI § 24) и ставитъ изслѣдованіе сущности такой борьбы въ основу своего капитальнаго труда «Война. Теорія стратегіи». Но ограничиться *только* такимъ изслѣдованіемъ нельзя. Для убѣжденія, что эти найденные элементы побѣды дѣйствительно постоянны при всякой обстановкѣ, т. е. таковы и теперь и въ будущемъ, надо провѣрить — такъ-ли это при обстановкахъ наиболѣе отличающихся другъ отъ друга, путемъ сравнительныхъ изслѣдованій историческихъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто при самыхъ различныхъ обстановкахъ (сравнительно-историческій методъ), и посмотрѣть—сходятся-ли полученные результаты съ результатами изслѣдованія сущности борьбы въ самомъ простомъ ея видѣ.

58. Какіе факты отбираются изъ военной исторіи въ исторію военнаго искусства. Выборъ этихъ фактовъ намѣчается самъ собой. Прежде всего это тѣ періоды и отдѣльные факты вооруженной борьбы, которыми руководили люди отмѣченные какъ выдающіеся военные таланты и геніи (*) и въ которыхъ особенно ярко проявилось ихъ искусство (умѣнье). Если дѣйствительно существуютъ постоянные элементы побѣды, то именно эти люди и должны были умѣть ихъ выискивать, должны были умѣть оцѣнить ту обстановку въ которой имъ приходилось дѣйствовать, и должны были умѣть выдвинуть на первое мѣсто эти постоянные элементы и именно въ

очеркъ состоянія военнаго искусства въ Россіи и западной Европѣ въ важнѣйшія историческія эпохи» 1898 г. Курсивы автора. Другой свой трудъ («Исторія военнаго искусства») авторъ заключаетъ такъ: «Двадцать пять вѣковъ достовѣрной исторіи человѣчества даютъ матеріалы для вывода законовъ развитія военнаго искусства и основныхъ его положеній (принциповъ)» и вслѣдъ за этимъ авторъ перечисляетъ эти принципы, и какъ разъ это тѣ, которые и я вывожу (помимо другихъ методовъ) и изъ исторіи военнаго искусства.

(*) См. мнѣніе Клаузевица о *высшей* задачѣ теоріи въ § 38.

такой формѣ, которая наилучшимъ образомъ соотвѣтствовала наличной обстановкѣ. Чтобы не быть одностороннимъ въ выборѣ фактовъ, и тѣмъ избѣжать односторонности и въ результатахъ изслѣдованія, необходимо изслѣдовать и такіе факты, въ которыхъ эти таланты и геніи терпѣли неудачи, и такіе факты, въ которыхъ успѣхъ оказывался на сторонѣ людей неискусныхъ и вообще тѣхъ, шансы на побѣду которыхъ были гораздо меньше ихъ противниковъ. Наконецъ надо выбирать факты характерные въ смыслѣ приложенія военныхъ идей, господствовавшихъ въ тотъ или иной періодъ, у того или иного народа (военныхъ школъ), чтобы, разложивши эти идеи на элементы, какъ выше мы разлагали на элементы проявленія искусства, отмѣчать вліяніе этихъ идей на военное искусство не только общей массы, которая обыкновенно слѣпо подчиняется этимъ идеямъ, но и на людей талантливыхъ, стоящихъ выше общей среды.

Разъ будутъ взяты факты, принадлежащіе ко всѣмъ указаннымъ разрядамъ, и выполнено будетъ требованіе, чтобы въ каждомъ разрядѣ были отобраны факты, наиболѣе рѣзко отличающіеся по обстановкѣ, этимъ достаточно будетъ обезпечена обоснованность получаемыхъ изъ изслѣдованій выводовъ.

Конечно, тѣмъ обоснованнѣе будутъ выводы, чѣмъ число этихъ фактовъ будетъ больше, но число это ограничивается, при изученіи—силами отдѣльныхъ изслѣдователей, а при преподаваніи — тѣмъ временемъ, которое на это можетъ быть удѣлено.

59. Что называется «исторіей военнаго искусства». Отобранный на вышеуказанныхъ основаніяхъ матеріалъ надо еще соотвѣтственнымъ образомъ обработать, т. е., помимо наивозможно болѣе точнаго установленія факта, надо тщательно выяснить всѣ причины успѣха и неуспѣха и расклассифицировать эти причины по категоріямъ, по заранѣе намѣченному плану, чтобы потомъ, при *сравненіи* цѣлаго ряда такихъ изслѣдованій, ясно можно-бы было видѣть—существуютъ ли причины постоянныя, и каковы эти причины, на какіе типы можно подраздѣлить причины не постоянныя, и въ какой мѣрѣ и въ какихъ формахъ проявилось умѣнье руководителей провидѣть и исполь-

зовать всѣ элементы побѣды, и умѣнье устранить или насколько возможно полнѣе парализовать тѣ элементы, которые могли помѣшать побѣдѣ.

Вотъ такимъ образомъ обработанный матеріалъ можетъ быть названъ исторіей военнаго искусства (*).

60. Обоснованіе термина— «исторія военнаго искусства». Г. Нордману не нравится это названіе. Онъ считаетъ его неудачнымъ. Хотя и не я это названіе выдумалъ, какъ это полагаетъ г. Нордманъ, я все таки считаю необходимымъ выступить на его защиту. Г. Нордманъ, задавая себѣ вопросъ—что такое военное искусство, отвѣчаетъ, что это «совокупность *знаній, (ученій)* (**) о способахъ и пріемахъ веденія войны».

Я не буду конечно утверждать, что мое пониманіе единственно вѣрное, но разъ дѣло идетъ о принятой мною терминологіи, надо съ нею считаться, т. е. *доказать*, что она невѣрная, а не ограничиваться простымъ объ этомъ утвержденіемъ. Между тѣмъ г. Нордманъ, который понимаетъ «искусство» какъ прикладную или практическую науку (см. стр. 122), опять упускаетъ и здѣсь изъ вида, что я подъ «искусствомъ» подразумѣваю «практическое умѣнье», и рѣзко отграничиваю его отъ «знанія» и «науки» (см. выше §§ 41 и 42) (***).

И вотъ тотъ историческій матеріалъ, и такъ обработанный, какъ это мною указано выше, по существу представляетъ изъ себя рядъ, подвергнутыхъ анализу, образцовъ именно «практическаго умѣнья», т. е. *искусства* (****) находить пути къ побѣдѣ въ самыхъ различныхъ обстановкахъ, съ цѣлью найти и формулировать постоянные элементы, на которыхъ можно обосновывать практическія рѣшенія военныхъ вопросовъ и те-

---

(*) «Исторія военнаго искусства даетъ ключъ къ пониманію явленій *будущаго.....*» она «даетъ изучающему *методъ пониманія обстановки...* У военной исторіи не можетъ быть того широкаго размаха, того философскаго взгляда, который долженъ быть присущъ исторіи военнаго искусства. Послѣдняя, разсматривая военное дѣло въ самыхъ широкихъ рамкахъ и, имѣя въ своемъ распоряженіи вѣка, *изслѣдуетъ обстановку въ полномъ ея объемѣ»*. Профессоръ Головинъ. Сборникъ статей. 1914 г. стр. 2—4.

(**) Стр. 127. Курсивы мои.

(***) См. также ниже, выноску въ § 61.

(****) «Образцовыя произведенія стратегическаго искусства», какъ ихъ называетъ Лееръ. Стратегія, т. I. изд. 5, стр. 95.

перь. Конечно за этими образцами «умѣнья» стоятъ и знанія, и господствующія ученія и идеи, и очень важно выяснить ихъ вліяніе на «искусство». Но все-таки то, что анализируется въ той «исторіи военнаго искусства» о которой говорю я, а не въ той, которую себѣ представляетъ г. Нордманъ, — это именно «умѣнье», «искусство» дѣйствовать, а не «знаніе».

Для меня важно изслѣдовать именно «искусство», т. е. «умѣнье» военныхъ геніевъ и выдающихся талантовъ (мастеровъ военнаго дѣла) дѣйствовать *на дѣлѣ*, а не ихъ знаніе, котораго быть можетъ у нихъ и не было, и не какое либо «ученіе», которому они быть можетъ и не слѣдовали, ибо ихъ «творчество», ихъ «вдохновеніе», ихъ «мастерскіе пріемы» далеко не всегда являлись слѣдствіемъ только «знанія», но были инстинктивнымъ проявленіемъ ихъ таланта и генія (*).

Нужно проанализировать «практическое творчество», «искусство», главнымъ образомъ выдающихся талантовъ и геніевъ въ области войны, и непремѣнно различныхъ эпохъ, и дѣйствовавшихъ въ самыхъ различныхъ обстановкахъ, чтобы найти въ этомъ творчествѣ такіе элементы, которые смѣло можно класть въ основу военной дѣятельности и теперь и въ будущемъ.

И вотъ такую исторію практическаго творчества (искусства) въ области войны, и соотношенія этого творчества и знанія, вполнѣ логично назвать именно *исторіей военнаго искусства*.

Очень сожалѣю, что г. Нордманъ, считая это названіе неудачнымъ, не предлагаетъ вмѣсто него другого названія — тогда можно-бы было ихъ сравнить.

61. Почему г. Нордманъ отрицаетъ право «исторіи военнаго искусства» именоваться теоретической наукой.

Впрочемъ онъ отрицаетъ вообще право того, что я называю «исторіей военнаго искусства» именоваться наукой. Вообразивъ почему-то, что эту науку ввелъ я, и только потому, что почувствовалъ пробѣлъ въ числѣ поименованныхъ мною наукъ въ «чистой теоріи», онъ задаетъ себѣ вопросъ— можно-ли назвать ее *теоретическимъ* изслѣдованіемъ, *теоре-*

(*) См. Клаузевицъ. Война. Т. I. Стр. IX.

тической наукой. И отвѣчаетъ — конечно нѣтъ. И потому нѣтъ, что я ставлю исторіи военнаго искусства совершенно опредѣленную цѣль—отобрать изъ военной исторіи такіе факты, и такъ ихъ изслѣдовать, чтобы можно было этимъ путемъ вывести, а значитъ и повѣрить и дополнить представленіе о постоянныхъ элементахъ побѣды, внѣ зависимости отъ обстановки (*).

62. Повидимому г. Нордманъ можетъ понять «подборъ» лишь какъ «подтасовку» съ предвзятой цѣлью.

«Это не теоретическая наука» говоритъ онъ (стр. 128) «потому что подборъ и доказательство (**) не есть изслѣдованіе». Я могу это понять лишь только въ томъ случаѣ, если онъ подразумѣваетъ подъ «подборомъ» непремѣнно подборъ тенденціозный. Дѣйствительно дальше г. Нордманъ свое отрицательное отношеніе къ формулированнымъ мною задачамъ исторіи военнаго искусства и изложеннымъ мною npіe-

---

(*) Ординарный профессоръ военной академіи Головинъ, въ своей статьѣ «Исторія военнаго искусства какъ наука», говоритъ: «*Научный критерій* для пользованія *опытомъ* прежнихъ войнъ, опытомъ многовѣковымъ, даетъ исторія военнаго искусства... Но кромѣ расширенія *теоретическихъ* знаній, кромѣ расширенія умственнаго кругозора *знакомство съ исторіей военнаго* искусства приноситъ огромную пользу и для *прикладного* военнаго образованія .. Изучая дѣятельность наиболѣе выдающихся полководцевъ міра, такъ какъ они-то и являлись выразителями современныхъ имъ эпохъ, она даетъ *примѣры пользованія обстановкой* великими мастерами военнаго искусства. Такимъ образомъ, она даетъ возможность изучающему ее ознакомиться съ *методомъ* пользованія обстановкой въ самомъ широкомъ смыслѣ слова». Сборникъ статей. 1914 г. стр. 5—6.

(**) «*Доказать* законы войны—дѣло науки, изучающей войну, какъ явленіе общественной жизни (*чистой* науки—см. того-же автора «Изслѣдованіе боя» стр. 17) то есть стратегіи (высшаго ученія о войнѣ)». Головинъ. Собраніе статей. 1914 г. стр. 13. Высшимъ-же ученіемъ о войнѣ, онъ называетъ соединеніе стратегіи съ исторіей военнаго искусства, которыя столь тѣсно между собою связаны, что могутъ и должны быть соединены. См. его книгу «Высшая военная школа» стр. 19—20.

А Лееръ въ своемъ изслѣдованіи «Методъ военныхъ наукъ» (стр. 43) и въ своей «Стратегіи», стр. 210—213, опредѣленно говоритъ, что онъ *доказываетъ* существованіе *неизмѣнныхъ* принциповъ и путемъ аналитическимъ, т. е. путемъ критическаго разбора частныхъ фактовъ, поучительныхъ въ положительную и въ отрицательную сторону. Факты эти онъ тоже подбираетъ (см. его «Стратегію», стр. 94 — 210). И вмѣстѣ съ тѣмъ именно эту часть своего труда онъ называетъ принципіальной—«чистой теоріей» стратегіи (см. стр. 39 его «Стратегіи»). См. также выноску въ § 64.

мамъ изслѣдованія прямо мотивируетъ тѣмъ, что онѣ «не даютъ рѣшительно никакой гарантіи въ томъ, что полученные посредствомъ ихъ выводы суть «неизмѣнныя ведущія къ побѣдѣ условія», а не субъективные на веденіе войны взгляды изслѣдователя, имѣющіе лишь видимость достовѣрности, благодаря подобраннымъ и соотвѣтственнымъ образомъ освѣщеннымъ историческимъ военно-морскимъ фактамъ». По его мнѣнію «такимъ путемъ съ одинаковымъ успѣхомъ при нѣкоторомъ искусствѣ можно подтвердить два взаимно другъ друга исключающихъ положенія».

Но для такихъ утвержденій г. Нордманъ не имѣетъ положительно никакихъ основаній. Онъ говоритъ, что «теорія и общія идеи въ военно-морскомъ дѣлѣ необходимы, но устанавливать ихъ нужно совершенно объективнымъ изслѣдованіемъ, внѣ зависимости отъ заранѣе намѣченныхъ цѣлей». Если подъ заранѣе намѣченной цѣлью подразумѣвать самый *выводъ*, результатъ изслѣдованія, то тогда конечно г. Нордманъ правъ—тогда это не только не изслѣдованіе, а скажемъ ужъ прямо — просто подтасовка, неблаговидный фокусъ, софизмъ (намѣренно-ложный выводъ).

63. Никакое «изслѣдованіе» немыслимо и безъ «отбора фактовъ» и безъ «доказательствъ».

Но у меня нѣтъ ничего подобнаго. Самое слово «повѣрить», которое приводитъ г. Нордмана къ столь необоснованнымъ утвержденіямъ, уже одно, само по себѣ, протестуетъ противъ такихъ утвержденій. Если я на исторію военнаго искусства возлагаю задачу «повѣрять» и «дополнять» выводы полученные другими путями, то именно этимъ я допускаю *одинаковую* возможность какъ ихъ подтвержденія, такъ и опроверженія, ихъ полноты и неполноты, т. е. именно этимъ я и стремлюсь къ объективности изслѣдованія. Я особо оговариваю (*), что это особенно необходимо въ теоріи именно военнаго дѣла, что здѣсь особенно надо опасаться ошибокъ невольныхъ и вольныхъ (софизмовъ), а потому выводы, полученные по одному какому либо методу, надо повѣрять всякими

(*) См. стр. 202 и 203 «Введенія» и III этюдъ по стратегіи, § 1—3. М. Сб. 1913 г. № 5.

другими, и непремѣнно научными (строго логическими) методами, какіе только могутъ быть примѣнены къ изслѣдованіямъ въ области военныхъ явленій. Кромѣ того въ цѣль изслѣдованій мною ставится отысканіе неизмѣнныхъ элементовъ побѣды, классификація перемѣнныхъ такихъ элементовъ, и отысканіе устойчивыхъ соотношеній между этими постоянными и перемѣнными элементами. Но это совсѣмъ не значитъ, что я *предрѣшаю* содержаніе и формулировку этихъ элементовъ, и говорить здѣсь о «предвзятости»—это просто какое-то недоразумѣніе. Конечно я могу знать, да и знаю, каковы эти элементы по изслѣдованіямъ произведеннымъ другими путями до примѣненія мною историческаго метода, я могу знать, да и знаю о нихъ со словъ цѣлаго ряда великихъ мастеровъ военнаго дѣла (военныхъ геніевъ и талантовъ), и все таки мое историческое изслѣдованіе съ цѣлью опредѣлить эти элементы можетъ и должно быть совершенно объективнымъ, т. е. просто добросовѣстнымъ. И только о такихъ изслѣдованіяхъ я и говорю, и очень подробно останавливаюсь на тѣхъ мѣрахъ, которыя могутъ оградить отъ *невольной* ошибки.

Что-же касается до отбора фактовъ, то пусть мнѣ укажетъ г. Нордманъ хотя-бы какую нибудь научную область, гдѣ приходится имѣть дѣло съ фактами, въ которой не производился какой нибудь ихъ отборъ. Навѣрно не укажетъ, ибо таковой нѣтъ. Значитъ опять дѣло идетъ лишь о томъ— чѣмъ обосновывать такой отборъ. Здѣсь опять таки допустимъ *недобросовѣстный* отборъ, но надѣюсь не о немъ здѣсь рѣчь.

64. Критерій для отбора историческихъ фактовъ. Вопросъ идетъ конечно объ объективномъ критеріи для такого отбора, чтобы наилучшимъ образомъ гарантировать себя отъ *невольныхъ* ошибокъ. Таковой критерій мною указанъ—я предлагаю отбирать дѣйствительно имѣвшіе мѣсто образцы искусства выдающихся военныхъ талантовъ и геніевъ всѣхъ народовъ, дѣйствовавшихъ въ самыя различныя времена и при самыхъ различныхъ обстановкахъ (*). Это и должно служить гарантіей

(*) «При *выборѣ фактовъ* для изслѣдованія, на *первомъ планѣ* для насъ должны стоять *интересы чистаго искусства*.

*

противъ принятія за общія идеи какихъ либо частныхъ идей, а потому непригодныхъ для современности и для *будущаго*. Г. Нордманъ вотъ находитъ-же возможнымъ рекомендовать какъ «современное» и «твердо установившееся» ученіе Риккерта, который критеріемъ для отбора историческихъ явленій, подлежащихъ изученію, указываетъ «культурную ихъ цѣнность», несмотря на то, что это понятіе очень неопредѣленное и Риккерту такъ и не удалось установить это понятіе. Почему-же не нравится ему критерій—отбирать для исторіи военнаго искусства случаи крупныхъ побѣдъ, одержанныхъ мастерами дѣла, и именно въ нихъ и искать постоянныхъ элементовъ для побѣдъ и въ настоящемъ и въ будущемъ, т. е. для *теоріи* военнаго дѣла. Именно такимъ путемъ и вливается въ теорію военнаго дѣла изслѣдованный, обобщенный и сведенный въ систему прежній опытъ, именно такимъ путемъ и связывается теорія съ искусствомъ (см. § 38).

65. Г. Нордманъ обвиняетъ меня въ пользованіи неизслѣдованными фактами потому, что съ этими фактами онъ незнакомъ.

Что-же касается до положенія о томъ, чтобы для историческихъ изслѣдованій пользоваться только такими событіями, которыя достаточно выяснены, то конечно объ этомъ и рѣчи быть не можетъ, и я въ своей книгѣ очень это подчеркиваю, и подробно останавливаюсь на разборѣ возможныхъ

Съ этой точки зрѣнія особенно важны *образцы, образцовыя произведенія стратегическаго искусства* (какъ въ положительную, такъ и въ отрицательную сторону), къ какой-бы эпохѣ они ни принадлежали. При *одинаковомъ внутреннемъ содержаніи* двухъ образцовъ изъ двухъ значительно отдаленныхъ одна отъ другой эпохъ, слѣдуетъ отдать преимущество тому, который принадлежитъ къ ближайшей намъ эпохѣ. Изслѣдованіе такого факта познакомитъ насъ съ вліяніемъ болѣе близкой къ намъ (а еще лучше—если современной намъ) обстановки на стратегическія комбинаціи, съ *технической* стороной *современныхъ* стратегическихъ операцій. Подобное предпочтеніе однако не должно быть отдаваемо безусловно, такъ какъ и *образцы минувшихъ эпохъ*, даже самыхъ отдаленныхъ, хотя-бы древней эпохи, помимо значенія, принадлежащаго имъ уже какъ образцамъ, имѣютъ чрезвычайно важное *педагогическое значеніе*. Менѣе совершенное состояніе военнаго искусства въ болѣе отдаленной эпохѣ, *большая простота* его средствъ и *большая простота* въ обстановкѣ даютъ возможность легче уловить въ фактѣ *принципіальную* сторону дѣла, примѣненіе того или другого *принципа* искусства, *что и составляетъ сущность научнаго изслѣдованія*» Лееръ. Стратегія. Ч. I. 5 изд. стр. 94—95.

ошибокъ, и на способахъ ихъ устраненія (*). Но г. Нордманъ объ этомъ умалчиваетъ, и прямо обвиняетъ меня именно въ пользованіи такими историческими событіями, «обстановка которыхъ до сихъ поръ является выясненной далеко не въ достаточной степени», а потому-де и методы изслѣдованія мною предлагаемые никуда не годятся.

Если-бы г. Нордманъ и тутъ ограничился лишь общими и голословными утвержденіями, какъ это было выше, пришлось-бы опять очень подробно писать о принятомъ мною методѣ. Но къ счастью и для меня и моихъ читателей, г. Нордманъ рѣшилъ привести здѣсь конкретный примѣръ моего легкомыслія, и этимъ страшно облегчилъ мнѣ мою задачу. Ибо, увы, когда г. Нордманъ переходитъ къ *примѣрамъ* изъ области военной науки, въ данномъ случаѣ изъ военно-морской исторіи, онъ самымъ нагляднымъ образомъ показываетъ, что едва-ли ему знакома эта область. А значитъ не стоитъ мнѣ распространяться о методѣ, а достаточно лишь показать, что г. Нордманъ, обвиняя меня въ пользованіи невыясненными фактами, и приведя этому примѣръ, просто самъ оказывается очень поверхностно знакомъ и съ этимъ фактомъ и съ литературой объ этомъ фактѣ. Желающихъ-же ознакомиться съ моимъ изложеніемъ о методѣ, о которомъ г. Нордманъ умолчалъ, я могу отослать или къ моей книгѣ, у кого она найдется, или къ моимъ этюдамъ по стратегіи. Но прошу позволенія, чтобы не отвлекаться въ сторону, отложить немного выясненіе несостоятельности приведеннаго г. Нордманомъ примѣра, такъ какъ это связано съ выясненіемъ еще ряда другихъ его не менѣе удивительныхъ ошибокъ, я вернусь къ «исторіи военнаго искусства», о которой мнѣ необходимо еще сказать нѣсколько словъ вообще, чтобы отвѣтить вмѣстѣ и г. Нордману и г. Аренсу.

66. «Исторія военнаго искусства» это лишь наилучшая форма «военной исторіи» для усвоенія военной теоріи (*).

Я долженъ объяснить, почему я, перечисляя военныя науки, говорю только объ *исторіи военнаго искусства* и не упоминаю о *военной исторіи*. Это очень про-

---

(*) См. «Введеніе», стр. 214—235, объ индуктивномъ методѣ вывода принциповъ военнаго дѣла; также III этюдъ по стратегіи, §§ 11.—15.

(**) «Исторія военнаго искусства есть высшее обобщеніе военной исторіи—ея философія, но если она даетъ свои выводы военной исторіи, то съ другой стороны она черпаетъ изъ нея весь свой матеріалъ. Послѣдняя есть ея основаніе». Профессоръ Головинъ. Сборникъ статей 1914 г. стр. 6.

сто. Я просто считаю что это та-же наука, и разница въ названіи отмѣчаетъ лишь ту ея *форму* (*), которая является наиболѣе удобной и необходимой для изученія *всѣми*, и для обоснованія историческимъ методомъ теоріи стратегіи, тактики и организаціи.

Всѣмъ изъ военной исторіи необходимо именно то, что можетъ служить для *практическаго* рѣшенія *современныхъ* военныхъ вопросовъ, и, какъ я указалъ выше, все это и собирается въ исторіи военнаго искусства. Всѣмъ необходима *теорія*, наиболѣе убѣдительно доказанная, т. е. выведенная и историческимъ методомъ, и это тоже дѣлаетъ исторія военнаго искусства. Вотъ почему я и ставлю ее въ числѣ военныхъ наукъ, ставящихъ себѣ цѣлью изслѣдовать, обосновать и

(*) Исторія военнаго искусства вмѣстѣ съ чистой теоріей стратегіи, или какъ называютъ эту совокупность—«высшее ученіе о войнѣ» (см. слѣдующую выноску) — это «соціологія» въ военной области, и какъ соціологія пользуется исторіей лишь какъ матеріаломъ (см. методъ въ наукахъ 1911 г. статья Э. Дюркгейма, стр. 240—245 и статья Габріэля Моно, стр. 295—298), такъ и исторія военнаго искусства и стратегія также пользуется и военной исторіей, и какъ соціологія ищетъ законы жизни человѣческихъ обществъ, такъ и «высшее ученіе о войнѣ» ищетъ принципы веденія войны, и для того и имѣетъ въ своемъ составѣ исторію военнаго искусства, чтобы обосновать эти принципы и историческимъ путемъ.

Лееръ, приступая къ обоснованію принциповъ индуктивнымъ путемъ, т. е. посредствомъ научнаго изслѣдованія историческихъ фактовъ, значитъ именно въ той части своего курса стратегіи, который заключаетъ въ себѣ разборъ историческихъ образцовъ, подобранныхъ по плану исторіи военнаго искусства, опредѣляетъ эту форму военной исторіи такъ (см. Стратегія. т. I. изд. 5, стр. 97): «Безъ *критическаго* отношенія къ изученію факта, военная исторія обращается въ баластъ, пригодный только для *засоренія головъ*. Только благодаря *здравой* и *разумной критикѣ*, военная исторія и дѣлается лучшею школой для изученія военнаго дѣла. Чтобы быть таковою, критика должна поставить себѣ прежде всего задачей не столько критиковать лица, произносить приговоры, сколько *учиться на фактахъ*; критиковать не съ точки достигнутыхъ результатовъ (это—идеалъ, критерій толпы), а съ точки обстановки, наличной совершенію факта». Именно такимъ путемъ, исходя при изслѣдованіи каждаго отдѣльнаго факта изъ обстановки, выдѣляя его особенности вызываемыя обстановкой, при сравненіи ряда такихъ фактовъ обнаруживается сходство ихъ въ принципіальномъ отношеніи. См. также выноску въ § 67.

формулировать пути для побѣды, и такимъ образомъ способствовать созданію *единства мышленія* (*).

Этимъ я никоимъ образомъ не умаляю значенія военной исторіи какъ науки. Но военная исторія, даже хотя-бы одного только народа, не имѣетъ никакихъ предѣловъ въ своемъ содержаніи, и эти предѣлы, отдѣляющіе отъ нея то, что необходимо для *теоріи* военнаго дѣла, а черезъ нее и для военнаго искусства, и устанавливаетъ исторія военнаго искусства.

67. Въ какихъ предѣлахъ допустима «военная исторія» какъ предметъ академическаго курса.

Военная исторія предметомъ академическаго курса служить не можетъ (**)— можно съ каѳедры излагать только ту

(*) «Курсъ высшаго ученія о войнѣ (подъ этимъ курсомъ понимается соединеніе теоретической стратегіи съ исторіей военнаго искусства) освѣтитъ основные пріемы воннаго искусства, а это, собственно говоря, и дастъ такъ называемое *единство доктрины*, которое въ современной войнѣ совершенно необходимо». Профессоръ Головинъ. Высшая военная школа. 1911 г. стр. 20.

(**) См. III этюдъ по стратегіи, § 25.

Извѣстный германскій военно-морской писатель Штенцель (см. Этюды по Стратегіи, эт. V. § 1 и эт. VI. § 7, М. Сб. 1913 г. № 11 и 1914 г. № 1) профессоръ германской военно-морской академіи, горько сѣтуетъ на предъявленное ему сначала требованіе начальствомъ академіи — прочитать полный курсъ военно-морской исторіи. Онъ все таки сдѣлалъ такую попытку, но потомъ призналъ ее невыполнимой и безполезной, и перешелъ къ чтенію отдѣльныхъ частей этой исторіи. «Мое мнѣніе» говоритъ онъ (см. Stenzel. Kriegfürung zur See 1913, стр. XXVI — VII) «что изученіе военно-морской исторіи не можетъ служить главной цѣлью въ *высшей* военной школѣ; ея роль *служебная* — какъ средство, какъ матеріалъ для изученія «веденія войны». Поэтому *слѣдуетъ читать съ каѳедры не всю* военно-морскую исторію, и даже *не значительныя по объему* ея отдѣлы, а лишь части строго ограниченныя временемъ и пространствомъ». Его главный трудъ: «Seekriegsgeschichte in ihren wichtigsten Abschniten mit Berücksichtigung der Seetaktik», 1907—1911 представляетъ изъ себя попытку именно курса «Исторіи военно-морского искусства». Къ сожалѣнію лишь попытку, такъ какъ Штенцель не поспѣлъ ее обработать, и собранные имъ матеріалы обрабатывали другіе.

Также смотритъ на этотъ вопросъ и профессоръ нашей военной академіи Н. Н. Головинъ.

«Задачей высшаго образованія является ознакомленіе съ *методами* работы... Исторія военнаго искусства даетъ возможность ознакомиться съ *методами* пользованія обстановкой, понимая послѣднюю въ самомъ широкомъ смыслѣ слова... Нерѣдко можно встрѣтить пониманіе исторіи военнаго ис-

или иную *часть* военной исторіи, и выборъ этой части вполнѣ опредѣляется той цѣлью, которая преслѣдуется этимъ изложеніемъ. Я уже указывалъ какая цѣль преслѣдуется при изученіи и преподаваніи части военной исторіи, обработанной въ видѣ исторіи военнаго искусства. Совсѣмъ другая цѣль

кусства, какъ энциклопедіи военной исторіи; отсюда вытекаетъ весьма пагубное слѣдствіе: исторія военнаго искусства превращается въ *безконечное перечисленіе фактовъ, среди которыхъ совершенно тонутъ выводы*, и она лишается необходимаго для нея характера *философіи военной исторіи*». Головинъ. Сборникъ статей. 1914 г. стр. 22, 6 и 1.

«Знаніе военно историческихъ фактовъ не можетъ быть самодовлѣющей цѣлью. Изученіе военной исторіи имѣетъ значеніе только для объясненія и освѣщенія изучаемыхъ вопросовъ военнаго дѣла.

Изученіе военной исторіи производится-ли ради знанія фактовъ, или для извлеченія изъ нихъ выводовъ? Я думаю, что не нужно доказывать справедливость второй точки зрѣнія, а слѣдовательно *изученіе военной исторіи должно быть отрывочнымъ... Выборъ* фактовъ долженъ производиться соотвѣтствующими профессорами *теоріи* военнаго искусства... Военная исторія *не составляетъ* во французской военной академіи отдѣльнаго предмета обученія». Головинъ «Высшая военная школа». 1911 г. стр. 17—18 и 15.

Вотъ что говорятъ по этому поводу во «Введеніи въ изученіе исторіи» Ланглуа и Сеньобосъ. 1899. стр. 208—209:

«Эрудиты, привыкшіе собирать всѣ факты, не отдавая лично ни однимъ изъ нихъ предпочтенія, склонны требовать, главнымъ образомъ, полнаго точнаго и объективнаго собиранія фактовъ. Этому очень раціональному пониманію можно противопоставить только одну матеріальную трудность, а именно *невозможность* создать и *передать другимъ* полное знаніе. Но этого практическаго соображенія, играющаго роль во всѣхъ наукахъ, впрочемъ, вполнѣ достаточно. Всякая наука *должна* принимать въ соображеніе практическія условія жизни, по крайней мѣрѣ постолько, посколько она предназначается стать *дѣйствительнымъ знаніемъ*, знаніемъ *доступнымъ изученію*. Всякій взглядъ, затрудняющій знаніе, мѣшаетъ развиваться наукѣ. *Наука есть экономія времени и усилій*, достигнутая при помощи пріема, дѣлающаго факты доступными *быстрому* изученію и понятными; она состоитъ въ медленномъ собираніи множества частныхъ фактовъ и подведенію ихъ подъ удобныя и неоспоримыя формулы. Исторіи, изобилующей подробностями болѣе чѣмъ всякая другая область знанія, приходится выбирать одно изъ двухъ: *быть полной, но недоступной для изученія, или быть доступной для изученія, но неполной.* Всѣ другія науки избрали *второе*. Исторія, чтобы стать наукой, должна обрабатывать факты, предоставляемые ей въ видѣ сырого матеріала. Она должна сжать ихъ въ описательныя качественныя и количественныя формулы. Она должна отыскать связь между фактами, образующую послѣдній выводъ всякой науки».

преслѣдуется и въ военной и въ нашей академіи при чтеніи частей военной исторіи въ видѣ отдѣльныхъ кампаній (*).

И этимъ и ограничиваются тѣ части военной исторіи изученіе которыхъ *необходимо*, и которыя поэтому должны войти и въ преподаваніе.

Конечно я не буду оспаривать того, что чѣмъ обширнѣе эти части, тѣмъ больше отъ нихъ получится и польза, но польза эта никоимъ образомъ не вознаградитъ вреда вслѣдствіе того, что будетъ отнято время отъ изученія другихъ предметовъ, входящихъ въ составъ высшаго военнаго образованія. Изученіе военной исторіи внѣ тѣхъ предѣловъ, которые ставитъ ей исторія военнаго искусства, и внѣ требованій преподаванія стратегіи (изученіе двухъ—трехъ отдѣльныхъ кампаній),—это дѣло въ высокой степени полезное и плодотворное, но это дѣло чисто индивидуальное, дѣло *личнаго* изученія, въ зависимости отъ того, насколько у каждаго въ отдѣльности есть къ тому охота и свободное время. Академія-же должна давать только то, что *необходимо*, и уже въ обработанномъ и сконцентрированномъ видѣ (**), и это и представляютъ изъ себя исторія военнаго искусства и тщательно выбранныя двѣ—три кампаніи.

Какъ справедливо говоритъ профессоръ Головинъ (***), «изученіе исторіи военнаго искусства нужно для пониманія военной исторіи». Только предварительное такое изученіе можетъ дать представленіе о мѣстѣ и о цѣнности каждаго историческаго факта, личности, періода или эпохи въ общемъ развитіи военнаго искусства. Нужно знать «общую» исторію военнаго искусства и для того, чтобы *сознательно* изучать военную исторію лично для себя (см. выше), а тѣмъ паче чтобы сознательно излагать извѣстные ея отдѣлы съ каѳедры. Только

(*) См. «Введеніе» стр. 239—242, и III этюдъ по стратегіи § 22—24.

(**) «Курсъ исторіи—далеко не вся исторія: заключенный въ тѣсные предѣлы академическаго года, въ рамки учебныхъ часовъ и минутъ, курсъ не можетъ охватить всей широты и глубины исторической жизни народа. Въ этихъ границахъ преподаватель можетъ со своими слушателями прослѣдить лишь такія теченія исторіи, которыя *представляются ему* главными». Ключевскій. Курсъ русской исторіи т. I, стр. 38.

(***) Собраніе статей. Исторія военнаго искусства—какъ наука. Стр. 3.

исторія военнаго искусства даетъ тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ слѣдуетъ разсматривать военныя явленія. Настоящую оцѣнку напр. фактамъ изъ русской военной исторіи и ихъ поучительность въ любомъ отношеніи можно дать только при знакомствѣ съ «общей» исторіей военнаго искусства. Только при этомъ условіи можно опредѣлить что цѣнно и что вредно въ національныхъ особенностяхъ, въ національныхъ традиціяхъ и навыкахъ. А потому академія *обязана* имѣть курсъ исторіи военнаго искусства, и онъ долженъ предшествовать чтенію тѣхъ частей военной исторіи, которыя нужны для стратегіи (*).

68. «Груды песка» и «крупицы золота». Г. Аренсъ относящійся иронически къ исторіи военнаго искусства, и обвиняющій меня въ томъ, что я совершилъ покушеніе на военную исторію съ зловредной цѣлью замѣнить ее исторіей военнаго искусства, самъ свой *конспектъ* по *русской* военно-морской исторіи, заключающій въ себѣ однако 358 страницъ большого формата (можно себѣ представить во что разросся-бы самый курсъ исторіи, и что-бы онъ составилъ вмѣстѣ съ военно-морской исторіей и другихъ флотовъ тоже достойныхъ вниманія) заключаетъ такими словами (**):

«Все здѣсь изложенное даетъ достаточный матеріалъ для выводовъ и заключеній. Въ своемъ мѣстѣ они и были даны. *Весь смыслъ исторіи въ ея поучительности для настоящаго и будущаго*. Правда, что большинство этихъ драгоцѣнныхъ уроковъ пропадаетъ даромъ, но съ такимъ неизбѣжнымъ процен-

(*) Такъ это и сдѣлано въ нашей Императорской Военной Академіи. Въ младшемъ классѣ общая исторія военнаго искусства читается 3 часа въ недѣлю и исторія русскаго военнаго искусства 1 часъ въ недѣлю. Старшій классъ продолжаетъ слушать исторію русскаго военнаго искусства (2 часа въ недѣлю), и для него читается стратегія (2 ч. въ недѣлю) и военная исторія въ видѣ подробнаго изложенія двухъ кампаній: война 1870—71 г. (2 ч. въ недѣлю) и война 1904—1905 г. (1 ч. въ недѣлю). Эти свѣдѣнія относятся ко второму семестру 1912—13 учебнаго года.

(**) Конспектъ по русской военно-морской исторіи. По лекціямъ читаннымъ на военно-морскомъ отдѣлѣ Николаевской Морской Академіи Генералъ-Лейтенантомъ Е. И. Аренсъ въ 1909—10 г. Литографированное изданіе. Стр. 358.

Курсивы мои.

томъ потери при всякой полезной работѣ приходится поневолѣ мириться.

Правда и то, что *для полученія нѣсколькихъ крупицъ золота приходится промывать цѣлыя груды песку.* Но, если эти крупицы когда нибудь, въ критическій моментъ службы, помогутъ слушателямъ хоть немного разобраться въ обстановкѣ и избѣжать старыхъ ошибокъ, то они конечно, не пожалѣютъ затраченнаго на изученіе своей военно-морской исторіи труда».

Такъ неужели-же весь этотъ огромный трудъ промывки цѣлыхъ грудъ песку надо производить съ каѳедры въ присутствіи слушателей, предоставляя имъ только достаточный матеріалъ для выводовъ и заключеній? Вѣдь на это нужно потратить огромное время. И не правильнѣе-ли, чтобы этотъ трудъ былъ произведенъ заранѣе, а слушателямъ прямо излагались-бы уже отобранныя, и приведенныя въ систему лишь тѣ части этихъ грудъ, въ которыхъ содержится наибольшій процентъ тѣхъ крупицъ золота, о которыхъ говоритъ г. Аренсъ, и чтобы самыя эти крупицы имъ преподносились тоже въ готовомъ видѣ, въ видѣ исторически обоснованной *теоріи* военнаго дѣла, подлежащей повѣркѣ и дополненію съ помощью другихъ научныхъ методовъ.

И вотъ когда песокъ предварительно будетъ промытъ профессоромъ, вмѣсто того, чтобы предоставлять это дѣлать слушателямъ, вотъ тогда и получится такъ называемая исторія военнаго искусства, использовавшая военную исторію какъ матеріалъ (*) съ опредѣленной цѣлью — найти и формулировать пути для побѣды въ настоящемъ и будущемъ посредствомъ изученія прошедшаго.

Самъ г. Аренсъ въ своемъ заключеніи даетъ и совершенно правильное опредѣленіе смысла исторіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣское обоснованіе къ тому, чтобы военная исторія излагалась-бы съ каѳедры именно въ видѣ исторіи военнаго искусства. Онъ мирится съ неизбѣжнымъ будто-бы процентомъ потери полезной работы, но я полагаю, что если неизбѣжна

(*) См. выше, вторую выноску въ § 53 и вторую выноску въ § 66.

такая потеря вообще, то процентъ ея можетъ быть при желаніи значительно уменьшенъ. Напр. коэфиціентъ полезнаго дѣйствія машинъ увеличенъ въ нѣсколько разъ помощью лучшаго ихъ устройства и болѣе искуснаго съ ними обращенія. Такъ можетъ быть повышенъ и коэфиціентъ полезнаго дѣйствія опыта исторіи, и крупный шагъ въ этомъ направленіи—это изложеніе и изученіе его въ видѣ исторіи военнаго искусства.

IV.

Принципъ „взаимной поддержки" въ С. Винцентскомъ и Трафальгарскомъ бояхъ.

69. Г. Нордманъ голословно утверждаетъ, что обстановка боевъ при С. Винцентѣ и Трафальгарѣ недостаточно выяснена.

Вотъ теперь я обращусь къ тѣмъ примѣрамъ (см. выше § 65), посредствомъ которыхъ г. Нордманъ тщится доказать, что мои «критико-историческія экскурсіи» не пригодны для обоснованія принциповъ военнаго дѣла, ибо я пользуюсь такими историческими событіями, обстановка которыхъ до сихъ поръ является выясненной далеко не въ достаточной степени.

Таковыми оказываются даже С. Винцентское и Трафальгарское сраженія. Изъ этого я имѣлъ-бы право заключить, что литература объ этихъ сраженіяхъ г. Нордману болѣе или менѣе извѣстна, и именно на таковомъ знакомствѣ онъ и рѣшается поставить мнѣ въ упрекъ легкомысленное обращеніе съ *извѣстными ему* источниками, говоря на стр. 132, что «цѣлый рядъ утвержденій г. Кладо, на которыя опирается его выводъ совершенно произвольны», т. е. никакими изъ этихъ источниковъ немогутъ быть обоснованы.

Но, увы, г. Нордманъ и тутъ ничего объ этихъ источникахъ не говоритъ, а просто бездоказательно утверждаетъ, что то, что я говорю, не доказано. И изъ этого утвержденія съ полной ясностью выступаетъ фактъ, что таковые источники просто ему неизвѣстны, какъ едва-ли ему извѣстно въ достаточной мѣрѣ, какъ происходили С. Винцентское и

Трафальгарское сраженія. И опять, изъ за этой его краткости и бездоказательности, приходится входить въ подробности, мнѣ.

70. Г. Нордманъ опять неправильно освѣщаетъ мою мысль (см. ниже, § 89).

Во первыхъ самая цитата его изъ моей книги приведена въ неправильномъ освѣщеніи (*).

Изложивъ психологическія соображенія, объясняющія происхожденіе и важность принципа взаимной поддержки и *неразрывную* его органическую связь съ принципомъ сосредоточенія силъ, я перехожу (см. стр. 107 «Введенія») къ вопросу—какъ создается въ личномъ составѣ убѣжденіе, и увѣренность, что, при какомъ либо самостоятельномъ шагѣ въ критическую минуту, можно разсчитывать на поддержку, какъ со стороны начальника, такъ и товарищей, ибо это очень важное условіе возможности проявленія въ бою подъема духа, смѣлости и стойкости. Въ заключеніе я говорю про эту увѣренность, что «она *не создается мгновенно, по чьему либо приказу, а медленно зрѣетъ на глазахъ у всѣхъ путемъ постояннаго проявленія* (и въ мирное время)». И только вслѣдъ за этими словами я говорю, то, что цитируетъ г. Нордманъ т. е. что «никогда Нельсонъ не бросился-бы одинъ со своимъ кораблемъ на весь непріятельскій авангардъ, если-бы онъ не былъ твердо убѣжденъ, что онъ не останется безъ матеріальной поддержки своихъ товарищей и нравственной—своего адмирала»; что «такой поступокъ являлся-бы даже въ этомъ случаѣ съ его стороны безумнымъ, такъ какъ оставшись онъ одинъ, онъ не принесъ-бы никакой пользы дѣлу погубивъ лишь свой корабль»; что испанскіе корабли сдались ему не потому—что были слабѣе, а потому, что— не надѣялись на поддержку своихъ товарищей, и убѣдились въ томъ, что Нельсонъ при своемъ смѣломъ натискѣ не останется одинъ, что попытка Вильнева создать на своей эскадрѣ взаимную поддержку посредствомъ приказа передъ боемъ не достигла цѣли и. т. д. И заключаю это разсужденіе фразой: «*и ко-*

(*) Къ сожалѣнію мнѣ не первый разъ приходится на это указывать въ этой статьѣ.

нечно не удалось создать его (убѣжденія, что поддержка будетъ оказана) *и приказомъ».*

Вотъ вводную и заключительную фразы, напечатанныя у меня курсивомъ, г. Нордманъ пропускаетъ, и всѣ приведенныя мною *иллюстраціи* того, какое вліяніе оказываетъ *увѣренность* во взаимной поддержкѣ, относитъ къ *доказательствамъ*, т. е. къ историческому методу вывода принципа взаимной поддержки.

71. Г. Нордманъ выдаетъ за «образецъ» моихъ критико-историческихъ «изслѣдованій» то, что отнюдь таковымъ не является.

И мало того, онъ представляетъ этотъ примѣръ, который имъ «взятъ на удачу» (стр. 134) какъ таковой, который «является образцомъ *вообще* критико-историческихъ изслѣдованій Введенія». Противъ этого я положительно вынужденъ протестовать. Ужъ если г. Нордманъ хотѣлъ подвергнуть критикѣ *образецъ* моихъ критико-историческихъ *изслѣдованій*, то онъ обязанъ былъ взять именно то, что съ извѣстнымъ правомъ можетъ претендовать на такое названіе. Такихъ изслѣдованій у меня имѣется два: 1) о вліяніи рутины на веденіе боя, изслѣдованной исторически по двумъ частнымъ идеямъ о веденіи боя—по отношенію личнаго состава къ строю кораблей въ бою (стр. 305—404), и по отношенію командующаго флотомъ къ формулированію плана боя и его представленія—что именно онъ считалъ для себя обязательнымъ сообщить передъ боемъ своимъ подчиненнымъ, чтобы направить ихъ дѣйствія въ бою (стр. 404—418); и 2) историческое изслѣдованіе о «духѣ» и «знаніи» въ исторіи русскаго флота, для опредѣленія характерныхъ чертъ нашихъ военныхъ традицій (стр. 418—505).

Приступая къ этимъ *изслѣдованіямъ* я, подъ заголовкомъ: «Главный смыслъ изученія и преподаванія военнаго искусства», говорю (стр. 304): «Провести въ такомъ духѣ все дѣло изученія и преподаванія исторіи военнаго искусства—это дѣло будущаго, и по всей вѣроятности не очень близкаго—слишкомъ обширна такая работа, слишкомъ непосильна она отдѣльнымъ людямъ—нужна цѣлая историческая школа съ такимъ направленіемъ, и возможность изученія въ такомъ направленіи исторіи военнаго искусства вообще и въ частности—

исторіи военно-морского искусства—сильно зависитъ отъ того, что сдѣлано въ этомъ направленіи въ области общей исторіи. Пока-же возьму для иллюстраціи своей мысли (о томъ— каковъ долженъ быть характеръ изслѣдованій въ исторіи военнаго искусства для изысканія и формулированія путей къ побѣдѣ, т. е. для историческаго обоснованія теоріи военнаго дѣла) отдѣльные примѣры изъ исторіи военно-морского искусства съ тѣмъ, чтобы понемногу, постепенно увеличивать число подобныхъ *изслѣдованій*, и когда ихъ накопится достаточное количество, и *недостатки ихъ* по существу *будутъ выяснены путемъ критики*, тогда сдѣлать попытку соединить ихъ въ одно стройное цѣлое въ видѣ законченнаго курса исторіи военно-морского искусства».

Кажется ясно. Вотъ тѣ *образцы* изслѣдованій, которые я прошу подвергнуть критикѣ, ибо таковыя изслѣдованія составятъ ту науку — исторію военно-морского искусства, на которую обрушиваются и г. Аренсъ и г. Нордманъ. Именно въ этихъ образцахъ я говорю болѣе подробно, на основаніи разбора историческихъ примѣровъ и о тѣхъ принципахъ, которые г. Нордманъ не желаетъ признавать за *теорію* военнаго дѣла. Эти *образцы* изложены на 200 страницахъ, такъ что къ нимъ могутъ быть предъявлены и требованія извѣстной полноты. И вдругъ г. Нордманъ находитъ возможнымъ обойти ихъ полнымъ молчаніемъ, и обрушивается на изложенныя лишь въ нѣсколькихъ словахъ, *иллюстраціи* даже *не тѣхъ* (см. § 70) вопросовъ, которые онъ подвергаетъ критикѣ! Это пріемъ болѣе чѣмъ странный, тѣмъ паче при немогущей ему быть неизвѣстной очень малой распространенности моей книги (см. выше § 1), и потому большинство читателей Морского Сборника не имѣетъ возможности повѣрить — дѣйствительно-ли г. Нордманъ разбираетъ *образцы* моихъ историческихъ изслѣдованій, или только мои *краткія ссылки* на историческіе факты. И г. Нордманъ вѣроятно согласится, что разница здѣсь огромная.

72. Что г. Нордманъ считаетъ невыясненнымъ въ отношеніи С. Винцентскаго боя.

Но, повторяю, здѣсь печально еще и то, что г. Нордманъ, даже и выдавъ за *образцы* то, что ни въ коемъ случаѣ оными не является, въ

критикѣ и этихъ моихъ историческихъ ссылокъ выказываетъ, съ моей точки зрѣнія, непростительную легкость сужденія о томъ, что ему повидимому очень мало знакомо.

Возьму напр. его утвержденія, что относительно С. Винцентскаго боя (*) «не доказано: 1) что Нельсонъ бросился на непріятельскій авангардъ *только потому*, (**) что былъ твердо убѣжденъ, что его поддержатъ и не будь у него этой увѣренности, онъ своего маневра не произвелъ-бы; 2) что не будь онъ поддержанъ, его маневръ не могъ бы имѣть никакихъ шансовъ на успѣхъ (былъ бы безумнымъ); 3) что два испанскіе корабля сдались Нельсону, потому—что не надѣялись на поддержку, своихъ товарищей».

Нечего дѣлать, приходится и тутъ войти въ подробности.

73. Почему маневръ Нельсона былъ-бы безумнымъ, если-бы онъ не разсчитывалъ на быструю поддержку.

Прежде всего остановлюсь на второмъ пунктѣ. Какъ извѣстно, Нельсонъ, по своей личной инціативѣ, вышелъ изъ строя, и преградилъ путь той группѣ кораблей испанскихъ главныхъ силъ, которые въ 1 ч. дня спустились съ цѣлью соединиться съ тѣми семью испанскими кораблями, которые находились подъ вѣтромъ у англичанъ, пользуясь тѣмъ, что главныя силы англичанъ были далеко позади. Группа эта состояла изъ кораблей *Santissima Trinidad* (130 п.), *San Josef* (112 п.), *Salvador del Mundo* (112 п.), *Mexicano* (112 п.), *San Nicolas* (80 п.), и *San Isidro* (74 п.). Корабль *Captain*, на которомъ держалъ свой брейдъ-вымпелъ Нельсонъ, имѣлъ 74 пушки. А потому для меня лично нѣтъ никакихъ сомнѣній, что если-бы Нельсонъ не былъ поддержанъ, его корабль былъ-бы превращенъ въ развалины, и все таки маневръ испанцевъ-бы удался, т. е. въ этомъ случаѣ маневръ Нельсона не могъ имѣть никакихъ шансовъ на успѣхъ. Не могу допустить, чтобы Нельсонъ этого не понималъ, а потому заключаю, что если-бы онъ не былъ-бы увѣренъ, что его попытка остановить испанцевъ будетъ поддержана,

---

(*) Стр. 132. Курсивы мои.

(**) «Только» это прибавлено г. Нордманомъ, и очень сильно мѣняетъ смыслъ моего указанія на степень вліянія увѣренности въ поддержкѣ, ибо оно значитъ «исключительно».

то маневръ его былъ-бы безумнымъ, т. е. нельзя было-бы сказать, что его рѣшеніемъ въ данномъ случаѣ руководилъ разумъ. Это былъ-бы высокій подвигъ, но подвигъ *безполезный, неразумный*. При разсчетѣ-же на быструю поддержку, этотъ подвигъ пріобрѣталъ особый блескъ, какъ *разумный*, какъ правильно обоснованный.

Моментъ, когда вышеуказанная группа испанскихъ кораблей начала спускаться, справедливо считается критическимъ моментомъ С. Винцентскаго боя, (*) ибо, удайся маневръ испанцевъ, весь бой могъ вылиться въ простое преслѣдованіе, которое могло окончиться ничѣмъ, такъ какъ подъ вѣтромъ находился портъ, куда могли укрыться испанцы. Именно тотъ фактъ, что Нельсонъ *мгновенно* это понялъ, и мгновенно рѣшился помѣшать такому исходу боя, и ставится ему въ особую заслугу. Именно въ этомъ проявился его военный геній. Но проявленіе этого генія только въ томъ случаѣ получаетъ законченный характеръ, если правильное намѣреніе Нельсона опиралось на твердое основаніе возможности его выполнить. И это основаніе не могло лежать ни въ чемъ иномъ, какъ въ увѣренности въ томъ, что онъ не останется одинъ, а быстро будетъ поддержанъ. Тогда вполнѣ оправдывался и его рискъ своимъ кораблемъ, его жертва жизнью своей и своихъ подчиненныхъ. Спрашивается—какое еще доказательство нужно г. Нордману, чтобы увѣрить его въ томъ, что «не будь онъ (Нельсонъ) поддержанъ, его маневръ не могъ-бы имѣть никакихъ шансовъ на успѣхъ (былъ-бы безумнымъ)»? Или онъ хотѣлъ-бы, чтобы существовало еще другое С. Винцентское сраженіе, въ которомъ все было-бы тоже самое, кромѣ поддержки оказанной Нельсону, и закончившееся его безцѣльной гибелью, и тогда только онъ считалъ-бы высказанное мною положеніе доказаннымъ? Но такихъ совпаденій въ исторіи не бываетъ, и если требовать такихъ доказательствъ, то въ области исторіи никакой выводъ не можетъ считаться доказаннымъ! Вотъ по-

(*) «This was the critical moment of the action». Laird Clowes. The Royal Navy., 1899 г. Vol. IV, стр. 311.

чему я думаю, что дѣло объясняется гораздо проще, а именно г. Нордманъ просто забылъ какъ происходилъ бой при С. Винцентѣ, и не счелъ нужнымъ освѣжить его въ памяти передъ тѣмъ какъ писать объ этомъ боѣ.

74. Почему Нельсонъ могъ быть «увѣренъ» въ быстрой поддержкѣ. Ну, а теперь посмотримъ, въ какой мѣрѣ Нельсонъ могъ быть увѣреннымъ въ томъ, что его поддержатъ? За 9 минутъ до его маневра (въ 12 ч. 51 м.) Джервисъ поднялъ сигналъ «Занять соотвѣтственныя позиціи для *взаимной поддержки*». Уже одно это могло дать Нельсону ту увѣренность, о которой я говорилъ. Вѣдь это былъ сигналъ такого начальника какъ *Джервисъ*, который зря сигналовъ не дѣлалъ. И авторъ новѣйшей и лучшей исторіи англійскаго флота (*) справедливо отмѣчаетъ, что и самый маневръ Нельсона—это было выполненіе того-же сигнала, но только очень широко понятаго. Геніально понятаго—прибавлю я отъ себя, ибо Нельсонъ имѣлъ полное основаніе полагать, что такая-же мысль могла придти кому либо изъ его товарищей, и что надо, чтобы онъ въ такой критическій моментъ и на столь важномъ участкѣ боя не остался-бы въ одиночествѣ. На самомъ-же дѣлѣ именно ему выпала честь иниціативы, а его товарищамъ — честь его быстро и своевременно поддержать. Затѣмъ, если его адмиралъ требовалъ занятія удобныхъ позицій для взаимной поддержки, считая это важнымъ для успѣха, то этимъ-же самымъ онъ требовалъ и занятія такихъ позицій, которыя мѣшали-бы проявленію этой взаимной поддержки у противника (**). И именно такова и была позиція занятая Нельсономъ, и спѣшившіе ему на помощь англійскіе корабли, одновременно шли ему на выручку, и обезпечивали невозможность

(*) Laird Clowes. The Royal Navy. T. IV стр. 312. Также. Nicolas. The dispatches and letters of Vice Admiral Lord Viscount Nelson. 1845 г., т. II, стр. 338 – 340.

(**) Такое двойственное значеніе имѣетъ каждый изъ основныхъ принциповъ, формулирующихъ пути къ побѣдѣ. Если къ побѣдѣ ведутъ напр. принципы сосредоточенія силы, внезапности, крайняго напряженія силъ, то къ той-же побѣдѣ ведетъ и нарушеніе возможности противнику сосредоточить силы, или появиться внезапно, или развить крайнее напряженіе силъ.

повернувшей группѣ испанскихъ судовъ соединиться со своими. и тѣмъ придти къ нимъ на помощь.

75. Проявленіе «взаимной поддержки» въ англійскомъ флотѣ въ это время не было «случайнымъ».

Теперь мнѣ остается еще показать, что, какъ этотъ сигналъ Джервиса о взаимной поддержкѣ, такъ и быстрое и дружное осуществленіе ея англійскими командирами на дѣлѣ, не являлись *случайными*, съ одной стороны—случайнымъ желаніемъ адмирала наставить своихъ командировъ передъ боемъ, а съ другой стороны—простымъ лишь выполненіемъ англійскими командирами приказанія своего адмирала. Вѣдь та моя историческая ссылка, которую неправильно освѣщаетъ г. Нордманъ (см. выше § 70), именно и имѣла цѣлью иллюстрировать положеніе, что *увѣренность во взаимной поддержкѣ не создается мгновенно*, по чьему либо приказу, а *медленно зрѣетъ* на глазахъ у всѣхъ путемъ постояннаго проявленія.

76. Англійскій личный составъ ко времени С. Винцентскаго боя былъ уже «воспитанъ» въ духѣ принципа «взаимной поддержки».

Въ періодъ начала морскихъ войнъ, вызванныхъ французской революціей, лучшимъ тактикомъ въ англійскомъ флотѣ и его учителемъ считался адмиралъ Хоу, который въ этомъ періодѣ переработалъ на новыхъ основаніяхъ англійскую сигнальную книгу и инструкціи къ боевымъ сигналамъ. Я говорю «переработалъ» потому, что, подъ вліяніемъ ряда неудачъ въ войнѣ за независимость американскихъ колоній, и подъ вліяніемъ яркаго и талантливаго выясненія этихъ неудачъ Джономъ Клэркомъ, въ англійскомъ флотѣ народилась новая школа приверженцевъ веденія боя на новыхъ основаніяхъ, и школа эта все шире и шире захватывала личный составъ англійскаго флота, найдя наконецъ такихъ яркихъ выразителей своихъ тенденцій какъ Джервисъ и Нельсонъ. Но первый шагъ въ переработкѣ въ этомъ направленіи тѣхъ офиціальныхъ наставленій, которыми руководился англійскій флотъ, принадлежитъ адмиралу Хоу, «признанному главѣ британскаго флота» (*) въ тотъ моментъ когда началась война съ французами.

(*) «When the great war broke out, Lord Howe was the acknowledged head of the British Navy». Callender. Sea Kings of Britain. 1911. Vol. III. стр. 140.

Направленіе-же которому положилъ начало Клэркъ, заключалось именно въ томъ, чтобы положить въ основаніе веденія боя принципы сосредоточенія силъ и взаимной поддержки, въ отличіе отъ противоположныхъ ложныхъ принциповъ, которые передъ тѣмъ господствовали въ англійскомъ флотѣ въ продолженіе полустолѣтія (*). Вотъ эти принципы и проходятъ красной нитью по тѣмъ инструкціямъ, которыя были выработаны Лордомъ Хоу во время командованія имъ эскадрой Канала въ 1790, 1791 и 1794 годахъ. Во главѣ этихъ инструкцій говорится (**): «Главныя цѣли для чего флотъ строится въ боевой порядокъ—это, *чтобы корабли могли оказывать въ бою другъ другу поддержку*; чтобы они не подвергались огню непріятельскихъ кораблей, превосходящихъ ихъ въ численности, и чтобы каждый корабль могъ стрѣлять по противнику, не рискуя попадать въ свои собственные корабли». И въ послѣдующихъ параграфахъ эта идея о взаимной поддержкѣ, въ тѣсной связи съ сосредоточеніемъ силъ, проводится самымъ настоятельнымъ образомъ. Ко времени С. Винцентскаго боя эти идеи были восприняты личнымъ составомъ англійскаго флота не только теоретически, но и практически, и въ особенности проникались ими люди талантливые, каковы были Джервисъ, Нельсонъ, Трубриджъ, Коллингвудъ, которые всѣ участвовали въ этомъ бою (***). Вотъ почему можно сказать, что командиры эскадры Джервиса были ужъ къ этому времени *воспитаны въ принципѣ взаимной поддержки*, и имъ уже не надо было *разъяснять* его передъ боемъ, а просто достаточно было *напомнить* о

(*) Подробнѣе см. объ этомъ мое «Введеніе» стр. 332—335.

(**) The fighting instructions 1530—1816. Изд. Navy Records Society. 1905, стр. 269.

(***) Про одну изъ идей адмирала Хоу, историкъ Corbett пишетъ: «It was not wonder then that Howe's invention was received with enthusiasm by such men as Nelson». Fighting Instructions. Стр. 259.

«Howes neue formal—taktische Anordnungen sind ebenfalls bemerkenswert. Es sind dies womit er für Nelson das Beispiel gegeben hat. Auch hier hat er Nelsons Gedanken die Bahn gewiesen». Stenzel. Seekriegsgeschichte. Vierter Tei. 1911, стр. 223—224. О цѣнности того, что говорилъ Штенцель, см. VI этюдъ по стратегіи § 7. М. Сб. 1914 г. № 1.

немъ въ тотъ моментъ, когда адмиралъ считалъ примѣненіе его въ особенности важнымъ. Такъ это и сдѣлалъ Джервисъ.

77. Какъ только быстрая «поддержка» обезпечила успѣхъ маневра Нельсона.

Когда сраженіе уже началось, и когда Джервисъ, чтобы яснѣе видѣть общее положеніе, подошелъ къ самой кормѣ на полуютѣ, при чемъ мозгъ и кровь убитаго рядомъ матроса залили все его лицо, онъ приказалъ поднять сигналъ № 41 «Take suitable stations for mutual support» (*). Черезъ 10 минутъ Нельсонъ бросился одинъ на цѣлый отрядъ сильнѣйшихъ испанскихъ кораблей, но къ нему уже со всѣхъ сторонъ спѣшили на помощь товарищи (**). Первымъ подошелъ Трубриджъ (*Culloden*), затѣмъ адмиралъ Паркеръ съ 4-мя кораблями (*Prince George*, *Orion*, *Irresistible* и *Blenheim*), затѣмъ Коллингвудъ (*Excellent*). Корабль Нельсона (*Captain*) былъ къ этому времени страшно избитъ, онъ разстрѣлялъ уже всѣ свои заряды приготовленные для боя, и онъ абордировалъ испанскіе корабли, такъ какъ иначе его снесло-бы подъ вѣтеръ, вслѣдствіе поврежденій въ рангоутѣ. А овладѣлъ онъ испанскими кораблями именно потому, что они были избиты подошедшими на выручку Нельсона его товарищами, въ особенности послѣднимъ залпомъ Коллингвуда, который заставилъ корабль *San Nicolas* навалить на *San Josef* (***) (этими кораблями и овладѣлъ Нельсонъ), и къ мѣсту боя подходили другіе англійскіе корабли, тогда какъ испанскія главныя силы бросили своихъ подбитыхъ то-

---

(*) Anson. The life of John Jervis. 1913 г. стр. 162.

(**) «4 schiffe namen Nelson bald zu *Hülfe* und *unterstützten* den wagemutigen Commodore». Stenzel. Seekriegs geschichte. Vierter Teil. стр. 239.

Anson (стр. 162—164) пишетъ: «Sir William Parker in the *Prince George*, *Orion*, *Irresistible* and *Diadem* (послѣдній потомъ отсталъ) went to the *support* of the advanced ships... *Excellent* immediately proceeded to *support* the ship that were hardest pressed... foretopmast of *Captain* was shot away, when the *Blenheim*, arrived to her *support*... the ships of Rear-admiral Parker's division approached those of the enemy, in *support* of the *Captain*... Sir John Jervis with the other division, consisting of the *Excellent*, *Victory*, *Barfleur*, *Namur*, *Egmont*, *Goliath* and *Britannia* was pressing forward in *support* of his advanced squadron и т. д...»

(***) Жюрьенъ-де-ла Гравьеръ. Морскія войны временъ французской республики и имперіи. Ч. I стр. 105.

варищей, и отказавшись отъ той попытки, которой такъ блестяще сумѣлъ помѣшать Нельсонъ съ помощью быстро подоспѣвшихъ къ нему товарищей, ушли впередъ.

78. Могли-ли испанскіе корабли, абордированные Нельсономъ, надѣяться на «поддержку».

Г. Нордманъ считаетъ также не доказаннымъ, что два испанскихъ корабля сдались Нельсону, потому-что не надѣялись на поддержку своихъ товарищей. Хотя, повторяю, ему это должно было быть ясно изъ самого хода сраженія, если только онъ изучалъ этотъ ходъ по какимъ либо серьезнымъ источникамъ, но для вящаго его убѣжденія приведу ему мнѣніе самихъ испанцевъ. Описывая сраженіе при С. Винцентѣ, донъ Доминго Перецъ-де-Грандаллана, выдающійся авторъ изслѣдованій о французской и англійской системахъ веденія войны, говоритъ (*): «Англичанинъ вступаетъ въ бой съ твердымъ убѣжденіемъ, что его долгъ бить врага и *поддерживать товарищей* и союзниковъ, не ожидая на это особаго приказанія во время боя; устранивъ такимъ образомъ изъ своего способа мышленія всякія сбивчивыя посторонніе соображенія, *онъ опирается* на упованіе, *на твердую увѣренность, что его товарищи*, дѣйствуя сообразно тѣмъ-же принципамъ, по которымъ дѣйствуетъ и онъ самъ, *связаны священнымъ и неоцѣнимымъ закономъ взаимной поддержки*. Благодаря этому, какъ онъ, такъ и его товарищи, сосредоточиваютъ свою мысль на томъ, чтобы ревностно, сообразно съ здравымъ смысломъ, и быстро пользоваться обстоятельствами, *будучи увѣренными, что они не останутся одни*. Опытъ показываетъ, что французы и испанцы, напротивъ, слѣдуя системѣ опирающейся на формальное стремленіе къ строгому сохраненію порядка въ бою, не имѣютъ чувства *взаимной поддержки*, и идутъ въ бой съ *неувѣренностью* и съ сомнѣ-

---

(*) Цитировано въ «Fighting instructions». Стр. 267 по Fernandez Duro «Armata Espanola». Цитируется также въ статьѣ Nauticus—а (германскій справочникъ издаваемый при содѣйствіи германскаго морского генеральнаго штаба) за 1906 г. «Parallelen in der Taktik der Segel und Dampfschiffzeit und ihre Bedeutung für die moderne Flottenführung» стр. 257. Статья эта переведена на русскій языкъ и издана нашимъ морскимъ генеральнымъ штабомъ въ 1912 г. Курсивы мои.

ніемъ, поглощенные заботой о томъ, чтобы разглядѣть и разслышать сигналы главнокомандующаго, предписывающіе тотъ или другой маневръ. Поэтому они никогда не рѣшаются *использовать представляющійся имъ благопріятный случай.* Они связаны строгимъ правиломъ о сохраненіи своего мѣста въ строю, который обязываетъ ихъ въ обоихъ флотахъ, и обыкновенный результатъ этого состоитъ въ томъ, что въ то время, какъ въ одномъ мѣстѣ десять ихъ кораблей стрѣляютъ по четыремъ непріятельскимъ, въ другомъ мѣстѣ четыре ихъ товарища подвергаются огню десяти непріятельскихъ кораблей. Однако самое худшее это то, что имъ недостаетъ *увѣренности внушаемой взаимной поддержкой,* которая столь-же твердо установлена у англичанъ, сколь пренебрегается нами, и учиться у нихъ мы не хотимъ».

79. «Золотое правило» англійскаго флота въ самый блестящій періодъ его исторіи это — «взаимная поддержка».

Комментируя эти слова испанскаго авторитета, англійскій морской историкъ Корбетъ, подъ заголовкомъ «золотое правило», говоритъ: «въ этомъ и заключалась сущность дѣла, настоящая его правда; она резюмировалась въ золотомъ сигналѣ, къ которому прибѣгали англійскіе адмиралы какъ къ вѣрному средству, если ихъ одолѣвало сомнѣніе: кораблямъ занять соотвѣтственныя позиціи *для взаимной поддержки,* и вступать въ бой по сближеніи съ непріятелемъ».

Неужели и этого всего окажется мало г. Нордману, чтобы связать дѣйствія Нельсона въ С. Винцентскомъ бою съ принципомъ взаимной поддержки, и съ той руководящей ролью, которую игралъ этотъ принципъ въ воспитаніи англійскихъ командировъ того времени.

80. Какъ самъ Нельсонъ оцѣнивалъ «поддержку» товарищей.

Самъ Нельсонъ (*) въ своемъ собственномъ описаніи этого боя (**) постоянно

(*) Капитанъ 2 ранга Кноксъ, флота Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, въ своемъ премированномъ морской академіей трудѣ: «The great lesson from Nelson for to day», разбирая какъ складывался Нельсонъ какъ флотоводецъ, отмѣчаетъ, что уже послѣ С. Винцента ярко выразилось, что военное его мышленіе руководилось слѣдующими основаніями: 1) нежелательностью, чтобы начальникъ самъ руководилъ деталями боя; 2) *необходи-*

подчеркиваетъ какую роль тутъ игралъ принципъ взаимной поддержки. Разсказывая на слѣдующій день о своемъ маневрѣ полковнику Дринкуотеру, онъ какъ причину его указалъ необходимость помѣшать соединиться испанскимъ отрядамъ, т. е. *нарушить у нихъ возможность взаимной поддержки*. Оказанную ему поддержку онъ описываетъ такъ: «немедленно меня *поддержалъ* самымъ благороднымъ образомъ Трубриджъ на *Culloden*-ѣ... *Blenheim* (изъ отряда адмирала Паркера, см. выше), пройдя между нами и противникомъ, оказалъ намъ *поддержку* и позволилъ передохнуть, задавши донамъ (испанцамъ) трезвона. Въ это время *Salvador del Mundo* и *San Isidro* подались назадъ, и попали подъ такой губительный и столь искусно направленный огонь подошедшаго на *Excellent*-ѣ Коллингвуда, что это заставило *San Isidro* поднять англійскій флагъ, и я думаю, что и огромный *Salvador del Mundo* тоже готовъ былъ сдаться; но Коллингвудъ, *пренебрегая внѣшнимъ блескомъ* овладѣнія уже разбитымъ противникомъ, *благородно* двинулся дальше подъ всѣми парусами, чтобы *выручить* своего стараго друга и товарища, который какъ казалось ему, находился въ критическомъ положеніи». И при такомъ взглядѣ Нельсона на взаимную поддержку понятно, что онъ писалъ Коллингвуду послѣ боя (*): «пословица—другъ въ бѣдѣ—истинный другъ, никогда не оправдывалась такъ, какъ это было вчера, когда вы такъ благородно и доблестно избавили *Captain* отъ дальнѣйшихъ потерь... И я спѣшу выразить вамъ мою признательность за вашу *поддержку* въ то время какъ я находился въ критическомъ положеніи». И въ томъ-же тонѣ отвѣчаетъ ему и Коллингвудъ. «Вамъ и *Culloden*-у принадлежитъ честь дня; вы дали планъ дѣйствій—а мы только были помощниками разгрома доновъ (испанцевъ)... среди радости побѣды есть одна мысль,

---

мостью болѣе или менѣе автоматической взаимной поддержки между кораблями во всякомъ мѣстѣ боя, и 3) пользой предоставленія подчиненнымъ широкой инціативы. United states Naval Institute Proceeding. March—April 1914. Prize Essay 1914, стр. 300.

(**). Nicolas. The despatches and letters of Vice Admiral Lord Viscount Nelson. 1845 г., т. II, стр. 340—345.

(*) Moorhouse. Letters of the english seamen. 1910 г., стр. 178—179.

которая еще болѣе ее увеличиваетъ, — мысль, что я могъ вчера вамъ быть полезнымъ и во время *подать помощь* вашему кораблю».

81. Жюрьенъ-де-ла Гравьеръ о вліяніи «взаимной поддержки» у англичанъ на разгромъ при Трафальгарѣ.

Комментируя эту переписку, Жюрьенъ-де-ла Гравьеръ (*) связываетъ эту драгоцѣнную готовность англійскихъ командировъ *помогать другъ другу* съ исходомъ Трафальгарскаго боя, «когда Франція узнала, что значатъ, и что могутъ сдѣлать сердечное согласіе начальниковъ и ихъ *взаимное*, искреннее *содѣйствіе*».

82. Современный англійскій морской писатель о возможности выясненія принципа «взаимной поддержки» примѣрами боевъ при Винцентѣ и Трафальгарѣ.

Выдающійся современный англійскій морской офицеръ, пишущій подъ псевдонимомъ «Barfleur», ставитъ принципъ взаимной поддержки на первое мѣсто въ обсужденіи морского боя.

«Принципы тактики парусныхъ флотовъ» пишетъ онъ (**) были очень просты. Выясненные Павломъ Гостомъ, Морогомъ, Клеркомъ и примѣненные на практикѣ Рюйтеромъ и Монкомъ, Турвилемъ, Торрингтономъ, Сюффреномъ, Роднеемъ и Нельсономъ, они могутъ быть такъ резюмированы:

1) Флотъ идущій въ бой долженъ быть такъ расположенъ, чтобы ни одна его часть не могла быть атакована, не будучи *во время поддержана* остальными;

2) Онъ долженъ быть введенъ въ бой такимъ образомъ, чтобы сосредоточить свои силы противъ части противника раньше чѣмъ эта часть можетъ быть *поддержана* остальными.

Эти принципы (т. е. принципъ взаимной поддержки и принципъ сосредоточенія силъ крѣпко между собою связанные) лучше всего *выясняются* ссылкой на такіе бои, въ которыхъ они были примѣнены. Два самыхъ поучительныхъ примѣра въ этомъ отношеніи — это сраженіе при С. Винцентѣ и при Трафальгарѣ (***)».

(*) Морскія войны временъ французской республики и имперіи. 1851 г. Ч. I, стр. 108.

(**) Naval policy. A plea for the study of war. 1907 г., стр. 146—147.

(***) Эту связь я особенно отмѣчаю во «Введеніи», стр. 97.

83. Какъ Джервисъ думалъ о «поддержкѣ» и какъ онъ «морально» поддержалъ Нельсона.

Что Нельсонъ не ошибся въ своемъ разсчетѣ и на моральную поддержку Джервиса подтверждаетъ тотъ фактъ, что Джервисъ (*) принялъ его послѣ боя торжественно на шканцахъ своего флагманскаго корабля, заключилъ его въ свои объятія, и просилъ его оставить у себя шпагу сдавшагося ему испанскаго адмирала. Когда-же, завидовавшій Нельсону, флагъ-капитанъ Джервиса, Кальдеръ замѣтилъ въ разговорѣ съ нимъ (**), что Нельсонъ своимъ маневромъ отступилъ отъ указаннаго плана атаки, то Джервисъ ему отвѣтилъ «конечно это вѣрно, но когда вамъ тоже случится такъ нарушить полученныя вами приказанія, то я прощу это и вамъ».

И Нельсонъ могъ предвидѣть этотъ результатъ, такъ какъ прекрасно зналъ Джервиса, находился съ нимъ прямо въ дружественной перепискѣ, и вообще эти два человѣка съ перваго момента своей встрѣчи начали понимать другъ друга (***), ибо думали они одинаково. Насколько Нельсонъ былъ увѣренъ что при его маневрѣ онъ будетъ поддержанъ своими товарищами, настолько и Джервисъ былъ увѣренъ въ этомъ и считалъ противный способъ дѣйствій *позорнымъ* для своей эскадры.

Когда Нельсонъ преградилъ испанскимъ кораблямъ дорогу и его поддерживалъ пока только одинъ немедленно подоспѣвшій къ нему *Culloden*, все тотъ-же Кальдеръ замѣтилъ Джервису (****): «Сэръ, *Captain* и *Culloden* отдѣлились отъ флота, и они лишены *поддержки*—не прикажете-ли отозвать ихъ».

(*) *Brenton.* Life and correspondence of the Earl of st. Vincent. Vol. I стр. 313 и 346.

(**) *Tucker.* Memoirs of Earl St. Vincent. Vol. I, стр. 262.

(***) Подробнѣе см. объ этомъ Laughton. The Nelson Memorial 1896, стр. 49 и дальше. Также Жюрьенъ-де-ла Гравьеръ, говоря о строгости Джервиса, отмѣчаетъ (Часть I. стр. 81): «Что-же касается до Нельсона, то съ первыхъ дней онъ, казалось, началъ смотрѣть на него *болѣе какъ на сотрудника* (associé), *нежели какъ на капитана, служащаго подъ его начальствомъ.* Прочіе капитаны смотрѣли на это съ удивленіемъ смѣшаннымъ съ завистью. При лордѣ Худѣ (Hood) и при Хотамѣ (Hotham), говорили они Нельсону, вы поступали какъ вамъ вздумается, и вы продолжаете тоже самое дѣлать и при Джервисѣ».

(****) *Mahan.* The life of Nelson. Second Edition. Стр. 240.

На это Джервисъ отвѣтилъ: «нѣтъ не нужно. Я вѣрю въ эти корабли. А что они отдѣлились и *не поддержаны* — это позоръ». Но, какъ мы видѣли выше, Джервисъ напрасно разсердился на своихъ капитановъ. Къ Нельсону уже со всѣхъ сторонъ шла выручка, и этимъ было достигнуто сосредоточеніе силъ на рѣшительномъ пунктѣ боя (*).

84. Отъ С. Винцента до Трафальгара англичане продолжали «воспитываться» въ духѣ принципа «взаимной поддержки».

Вотъ можетъ быть теперь г. Нордманъ пойметъ смыслъ и правильность моей ссылки и на Трафальгаръ. Англійскіе, французскіе и испанскіе командиры тамъ остались тѣми-же самыми, т. е. первые, *воспитанными* на принципѣ взаимной поддержки, второе *чуждые* этому принципу, какъ это очень ярко рисуетъ выше цитированный испанскій морской писатель. И можно сказать, что за эти 8 лѣтъ, прошедшихъ послѣ боя при С. Винцентѣ и тѣ и другіе лишь еще сильнѣе укрѣпились—первые въ своихъ истинныхъ воззрѣніяхъ на этотъ принципъ, а вторые — въ преступномъ пренебреженіи имъ. Достаточно упомянуть про знаменитую кампанію Нельсона въ Средиземномъ морѣ въ 1798 г., когда онъ называлъ своихъ командировъ «союзомъ братьевъ» (**), кампанію, которая закончилась Абукирскимъ погромомъ, въ которомъ англійскіе командиры съ удивительнымъ искусствомъ приходили на *выручку* своимъ товарищамъ.

85. Французы и испанцы продолжали «воспитываться» въ духѣ «пренебреженія» къ принципу «взаимной поддержки».

Между тѣмъ Вильневъ, будущій главнокомандующій при Трафальгарѣ, спокойно смотрѣлъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, какъ англичане сосредоточенными силами избивали поочереди впереди его находившіяся части французскаго флота, и не тронулся съ мѣста, хотя имѣлъ полную возможность очень сильно помѣшать англичанамъ. Но для этого ему надо было немедленно идти на *выручку* атакованныхъ французскихъ кораблей, а

(*) «It was the concentration of these ships at the point which Nelson seized, and for a moment held alone, that decided the day, and it was there that the fruitsof victory were chiefly reaped». Malan. The life ot Nelson. Second edition. Стр. 240.

(**) Подробнѣе см. Laughton. The Nelson memorial. 1896 г. стр. 102—103.

это, при отсутствіи у него выдающагося таланта, онъ могъ сдѣлать только въ томъ случаѣ если-бы онъ былъ *воспитанъ* на принципѣ взаимной поддержки. А вотъ этого-то и не было. Онъ оправдываетъ свое бездѣйствіе тѣмъ, что онъ не получилъ соотвѣтственнаго приказанія отъ главнокомандующаго. И онъ былъ признанъ *правымъ*, такъ какъ продолжалъ служить во флотѣ, и впослѣдствіи самъ достигъ званія главнокомандующаго. И такъ какъ поступилъ онъ, поступили и всѣ командиры арьергарда, которымъ онъ командовалъ, и между ними не нашлось *ни одного*, который-бы устремился-бы на выручку своихъ товарищей. А почему это случилось? Да просто потому, что никто не разсчитывалъ на поддержку остальныхъ, и каждый боялся остаться въ одиночествѣ, и опасался *даромъ* загубить свой корабль, и за это еще подвергнуться тяжелой отвѣтственности. Такъ развѣ такіе факты не воспитываютъ личный составъ?

Но этого еще мало. Въ сраженіи предшествовавшемъ Трафальгарскому, а именно въ сраженіи при Ферролѣ съ эскадрой Кальдера, Вильневъ, имѣя значительное преимущество въ силахъ, позволилъ англичанамъ завладѣть двумя испанскими кораблями, пальцемъ не двинувъ для ихъ *выручки*, и прекратилъ бой. Развѣ это не значило *воспитывать* своихъ командировъ въ духѣ противномъ принципу взаимной поддержки?

86. Какъ вліяло пренебреженіе принципомъ «взаимной поддержки» на подготовку разгрома при Трафальгарѣ.

Пусть г. Нордманъ прочтетъ у Жюрьенъ-де-ла-Гравьера какое впечатлѣніе произвелъ этотъ фактъ на испанцевъ. «Они (французы) успѣли присоединить къ себѣ испанскій флотъ» пишетъ онъ (*) «но сердца испанцевъ были отъ нихъ далеко. Первые признаки этого глухого раздраженія не замедлили обнаружиться при появленіи Вильнева въ Кадиксѣ. На корабляхъ его эскадры не было провизіи, а главное—не доставало военныхъ запасовъ. Князь Мира (испанскій первый министръ, немедленно прислалъ повелѣніе предоставить

(*) Морскія войны временъ французской республики и имперіи. 1851 г. Часть II, стр. 99.

въ распоряженіе адмирала всѣ магазины порта. Капитанъ надъ портомъ и начальникъ артиллеріи отказались повиноваться этому повелѣнію; они объявили, что не выпустятъ изъ ввѣренныхъ имъ магазиновъ ни одной мелочи, прежде чѣмъ французскій адмиралъ не внесетъ за это деньги, и притомъ не ассигнаціями и векселями на Парижъ, но звонкою монетою. Когда эти затрудненія доходили до слуха генерала Бернонвиля (французскаго посланника) онъ спѣшилъ къ министру, и безъ труда испрашивалъ новыя повелѣнія; но сопротивленіе возрождалось на каждомъ шагу, а время между тѣмъ уходило. Сами испанскіе офицеры, которые до сраженія 22 іюля (съ Кальдеромъ), казалось, раздѣляли пылкость и усердіе Гравины (начальникъ испанской части союзнаго флота)—послѣ этого сраженія показывали глубокое уныніе. Не разъ они съ горечью вспоминали, какъ 18 кораблей—въ томъ числѣ 14 французскихъ—дозволили 14 англійскимъ постыдно выхватить изъ среды ихъ два испанскихъ корабля. По ихъ словамъ, нечему было тутъ удивляться; они должны были предвидѣть это съ того дня, какъ Вильневъ бросилъ испанскую эскадру позади себя, чтобы скорѣе придти на Мартинику. Упреки эти падали нестерпимой тяжестью на сердца французскихъ моряковъ, и возбуждали въ нихъ ропотъ».

87. Позорныя сцены на военномъ совѣтѣ союзниковъ передъ выходомъ изъ Кадикса, вызванныя отсутствіемъ воспитанія въ духѣ принципа «взаимной поддержки».

А какія сцены происходили на военномъ совѣтѣ союзниковъ въ Кадиксѣ 8 октября 1805 г.! Мнѣніе Вильнева о необходимости выйти, вызвало рѣзкія возраженія со стороны испанскихъ адмираловъ и командировъ. Коммодоръ Чурукка, пользовавшійся въ испанскомъ флотѣ большимъ авторитетомъ, прямо заявилъ, что онъ вообще противъ всякихъ совмѣстныхъ дѣйствій съ французами. «Какая цѣна той *поддержкѣ* на которую мы можемъ надѣяться въ бою отъ такъ называемыхъ (so—called) нашихъ союзниковъ?» говорилъ онъ. (*) «Развѣ мы не видѣли всѣ какъ недавно въ бою при Финистерре (съ Кальдеромъ) онъ оставался пас-

(*) См. *Fraser*. The enemy at Trafalgar. 1906 г. стр. 48 и послѣдующія.

сивнымъ зрителемъ захвата нашихъ кораблей *San Rafael* и *Firme*, и ничего не сдѣлалъ чтобы попытаться ихъ выручить». Французы въ свою очередь отвѣчали недвусмысленными намеками на отсутствіе мужества у испанцевъ. Самъ Вильневъ на замѣчаніе Гравины, что нельзя выходить, такъ какъ падаетъ барометръ, отвѣтилъ, что «падаетъ не ртуть, а мужество извѣстныхъ лицъ», и получилъ и отъ него въ отвѣтъ напоминаніе о боѣ при Финистерре. Другой испанскій коммодоръ Галліано, оскорбленный намекомъ французскаго адмирала Магона, схватился за эфесъ шпаги, и съ большимъ трудомъ товарищи удержали его отъ вызова французскаго адмирала тутъ-же на дуэль.

88. Критика г. Нордмана наводитъ на мысль о незнакомствѣ его съ настроеніемъ соперниковъ передъ Трафальгаромъ.

И когда послѣ всего этого Вильневъ обращается къ своему флоту съ приказомъ передъ боемъ, въ которомъ взываетъ къ *взаимной поддержкѣ*, то я имѣлъ полное право написать: «Но командиры его не были *воспитаны* въ принципѣ взаимной поддержки, а потому приняли эти слова не болѣе какъ за *красивую фразу*, они имъ *не повѣрили*». Г. Нордманъ каждую изъ этихъ трехъ фразъ снабжаетъ вопросительными знаками, яко-бы фразы совершенно необоснованныя, и заявляетъ: «Вотъ довольно яркій образецъ совершенно неубѣдительнаго доказательства правильности одного изъ принциповъ путемъ использованія историческихъ военно-морскихъ фактовъ». Очень самоувѣренно сказано, отвѣчу я, но, увы, я принужденъ возвратить всѣ три вопросительныхъ знака г. Нордману обратно, ибо они ярко доказываютъ лишь незнакомство г. Нордмана съ предварительнымъ воспитаніемъ личнаго состава участвовавшаго въ сраженіи при Трафальгарѣ, и съ его настроеніемъ непосредственно передъ боемъ. Не лучше-ли было-бы г. Нордману, вмѣсто высокомѣрныхъ вопросительныхъ знаковъ и необоснованныхъ восклицаній, привести какія либо историческія данныя, которыя опровергали-бы мои историческія ссылки. Но онъ этого не сдѣлалъ, и я думаю потому, что наставить вопросительные знаки легко, а обосновать критику трудно, ибо для этого прежде всего нужно обладать хотя-бы самыми

элементарными свѣдѣніями въ той области о которой берешься судить.

89. Возстановляю смыслъ моей ссылки на приказъ Вильнева, невѣрно освѣщенный г. Нордманомъ.

Для того я и привелъ примѣръ Вильнева и его приказа передъ Трафальгарскимъ боемъ, чтобы показать, что принципъ взаимной поддержки «не создается мгновенно, по чьему-либо приказу, а медленно зрѣетъ на глазахъ у всѣхъ путемъ постояннаго проявленія», и такъ онъ и создавался, какъ мы видѣли выше у англичанъ, и когда этихъ условій не оказалось, какъ это было у союзниковъ, то Вильневу «конечно не удалось создать его и приказомъ». Въ кавычки поставлены тѣ двѣ мои фразы, которыя (см. выше § 70), при цитированіи моихъ словъ, были выпущены г. Нордманомъ, вслѣдствіе чего для читателя исчезла та цѣль, для которой я говорилъ эти слова.

90. Чтобы «понять» связь между принципомъ «взаимной поддержки» и сдачей союзныхъ кораблей при Трафальгарѣ, надо «изучить» этотъ бой.

Г. Нордманъ, какъ и въ С. Винцентскомъ сраженіи, не признаетъ связи между принципомъ взаимной поддержки и сдачей кораблей союзниковъ и въ Трафальгарскомъ бою. Для того чтобы онъ убѣдился въ этомъ, могу посовѣтовать ему одно—внимательно перечитать хотябы одно обстоятельное описаніе этого боя. Онъ увидитъ тогда, что во первыхъ ни одинъ изъ союзныхъ кораблей не спускалъ свой флагъ легко, имѣя ничтожныя потери. Это очень ясно указано на таблицѣ приведенной у Laird Clowes'a. (*). Во вторыхъ онъ не сможетъ не отмѣтить, что огромное большинство изъ этихъ кораблей имѣли дѣло съ нѣсколькими англійскими кораблями и обыкновенно сдавались будучи *окружены* (**) англичанами. Въ третьихъ, онъ увидитъ, что

(*) The Royal Navy. 1900. Vol. V, стр. 131.

(**) «Заключенный между двумя 3-хъ дечными кораблями *Redoutable* все еще не сдается. Но вотъ *Нептунъ* и *Левіаөанъ* прорѣзаютъ линію и сопротивленіе дѣлается невозможнымъ... Несмотря на *двойную* борьбу противъ *Ройялъ-Соверенъ* и *Белльиль, Fougeux* абордируетъ *Темереръ*... *Aigle* принужденъ уступить соединеннымъ усиліямъ *Ревендусъ* и *Дифайянсъ*... *Swiftsure* спускаетъ флагъ передъ *Беллерофономъ* и *Коллоссусомъ*... *Achille* вскорѣ окруженъ въ свою очередь — *Полифемъ*, *Свифтшуръ* и *Принцъ* поражаютъ его батальнымъ огнемъ... *Monarca*, избитый кораблемъ *Тоннанъ*, спускаетъ

первые 10 англійскихъ кораблей, прорѣзавшихъ линію союзниковъ, понесли огромныя потери, и въ людяхъ и въ корпусѣ и въ рангоутѣ. Перечисляя ихъ, Жюрьенъ-де-ла-Гравьеръ говоритъ (*): «Вотъ тѣ изъ англійскихъ кораблей, торые вынесли на себѣ всю тягость битвы. Большею частью они, со сбитымъ рангоутомъ, плаваютъ среди побѣжденныхъ,— безсильныя чуть дышащія массы, неспособныя возобновить сраженіе».

91. «Взаимная поддержка» у англичанъ и у союзниковъ при Трафальгарѣ.

Значитъ картина боя была такая. Первые 10 англійскихъ кораблей, прорѣзавшіе строй союзниковъ, шедшихъ группами въ нѣсколько линій, попали въ гущу непріятельскихъ судовъ, и были страшно избиты, но ни одинъ изъ нихъ и не думалъ сдаваться. И вдругъ картина мѣняется. Несмотря на то, что у англичанъ въ общемъ на 6 кораблей меньше (27 противъ 33), цѣлый рядъ союзныхъ кораблей оказывается окруженнымъ двойнымъ и тройнымъ количествомъ англичанъ и спускаетъ флагъ, выдержавъ передъ этимъ жестокій бой и понеся огромныя потери.

Какая-же спрашивается можетъ быть тому причина? Отвѣтъ на это даетъ все то-же описаніе боя. Описавъ состояніе первыхъ десяти англійскихъ кораблей (см. выше), Жюрьенъ-де-ла-Гравьеръ продолжаетъ: «Но въ это время грозный резервъ обходитъ поле сраженія и собираетъ плоды ихъ (передовыхъ кораблей) побѣды. Въ колоннѣ Коллингвуда резервъ состоитъ изъ 6 кораблей, почти нетронутыхъ. Корабли эти, пришедшіе

флагъ подъ огнемъ *Беллерофона; Argaunauta*, уничтоженный залпами *Ахилла*, сдается новымъ врагамъ его окружившимъ... *Bucentaure* и *Santissima-Trinidad* отражаютъ однѣ и тѣ же атаки. *Нептунъ, Левіаоанъ, Конкерорѣ* и *Африка* окружаютъ эти два корабля... *Neptuno* отсталъ и отрѣзанъ кораблями *Спартіетъ* и *Минотавръ*».... Въ этихъ выпискахъ сдѣланныхъ изъ описанія Жюрьенъ-де-ла-Гравьера для наглядности имена сдавшихся французскихъ и испанскихъ кораблей напечатаны латинскимъ шрифтомъ, а имена англійскихъ кораблей ихъ окружавшихъ — русскимъ шрифтомъ. Такихъ выписокъ можно сдѣлать безчисленное множество, и еще болѣе показательныхъ если брать ихъ изъ болѣе подробныхъ описаній боя, напр. у Laird Clowes'a или у Corbett'a, или у Fraser'a, Я взялъ нарочно одно изъ короткихъ описаній боя, чтобы не слишкомъ увеличивать эту выписку.

(*) Морскія войны временъ французской республики и монархіи. 1851 г II, стр. 146.

на мѣсто сраженія *тремя* часами позже Рояль-Соверена (передового въ колоннѣ) *подаютъ* на всѣхъ пунктахъ арьергарда такую *помощь*, которой сопротивляться невозможно». Тоже самое происходитъ и въ колоннѣ Нельсона.

Но почему-же это происходитъ? Гдѣ-же тѣ многочисленные союзные корабли, въ гущу которыхъ попали передовые англичане, и которые привели ихъ въ такое плачевное состояніе? А вотъ процитируемъ еще Жюрьенъ-де-ла-Гравьера и узнаемъ.

«Гравина раненъ. Тогда *Principe de Asturias* (флагманскій его корабль—онъ замыкалъ союзный строй) выходитъ изъ линіи, и подымаетъ сигналъ: приблизиться къ адмиралу. Фрегатъ *Thémis*, беретъ адмиральскій корабль на буксиръ, и уводитъ его къ Кадиксу. *Pluton* (21-й отъ головного) и *Neptune* (12-й) съ сожалѣніемъ повинуются сигналу, и соединясь съ кораблями *Argonaute* (26-й), *Indomptable* (17-й), *San Leandro* (13-й), *San Justo* (16-й) и *Montanez* (25-й), тоже *удаляются съ мѣста битвы*». Но этого еще мало. «Дюмануаръ (начальникъ авангарда) имѣетъ еще 10 *нетронутыхъ* кораблей, а въ одной милѣ отъ этого грознаго резерва, *Bucentaure* (флагманскій корабль Вильнева) и *Sautissima Trinidad* (флагъ испанскаго адмирала Виснеросъ) геройски дѣлятъ между собою одинаковую опасность... Вильневъ удивляется, почему Дюмануаръ такъ долго *медлитъ идти къ нему на помощь*. Съ самого начала сраженія авангардъ не имѣлъ никакихъ противниковъ. Пока у Вильнева остается еще одна мачта для поднятія сигналовъ, онъ не перестаетъ приказывать авангарду поворотить всѣмъ вдругъ черезъ фордевиндъ. Дюмануаръ репетуетъ сигналъ. Если-бы маневръ этотъ не откладывался такъ долго, то онъ могъ-бы еще возстановить сраженіе; но время прошло, и огонь *Bucentaur*-а и *Santissima-Trinidad* уже начинаетъ слабѣть». Наконецъ только черезъ 3 часа послѣ начала боя, авангардъ поворачиваетъ и, раздѣлясь на два отряда, идетъ на призывъ своего главнокомандующаго. Первымъ подходитъ къ мѣсту боя отрядъ въ составѣ *San Francisco de Asis*, *San Agustin*, *Rayo*, *Heros* и *Intrepide*. Но «на мѣстѣ битвы, вмѣсто изнуренныхъ противниковъ, ихъ встрѣчаютъ свѣжіе корабли *Британнія*,

Аяксъ, *Оріонъ*, *Агамемнонъ* которые успѣли подойти. При этомъ видѣ *Rayo* и *San Francisco*, выдержавъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ огонь *Британніи*, *спѣшатъ ретироваться*, и соединяются съ отрядомъ адмирала Гравины. *Heros* съ трудомъ избѣгаетъ плѣна. *San Agustin*, поражаемый *нѣсколькими* англійскими кораблями, взятъ на абордажъ кораблемъ *Левіаѳанъ*... *Intrepide* занимаетъ еще нѣсколько времени англійскіе корабли. Капитанъ Инферне забываетъ, что на этой печальной аренѣ, гдѣ не развѣвается уже *ни одинъ* дружескій флагъ, онъ *одинъ* продолжаетъ сопротивленіе, *уже безплодное*... Дюмануаръ (съ остальными пятью кораблями изъ бывшихъ у него десяти) пришелъ наконецъ на траверзъ *Викторн*; онъ находитъ *Bucentaure* и *Santissima-Trinidad* взятыми, и около этихъ *двухъ* кораблей *цѣлую англійскую эскадру: Спаршіэтъ* и *Минотавръ*, не сдѣлавшіе еще ни одного выстрѣла, *Агамемнонъ*, *Британнія*, *Оріонъ*, *Аяксъ* и *Конкероръ*, которые почти еще не сражались. Въ арьергардѣ 6 другихъ англійскихъ кораблей построились въ линію, чтобы прикрыть свои призы». И Дюмануаръ *ушелъ съ мѣста боя* съ четырьмя французскими кораблями (*), а отставшій отъ него испанскій корабль *Neptuno* былъ «*отрѣзанъ* англійскими кораблями *Спаршіэтъ* и *Минотавръ*. Капитанъ Вальдесъ, командующій имъ, сражается болѣе часа, и сдается не прежде, какъ потерявъ всѣ мачты».

Картина кажется ясная. Подбитые въ первой схваткѣ союзные и англійскіе корабли одинаково и безпомощны и неподвижны. Но первые видятъ какъ ихъ многочисленные товарищи *уходятъ цѣлыми группами съ мѣста боя* (**), напр. съ Гравиной сразу ушла *цѣлая треть* союзнаго флота, тогда какъ къ подбитымъ ихъ противникамъ все подваливаютъ свѣжіе корабли, и окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Видятъ все это и англичане.

(*) Они были взяты англичанами черезъ двѣ недѣли въ бою при м. Ортегаль, 3 ноября 1805 г.

(**) Съ Гравиной ушли съ мѣста боя въ Кадиксъ 11 кораблей, 5 фрегатовъ и 2 брига. Показаніе командира фрегата Themis буксировавшаго флагманскій корабль Гравины. См. Жюрьенъ-де-ла-Гравьеръ. Морскія войны временъ республики и имперіи. Т. II. прибавленія стр. X.

92. Связь между сдачей кораблей союзниковъ и обоснованнымъ у нихъ отсутствіемъ надежды на «поддержку».

Неужели-же для г. Нордмана не ясна здѣсь непосредственная и ближайшая главная причина сдачи кораблей союзниковъ, и отсутствіе сдачи тѣхъ передовыхъ англійскихъ кораблей, которые попавъ въ группу союзниковъ, были приведены въ безпомощное состояніе? Послѣдніе *были увѣрены*, что на выручку къ нимъ подойдутъ товарищи, а первые *не были въ этомъ увѣрены* и передъ боемъ, а въ самомъ бою наглядно убѣдились, сколь обоснована была въ нихъ эта неувѣренность.

А эта *увѣренность* англичанъ, какъ мы видѣли выше, была создана ихъ длительнымъ *воспитаніемъ* въ принципѣ взаимной поддержки, который проникалъ и офиціальныя ихъ инструкціи и приказы ихъ адмираловъ, и что важнѣе всего— имѣлъ постоянное приложеніе на ихъ глазахъ на дѣлѣ.

93. Приказъ Нельсона передъ Трафальгаромъ былъ пропитанъ и принципомъ «взаимной поддержки»

И пусть возобновитъ г. Нордманъ въ памяти знаменитый приказъ Нельсона передъ Трафальгарскимъ боемъ. Въ «Fighting Instructions», изданныхъ Corbett-омъ онъ найдетъ и исторію возникновенія и развитія этого приказа, вѣрнѣе — директивы (англичане называютъ его memorandum, т. е. памятная записка, излагающая сущность дѣла), излагающей вообще взглядъ Нельсона на веденіе боя. И г. Нордманъ увидитъ, что съ самаго своего возникновенія (за два года до Трафальгара), и во всѣхъ стадіяхъ своего развитія, этотъ меморандумъ проникнутъ принципомъ сосредоточенія силъ тѣсно сплетеннымъ съ принципомъ взаимной поддержки (there is in its stead the reestablishment of the primitive system of mutually supporting squadrons in line ahead) (*), и нарушенія возможности сосредоточить свои силы противнику и его частямъ поддерживать другъ друга. Но этотъ меморандумъ

94. Приказъ Нельсона имѣлъ смыслъ лишь для личнаго состава, «воспитаннаго» въ принципахъ положенныхъ въ основу приказа.

имѣлъ смыслъ только для *подготовленнаго* личнаго состава, для такого, который ужъ задолго былъ *воспитанъ* въ принципахъ, которые были положены въ его

(*) «The great object is for us to support each other» Nicolas. Dispatches and letters of vice-admiral, lord Viscount Nelson. Vol. VI. стр. 443.

основу. Въ такой средѣ онъ всѣмъ былъ родной, лишь формулирующій способъ его собственнаго мышленія. Понятенъ становится и Нельсонъ, который пишетъ о впечатлѣніи, которое произвелъ его меморандумъ на военномъ совѣтѣ. «Дѣйствіе этихъ словъ» писалъ Нельсонъ (*) «можно было сравнить съ электрическимъ потрясеніемъ. Нѣкоторые изъ офицеровъ были тронуты до слезъ. Всѣ единогласно одобрили планъ атаки. Его нашли новымъ, непредвидѣннымъ, удобопонятнымъ и удобоисполнимымъ, и всѣ, съ перваго адмирала до послѣдняго изъ капитановъ, говорили: непріятель погибъ, если только мы его настигнемъ».

95. Приказъ Вильнева не имѣлъ смысла для его личнаго состава не «воспитаннаго» въ принципѣ «взаимной поддержки».

Какая разница съ тѣмъ, что происходило на военномъ совѣтѣ союзниковъ (см. выше § 87)! И какой смыслъ имѣли для нихъ (см. выше о воспитаніи французскихъ и испанскихъ командировъ, о томъ, что имъ чуждо чувство взаимной поддержки, § 78) слова приказа Вильнева о необходимости взаимной поддержки, которыя, по вѣрному замѣчанію Жюрьенъ-де-ла Гравьера, «заключаютъ въ себѣ осужденіе его-же собственнаго поведенія при Абукирѣ».

96. Вильневъ, самъ первый, подорвалъ возможность выполненія своего приказа.

Но этого мало. Вотъ что еще увидѣли адмиралы и командиры Вильнева, и притомъ еще за нѣсколько часовъ до боя. Вильневъ «съ отчаяніемъ въ душѣ предугадывалъ намѣренія своего противника». Нельсонъ, говорилъ онъ своимъ офицерамъ «будетъ стараться окружить нашъ аррьергардъ, прорѣжетъ нашу линію, и на тѣ изъ кораблей нашихъ, которые ему удастся вырвать изъ ордера, устремитъ цѣлыя массы своихъ, чтобы ихъ *окружить* и уничтожить». Чтобы противодѣйствовать этому, онъ составилъ особую быстроходную эскадру подъ начальствомъ Гравины, которая должна была, когда направленіе атаки Нельсона опредѣлится, идти на *выручку* атакованной части строя, и такъ какъ таковымъ и предполагался арьергардъ, то онъ поставилъ Гравину въ авангардъ, сдѣлавъ его корабль голов-

---

(*) Жюрьенъ-де-ла-Гравьеръ. Морскія войны временъ французской республики и имперіи. Ч. II, стр. 114.

нымъ, чтобы облегчить ему указаніе его кораблямъ—когда и куда именно идти на помощь; дѣйствительно, для этого Гравинѣ не надо было дѣлать сигналовъ, а только повернуть и идти къ тому участку строя, которому онъ хотѣлъ-бы помочь, и его кораблямъ оставалось-бы только слѣдовать движеніямъ своего адмирала.

Но вотъ что произошло съ этими благими намѣреніями. Когда англичане появились въ виду союзнаго флота, послѣдній шелъ къ Гибралтарскому проливу, имѣя головнымъ корабль Гравины. Вильневъ, втайнѣ надѣявшійся, что можетъ быть удастся совсѣмъ избѣжать боя, и видя, что надежда эта съ приближеніемъ англичанъ таетъ, приказалъ повернуть назадъ, чтобы имѣть подъ вѣтромъ Кадиксъ, куда могли-бы укрыться послѣ боя потерпѣвшіе корабли. Но поворотъ этотъ онъ сдѣлалъ не послѣдовательно—тогда Гравина продолжалъ-бы оставаться головнымъ, а всѣми кораблями вдругъ. Изъ за этого Гравина оказался концевымъ, и всѣ его корабли въ арьергардѣ, и значитъ, въ случаѣ атаки арьергарда, а оная признавалась наиболѣе вѣроятной, Гравина уже не могъ выполнить предназначенной ему роли, которая переходила теперь къ Дюмануару, на котораго Вильневъ этой роли не возлагалъ. И вотъ пусть спроситъ себя г. Нордманъ—какое впечатлѣніе произвелъ на союзныхъ адмираловъ и командировъ этотъ маневръ Вильнева, *въ корнѣ нарушающій его-же собственный планъ*, яко-бы обоснованный на быстрой выручкѣ атакованной части союзнаго строя? И когда англичане дѣйствительно атаковали арьергардъ, не опустились-ли руки у Гравины, и не тутъ-ли надо искать одну изъ причинъ его ухода въ Кадиксъ, оставляя на произволъ судьбы поврежденные корабли и самого Вильнева!

97. Мои ссылки на С. Винцентъ и Трафальгаръ, хотя и обоснованы, но это не «доказательство» неизмѣнности принциповъ.

Итакъ я повторяю—я имѣлъ право утверждать, что союзные командиры не были *воспитаны* въ принципѣ взаимной поддержки, что они имѣли полное основаніе *не вѣрить* словамъ Вильнева, и что они дѣйствительно ему *не повѣрили*. И мнѣ кажется, что связь между осуществленіемъ на дѣлѣ взаимной поддержки съ необходимостью

предварительной подготовки для этого, т. е. съ необходимостью воспитанія личнаго состава на этомъ принципѣ, у меня достаточно обоснована, насколько она касается и С. Винцентскаго и Трафальгарскаго сраженій. Напоминаю, что г. Нордманъ, подъ видомъ «образцовъ» моихъ критико-историческихъ экскурсій выдаетъ простыя мои ссылки, изложенныя всего въ нѣсколькихъ словахъ. Помимо того напоминаю, что онѣ совсѣмъ не «образцы» даже моего «Введенія» (см. выше 71); для *доказательства* онѣ конечно недостаточны, и въ самомъ курсѣ, а конечно не во «введеніи» къ курсу, можетъ и долженъ быть сдѣланъ цѣлый рядъ изслѣдованій при самыхъ различныхъ обстановкахъ, и этимъ и доказывается *вѣчность, неизмѣнность*, принциповъ, т. е. ихъ *независимость* отъ обстановки.

Что сдачи кораблей въ С. Винцентскомъ и Трафальгарскомъ бояхъ произошли *только* (см. вторую выноску въ § 72) отъ неувѣренности испанцевъ и французовъ во взаимной поддержкѣ, какъ это выставляетъ г. Нордманъ, я конечно не утверждалъ, и просто потому, что соціальныя явленія вообще, а военныя въ особенности, являются результатомъ цѣлаго ряда причинъ. Но что эта причина въ этихъ двухъ бояхъ являлась одной изъ главныхъ, и что эти бои являются достаточно обслѣдованными, чтобы служить и однимъ изъ звеньевъ доказательства важности и неизмѣнности принципа взаимной поддержки, въ этомъ едва ли явится сомнѣніе у того, кто въ достаточной мѣрѣ знакомъ съ тѣмъ какъ происходили эти бои.

98. «Военная теорія» подходитъ и къ вопросу о сдачѣ кораблей черезъ «принципы».

Г. Нордманъ говоритъ (стр. 133): «Дѣйствительно, почему сдаются корабли? Вотъ вопросъ, требующій самого детальнаго изученія, объективнаго изслѣдованія (а не доказательства), вотъ одинъ изъ вопросовъ военно-морской теоріи». Но вотъ теорія и подходитъ къ этому вопросу посредствомъ совершенно объективнаго (*) изученія (изслѣдованія) духовной природы человѣка, поставленной въ обстановку смертельной опасности. И то, что въ военномъ дѣлѣ носитъ названіе принциповъ,—

(*) Но это не значитъ, что изслѣдованіе не имѣетъ цѣли. Цѣль—изыскать неизмѣнные элементы путей къ побѣдѣ.

это лишь формулировка тѣхъ неизмѣнныхъ составныхъ частей условій, которыя приводятъ эту природу въ состояніе такъ называемой «нравственной силы», побѣждающей на войнѣ (*). Принципы вытекаютъ изъ изученія свойствъ духовной стороны человѣка въ ихъ проявленіи въ военной обстановкѣ, а потому и заключаютъ въ себѣ эти свойства. Напр. принципъ внезапности выражаетъ собою слабость моральной стороны человѣка передъ внезапностью. Принципъ сосредоточенія силъ выражаетъ собою свойство усиленія моральнаго элемента въ сообществѣ себѣ подобныхъ, идущихъ къ той-же цѣли, хотя-бы и смертельно опасной. Принципъ взаимной поддержки выражаетъ ослабленіе моральнаго элемента вслѣдствіе чувства одиночества въ моментъ опасности, т. е. по существу это тотъ-же принципъ сосредоточенія силъ, иначе говоря принципъ зовущій къ сосредоточенію силъ въ моментъ, когда это сосредоточеніе, по тѣмъ или инымъ причинамъ, оказалось на сторонѣ противника (6 испанскихъ кораблей противъ одного корабля Нельсона, когда онъ преградилъ имъ путь въ С. Винцентскомъ бою).

Сдача — это упадокъ нравственной силы, это результатъ такъ называемаго упадка духа, это результатъ отсутствія всѣхъ какъ неизмѣнныхъ (принциповъ) такъ и перемѣнныхъ причинъ (обстановка) ведущихъ къ подъему духа, это *отказъ* отъ борьбы одной изъ сторонъ (**). А какія изъ этихъ причинъ въ каждомъ данномъ случаѣ оказались главными, и которыя второстепенными, это дѣйствительно безконечно разнообразно, какъ могутъ быть безконечно разнообразны комбинаціи этихъ постоянныхъ и перемѣнныхъ элементовъ. Вотъ дѣло теоріи — это выдѣлить эти постоянные элементы (принципы), формулировать ихъ, охарактеризовать *типы* элементовъ непостоянныхъ.

(*) См. нѣкоторыя замѣчанія объ этой нравственной силѣ во «Введеніи» стр. 178 и дальше.

Основной законъ войны, который *доказывается* въ *чистой* теоріи стратегіи—это законъ главенства духовнаго элемента въ явленіяхъ войны. Профессоръ Головинъ. Сборникъ статей. Стр. 7.

(**) Головинъ. («Изслѣдованіе боя. Изслѣдованіе дѣятельности и свойствъ человѣка какъ бойца» 1907 г. и его же «Введеніе въ курсъ тактики» 1911 г. стр. 10.

(обстановки), и опредѣлить формы (нормы) въ которыя выливаются постоянные элементы въ комбинаціи съ типами непостоянныхъ. Это все что можетъ сдѣлать теорія и по отношенію къ вопросу о сдачѣ. Но работа очевидно должна начаться съ выдѣленія и формулированія неизмѣнныхъ частей элементовъ ведущихъ къ побѣдѣ, т. е. съ опредѣленія ихъ, всесторонняго (также и историческимъ путемъ) (*) обоснованія ихъ неизмѣнности, и ихъ формулированія.

99. Что остается отъ возраженія г. Нордмана противъ возможности «историческаго» обоснованія «неизмѣнности» принциповъ.

Въ результатѣ этой основной работы теоріи военнаго дѣла и являются принципы, которые г. Нордманъ не желаетъ признавать за военную теорію, какъ что-то искусственное, предвзятое, къ чему будто-бы только *подогнаны* историческія доказательства. Изъ несовершенства историческихъ изслѣдованій, служащихъ доказательствами, онъ выводитъ и необоснованность моего вывода, что принципы—это *неизмѣнныя составныя части* тѣхъ условій, которыя ведутъ къ побѣдѣ, внѣ зависимости отъ обстановки (**). Сколь мало обоснованы утвержденія г. Нордмана о недоказательности моихъ историческихъ ссылокъ, мы уже видѣли. Наставивъ цѣлый рядъ вопросительныхъ знаковъ въ скобкахъ при цитированіи моихъ ссылокъ на значеніе увѣренности во взаимной поддержкѣ въ С. Винцентскомъ и Трафальгарскомъ бояхъ и формулировавъ цѣлый рядъ моихъ «совершенно произвольныхъ» и «недоказанныхъ» утвержденій (***) (см. выше §§ 72 и 88, г. Нордманъ побѣдоносно заключаетъ свою критику такъ (стр. 133) (****): «*А разъ все это не доказано*, то что остается отъ всего *длиннаго* (?) историческаго доказательства г. Кладо принципа взаимной поддержки? *Да ровно ничего не остается*, и мы возвращаемся къ тому, съ чего на-

---

(*) См. этюды по стратегіи: II (въ особенности § 5), III, IV и VI, въ которыхъ достаточно выяснено, что всѣ выдающіеся военные писатели и практики считаютъ главнымъ источникомъ изученія войны военную—исторію.

(**) См. I этюдъ по стратегіи § 9 (М. Сб. 1913 г. № 1, стр. 64—65).

(***) Стр. 132—133.

(****) Курсивы мои.

чали—къ голому принципу дедуктивно (*) выведенному изъ психологическихъ посылокъ. Ну, а этого мало, чтобы обосновать его какъ общую идею, какъ «неизмѣнное условіе ведущее къ побѣдѣ внѣ зависимости отъ обстановки». Можетъ быть этотъ принципъ и вѣренъ, но обосновать его надо совершенно иначе».

Какъ это сдѣлать иначе г. Нордманъ не говоритъ, и продолжаетъ свои заключенія: «этотъ примѣръ, который взятъ *наудачу*, но который является *образцомъ* вообще критико-историческихъ изслѣдованій Введенія...» показываетъ, что въ Введеніи вообще «нѣтъ военно-морской теоріи».

Но позвольте теперь и мнѣ г. Нордманъ спросить—что-же остается отъ Вашего утвержденія, если все, что Вы считаете въ моихъ историческихъ ссылкахъ (**), вслѣдствіе недостаточнаго Вашего знакомства съ С. Винцентскимъ и Трафальгарскимъ сраженіями, недоказаннымъ, на самомъ-то дѣлѣ—*доказано?* Позволю себѣ теперь сказать и я и Вашими-же словами—*да ровно ничего не остается.*

Вы, говоря (стр. 130) о моихъ критико-историческихъ экскурсіяхъ, указываете что онѣ не могутъ служить повѣркой и дополненіемъ принциповъ, «такъ какъ такимъ путемъ съ одинаковымъ успѣхомъ *при нѣкоторомъ искусствѣ можно подтвердить два взаимно другъ друга исключающихъ положенія,* и въ особенности если при этомъ пользоваться тѣми военно-морскими историческими событіями, обстановка которыхъ до сихъ поръ является выясненной далеко не въ достаточной степени», и чтобы пояснить свою мысль Вы и приводите мои ссылки на С. Винцентскій и Трафальгарскій бой. Вотъ я и предлагаю Вамъ—попробуйте Ваше искусство

(*) По мнѣнію профессора Военной Академіи Головина «дедукція играетъ главенствующую роль» при изслѣдованіи военныхъ явленій, принимая за отправную точку законъ главенства духовнаго элемента. Сборникъ статей, стр. 11.

(**) А совсѣмъ не *длинныхъ* историческихъ доказательсвъ. Это г. Нордманъ совершенно невѣрно ихъ выдалъ за таковыя. См. §§ 70, 71 и 97.

и докажите на основаніи этихъ боевъ положенія обратныя моимъ. А Вы ограничиваетесь лишь вопросительными знаками и простымъ утвержденіемъ, что мои положенія не доказаны. Значитъ это не такъ-то легко и при искусствѣ!

V.

О „принципахъ", какъ основахъ военной теоріи.

100. У меня нѣтъ никакой «полемики» съ адмираломъ Макаровымъ. Я позволяю себѣ думать, что г. Нордманъ не совсѣмъ «наудачу» взялъ какъ разъ тѣ мои историческія ссылки, которые относятся къ вопросу о взаимной поддержкѣ. Какъ разъ именно въ этомъ вопросѣ, вмѣсто возобновленія въ памяти и своего собственнаго изслѣдованія тѣхъ историческихъ фактовъ, на невѣрность моихъ заключеній изъ которыхъ онъ указываетъ, что на мой взглядъ ему-бы слѣдовало сдѣлать, онъ можетъ прикрыться авторитетнымъ именемъ адмирала Макарова. «То мѣсто Введенія» говоритъ г. Нордманъ (*) «гдѣ г. Кладо *полемизируетъ* съ С. О. Макаровымъ по поводу *заключенія* покойнаго адмирала, что *принципы* на морѣ могутъ быть иногда иные, чѣмъ на войнѣ на сушѣ, весьма характерно въ томъ отношеніи, что въ немъ проявляется *въ высшей мѣрѣ* основной недостатокъ Введенія, заключающійся въ замѣнѣ обыкновеннаго исканія истины—доказательствомъ *заранѣе* считающихся авторомъ непререкаемыми истинъ».

Я нарочно подчеркнулъ слово «полемизируетъ», ибо ни о какой полемикѣ съ адмираломъ Макаровымъ у меня нѣтъ и рѣчи.

101. Почему я обращаюсь къ «ошибкамъ» адмирала Макарова. Обращеніе къ трудамъ и мнѣніямъ адмирала Макарова—это вполнѣ опредѣленный пріемъ метода изслѣдованія. Доказывая, что въ основѣ военной теоріи должны лежать *неизмѣнныя* части тѣхъ условій, которыя ведутъ къ побѣдѣ, внѣ зависимости отъ обстановки, т. е. то что въ военной наукѣ именуется принципами, мнѣ для *иллюстраціи*, (а не для доказательства) (**)

(*) Стр. 135. Курсивы мои.

(**) Доказываются они (выводятся) совершенно объективными изслѣдованіями какъ сущности вооруженной борьбы, такъ и историческихъ образцовъ такой борьбы, въ особенности, веденныхъ военными геніями и талантами.

такого положенія, очень важно было показать, къ какимъ явнымъ ошибкамъ приходятъ даже выдающіеся таланты, если не исходятъ въ своихъ сужденіяхъ изъ этихъ принциповъ, или если принимаютъ за эти принципы нѣчто совсѣмъ другое. Если ошибается по какимъ-бы то ни было причинамъ человѣкъ средній—это очень мало показательно, ибо это ему свойственно прямо вслѣдствіе природныхъ его недостатковъ. Но если ошибается большой талантъ, которому естественно по самой его природѣ не ошибаться (*), и если можно показать, что онъ ошибается именно потому, что онъ пренебрегъ вниманіемъ къ основамъ военной теоріи, т. е. къ принципамъ, и говоря о принципахъ, подразумѣваетъ подъ ними нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ,—тогда это очень важный показатель цѣнности (**) этихъ принциповъ, и необходимости исходить именно изъ нихъ, какъ изъ основъ военной теоріи, и большимъ талантамъ, а значитъ тѣмъ паче—средней массѣ. Вотъ именно такой примѣръ и представляетъ адмиралъ Макаровъ, а потому я его и беру. При этомъ брать именно его, разъ онъ представляетъ такой примѣръ, и именно въ русскихъ изслѣдованіяхъ о военной теоріи, особенно полезно и потому, что въ нашемъ флотѣ особенно сильно выдвигается его имя на первый планъ послѣ несчастной нашей войны, и прибавлю—выдвигается вполнѣ справедливо, какъ образецъ, которому надо слѣдовать, какъ учитель, у котораго надо учиться. И разъ это такъ, то легко можетъ случиться, что авторитетъ его покроетъ и его ошибки, которыя многими, благодаря этому авторитету, будутъ восприняты слѣпо, безъ разсужденій. А это ужъ прямой вредъ для дѣла (***).

(*) См. II этюдъ по стратегіи §§ 5 и 6—«Военные геніи и военная наука» и «Средніе люди и военная наука». М. Сб. 1913 г. № 2 стр. 96—100.

(**) Цѣнности, а не истинности ихъ. Истинность ихъ доказывается иначе (см. первую выноску къ § 101). Но, признавая эту истинность, нѣкоторые находятъ принципы малоцѣнными для дѣла.

(***) Въ томъ изслѣдованіи, которое г. Нордманъ могъ съ полнымъ основаніемъ привести какъ *образецъ* моихъ критико-историческихъ экскурсій см. выше § 71) я употребляю такой-же пріемъ. Я говорю: «что цѣнно для на-

102. Г. Нордманъ совершенно переиначилъ смыслъ моего обращенія къ мнѣніямъ адмирала Макарова о «принципахъ».

И вотъ я доказываю, что адмиралъ Макаровъ въ своихъ разсужденіяхъ о принципахъ ошибается въ корнѣ, такъ какъ, хотя онъ и употребляетъ слово «принципъ», но подразумѣваетъ подъ этимъ словомъ не то понятіе, которое подразумѣвается подъ этимъ словомъ въ военной наукѣ. Подтвердивъ это общее его заблужденіе нагляднымъ примѣромъ (*), я отсюда и вывожу—почему адмиралъ Макаровъ ошибается въ своихъ разсужденіяхъ и относительно принципа взаимной поддержки. Г. Нордманъ повидимому, совершенно не уловилъ сущность того, что я говорю объ адмиралѣ Макаровѣ и о «принципахъ». Понятіе о «принципѣ» въ военной наукѣ ему также повидимому чуждо. Потому-то онъ и увѣряетъ, что «принципъ»—это не теорія военной науки. Вотъ почему онъ и хватается за совершенно ошибочныя разсужденія адмирала Макарова о «принципахъ». Вотъ почему, приводя длинныя выписки изъ моихъ цитатъ о мнѣніяхъ Макарова, и изъ моей критики этихъ мнѣній, онъ все-таки *выпустилъ изъ нихъ существо моей критики*, такъ какъ онъ совершенно ее не понялъ. Онъ, оказывается, думаетъ, что мнѣ «понадобилось непремѣнно, во что-бы то ни стало опровергнуть С. О. Макарова», ибо «положеніе С. О. Макарова объ относительности принциповъ подрываетъ все зданіе классификаціи военно-морскихъ наукъ, созданное во Введеніи».

103. Для «обоснованія» указываемой мною «военной теоріи», мнѣ совершенно нѣтъ надобности, ни ссылаться на адмирала Макарова, ни опровергать его.

Это просто какая-то idée fixe у г. Нордмана. Смѣю его увѣрить, что для подтвержденія высказанныхъ мною во «Введеніи» положеній о принципахъ адмиралъ Макаровъ мнѣ совершенно не

шего изслѣдованія это то, что рутина заѣла и такихъ выдающихся людей какъ Корниловъ и Нахимовъ (см. «Введеніе» стр. 393)... при этомъ я отнюдь не задаюсь цѣлью разсматривать на солнцѣ пятна, за которыми можно проглядѣть его лучи—я хочу только взглянуть на солнце черезъ такое стекло, которое даетъ возможность глядѣть на него прямо, и получить ясное понятіе объ его формѣ вмѣсто того, чтобы зажмуривать глаза передъ яркостью сіянія его лучей» (стр. 395).

(*) См. «Введеніе» стр. 114—117. Также VI этюдъ по стратегіи, § 19—20. М. Сб. 1914 г. № 1.

нуженъ, какъ не нуженъ мнѣ онъ и для обоснованія принятой мною классификаціи. Г. Нордманъ забываетъ, а вѣрнѣе просто не знаетъ—очень ужъ на это похоже,—что такая классификація военныхъ наукъ, о которой говорю я, и содержаніе этихъ наукъ—это не *мое* предложеніе, а это то, что существуетъ и въ военныхъ академіяхъ и въ литературѣ, и опираться въ этомъ отношеніи на С. О. Макарова или опровергать его мнѣ нѣтъ никакой надобности. Тутъ ни то ни другое, ничего не можетъ ни прибавить ни убавить.

101. Адмиралъ Макаровъ не исходилъ изъ мыслей, которыя ему навязываетъ г. Нордманъ.

А вотъ спеціально для г. Нордмана я не могу не указать, что обращеніе его къ Макарову, какъ яко-бы къ единомышленнику едва-ли удачно. Надѣюсь, что, ссылаясь на Макарова, онъ знакомъ съ его трудами и внѣ тѣхъ цитатъ, которыя онъ беретъ изъ моей книги. А тогда со ссылками г. Нордмана на Макарова выходитъ нѣчто странное. Онъ указываетъ, что (*) «положеніе С. О. Макарова объ относительности принциповъ *подрываетъ все зданіе классификаціи* военно-морскихъ наукъ, *созданное* во Введеніи», и для г. Нордмана «нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что относительность военно-морскихъ принциповъ у него (Макарова) была тѣсно связана съ убѣжденіемъ въ ихъ *цѣлевомъ*, а не чисто *теоретическомъ* характерѣ». Это все приводится какъ подкрѣпленіе заключенія г. Нордмана «что ни стратегія, ни тактика, ни администрація (у меня сказано—организація), въ томъ видѣ какъ онѣ намѣчены у г. Кладо, не могутъ быть отнесены къ военно-морской *теоріи* въ чистомъ ея видѣ», ибо «*даже* самой общей изъ намѣченныхъ имъ военныхъ наукъ — стратегіи, изучающей сущность военныхъ явленій (приравниваемой къ *философіи* въ этой области знаній) г. Кладо присваиваетъ и такія чисто *практическія* задачи (*цѣли*) какъ напримѣръ указывать почему, что, гдѣ и какъ (когда) должно быть предпринято; въ другихъ-же менѣе общихъ военныхъ наукахъ г. Кладо—тактикѣ и военной администраціи — этотъ практическій, *цѣлевой элементъ* господствуетъ въ такой мѣрѣ,

(*) Стр. 143, 138, 127, 126 и 122. Курсивы мои.

что онѣ могутъ въ сущности всецѣло быть отнесены къ группѣ наукъ практическихъ», которыя г. Нордманъ опредѣляетъ какъ *прикладныя, цѣлевыя*—указывающія то, что должно быть, и что слѣдуетъ дѣлать, или иначе—*искусства* (см. § 42).

Казалось-бы естественнымъ г. Нордману, притягивая къ разрѣшенію этихъ вопросовъ и адмирала Макарова, привести хоть одно его мнѣніе по этимъ вопросамъ, ибо адмиралъ Макаровъ на таковыя мнѣнія не скупился. Онъ говоритъ и о томъ, что онъ причисляетъ къ теоріи и что къ искусству, и о классификаціи военныхъ наукъ. Но г. Нордманъ этихъ мнѣній его не приводитъ.

105. Адмиралъ Макаровъ допускаетъ въ «теоріи» цѣлевой элементъ. Между тѣмъ адмиралъ Макаровъ, процитировавъ слова Леера, что «стратегія и тактика, каждая сама по себѣ, имѣетъ свою науку (*теорію*) и свое искусство (приложеніе теоріи къ *жизни*)», говоритъ (*) «назначеніе тактики заключается въ томъ, чтобы *указать способы* какъ выиграть сраженіе; поэтому казалось бы, что слово искусство болѣе къ нему подходитъ, чѣмъ выраженіе наука, но, такъ какъ *наставленіе* къ веденію боя можно дать, лишь разслѣдовавъ подробно всѣ элементы *вліяющія на успѣхъ* боя, а такое изслѣдованіе есть дѣло *теоріи, т. е. науки*, то мы склонны присоединиться къ Клаузевицу и считать тактику *наукой* о боѣ».

Такимъ образомъ адмиралъ Макаровъ въ этомъ вопросѣ совершенно опредѣленно примыкаетъ къ Лееру и Клаузевицу, которые отожествляютъ понятія «наука» и «теорія», т. е. у него теорія имѣетъ опредѣленную *цѣль*—разслѣдовать элементы вліяющіе на успѣхъ боя, т. е. иначе говоря—*ведущіе къ побѣдѣ*, а искусство у него—это *практическое приложеніе*, а не прикладная наука, какъ у г. Нордмана (см. § 42), у него это—*наставленіе* къ веденію боя, т. е. область творчества, лишь руководимаго теоріей (наукой). Пусть сравнитъ это г. Нордманъ съ тѣми положеніями, которыя онъ столь рѣшительно критикуетъ у меня (см. выше), и тогда пожалуй окажется,

(*) Разсужденія по вопросамъ морской тактики. Стр. 10. Курсивы мои.

что столь-же рѣшительно ему пришлось бы раскритиковать и положеніе адмирала Макарова, который, значитъ, въ своемъ отношеніи къ принципамъ отнюдь не исходилъ изъ положеній рекомендуемыхъ г. Нордманомъ, навязываемыхъ г. Нордманомъ безъ всякихъ къ тому основаній и адмиралу Макарову.

А послѣдній отнюдь не исключаетъ возможности наукѣ именоваться *философіей* и ставить себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и *практическія цѣли,* за что на меня обрушивается г. Нордманъ.

«Тактика» говоритъ немного дальше адмиралъ Макаровъ (стр. 19) «есть наука надъ науками о морскомъ боѣ или философія морского боя» и тутъ-же резюмируетъ: «Морская тактика есть наука о морскомъ боѣ. Она изслѣдуетъ элементы, составляющіе боевую силу судовъ и *способы* наивыгоднѣйшаго ихъ употребленія въ различныхъ случаяхъ на войнѣ». А дальше онъ даетъ и дальнѣйшіе положенія о тактическомъ *искусствѣ* и *глазомѣрѣ.* «*Теоретическое* изученіе морской тактики необходимо. Это *изученіе* и практическія упражненія, указываемыя тактикой, даютъ подготовку, которая поможетъ усвоить нѣкоторые практическіе пріемы и даетъ основаніе для того, чтобы передъ боемъ и въ бою яснѣе представить положеніе дѣла и выбрать наивыгоднѣйшій образъ дѣйствій, руководствуясь исключительно собственными соображеніями и тѣмъ внутреннимъ голосомъ, который толкаетъ человѣка на смѣлые и лихіе подвиги. Выгода тактическихъ занятій въ томъ и заключается, что занимавшійся тактикой и много работавшій надъ этимъ скорѣе пріобрѣтетъ *глазомѣръ*—въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. *умѣніе ясно оцѣнить обстановку*». Прошу замѣтить г. Нордмана это опредѣленіе адмираломъ Макаровымъ глазомѣра (*) (см. § 113).

(*) А вотъ какъ говоритъ о *глазомѣрѣ* Лееръ (Методъ военныхъ наукъ, стр. 52—53): «Существованіе и польза принциповъ, справедливость которыхъ мы пытались *доказать* и путемъ *дедуктивнымъ*, и путемъ *индуктивнымъ*, и наконецъ путемъ *ссылокъ на наиболѣе замѣчательные практическіе и теоретическіе авторитеты въ военномъ дѣлѣ*, тѣмъ не менѣе оспаривается многими, конечно, не давшими и не дающими себѣ труда основательно изучить военное дѣло, продолжающими утверждать, что *оно есть дѣло только наход-*

Повторяю, привожу все это лишь для г. Нордмана, ибо въ классификаціи и опредѣленіи содержанія военныхъ наукъ, адмиралъ Макаровъ не расходится (*) съ тѣми авторитетами, мнѣнія которыхъ провожу и я въ моей книгѣ, и потому-то мнѣ и не нужно было, ни ссылаться на адмирала Макарова, ни его опровергать.

106. Мнѣніе адмирала Макарова о принципахъ противорѣчитъ мнѣніямъ выдающихся мыслителей въ области военной науки.

Также не нужно мнѣ было это дѣлать и по отношенію *къ неизмѣнности принциповъ*, и къ обоснованію на нихъ военной теоріи, такъ какъ цѣлый рядъ выдающихся военныхъ писателей съ одной стороны, и геніальныхъ практическихъ дѣятелей въ области военнаго искусства съ другой, утверждаютъ и то и другое, и многіе изъ нихъ подробно обосновываютъ эти положенія. Всѣ они безъ исключенія предлагаютъ почерпать убѣжденіе въ этихъ истинахъ

чивости, вдохновенія, короче—здраваго смысла (а не въ то же время и дѣло серьезнаго изученія). Оно, какъ и всякое другое, есть, конечно дѣло здраваго смысла, прежде всего, но только смысла, *здраво направленнаго*, а это направленіе достигается не иначе, какъ путемъ многолѣтняго, основательнаго его изученія, короче—*наукой, этой великою всенаправляющею и регулирующею силой.* Въ заключеніе замѣтимъ что стремленіе къ научнымъ обобщеніямъ, къ *раскрытію законовъ* лежащихъ въ основѣ явленій, присуще только высшему умственному развитію какъ отдѣльнаго человѣка такъ и массъ.. *Отрицаніе принциповъ,* такимъ образомъ, при извѣстныхъ условіяхъ, хотя и становится понятнымъ, но тѣмъ не менѣе остается явленіемъ все таки крайне прискорбнымъ».

Вотъ съ точки зрѣнія Леера на «здравый смыслъ» понятно выраженіе Мольтке: «стратегія, это приложеніе здраваго человѣческаго смысла къ веденію войны». Васильевъ. Вѣчное и неизмѣнное... Блескъ военной мысли. 1912 г. стр. 169.

Полезно сопоставить вышеприведенныя мнѣнія съ опредѣленіемъ О. Конта, который говорилъ. что позитивная философія—это «обобщенный и приведенный въ систему здравый смыслъ» статья Вл. Соловьева въ энцикл. сл. Бр. и Эфр. т. XVI, стр. 124—127.

О «здравомъ смыслѣ» и «принципахъ» см. у меня во «Введеніи» стр. 112—113, 230—231, 291—294, 314, 320, 334, 336, 339, 341, 353, 358—360, 367, 375.

(*) «Наши разсужденія по сему предмету (систематизаціи науки) не идутъ въ разрѣзъ съ нашими главными современными авторитетами, какъ генералы Драгомировъ и Лееръ». Макаровъ. Разсужденія по морской тактикѣ. Стр. 17.

изъ исторіи (*). Всѣ создатели стратегіи какъ науки (теоріи стратегіи), принимались за нее лишь послѣ цѣлаго ряда историческихъ трудовъ, и именно такимъ путемъ они обосновывали *принципы*, выводя отсюда-же, и изъ неизмѣнности (**) основныхъ элементовъ духовной стороны человѣка, *неизмѣнность* этихъ принциповъ.

107. Жомини о «принципахъ». Вотъ напр. какъ говоритъ о принципахъ Жомини (***). «Во *всѣ* времена существовали основныя начала, на которыхъ основываются *всѣ* искусныя комбинаціи на войнѣ, и къ которымъ *всѣ* онѣ должны быть отнесены для того, чтобы судить объ ихъ истинномъ достоинствѣ. *Начала эти неизмѣнны, независимы отъ рода оружія, времени и мѣста.* Геній и опытъ указываютъ тѣ измѣненія, которымъ подвержено ихъ *приложеніе*. Въ теченіи 30 вѣковъ были полководцы, примѣнявшіе ихъ къ дѣлу болѣе или менѣе удачно... Сравнивая причины побѣдъ въ древнія времена съ таковыми-же

(*) См. Этюды по стратегіи II (въ особенности § 5)—IV и VI.

(**) Драгомировъ, говоря о Суворовской «наукѣ побѣждать» указываетъ (см. тактика, стр. 459), что духъ ея «остается вѣчно юнымъ и неизмѣннымъ, какъ *неизмѣнна нравственная природа человѣка.* Можетъ мѣняться оружіе, а вмѣстѣ съ нимъ и формы дѣйствій, но руки, которыя дѣйствуютъ оружіемъ, но сердце, которое приводитъ эти руки въ движеніе, *вѣчно останутся одни и тѣ-же*».

«Нравственная природа человѣка въ своихъ внутреннихъ субъективныхъ основахъ неизмѣнна». Вл. Соловьевъ оправданіе добра. Второе изд. 1899 г. Стр. 325.

«Чтобы представить себѣ при какихъ условіяхъ совершались факты прошлаго» говорятъ французскіе историки Ланглуа и Сеньобосъ (см. ихъ «Введеніе къ изученіе исторій» стр. 179—180) «надо изучать, путемъ наблюденія современнаго человѣчества, при какихъ условіяхъ происходятъ аналогичные факты настоящаго... Существуютъ столь необходимыя и столь очевидныя условія человѣческой жизни, что для установленія ихъ достаточно самого простого наблюденія. Эти условія *общія* всему человѣчеству; они порождаются физіологической организаціей, создающей матеріальныя потребности человѣка и психологической, создающей привычки его поведенія... Человѣческія дѣйствія, составляющія предметъ исторіи, различаются между собою по времени и мѣсту, какъ различаются и люди и общества... Но эти различія заключены въ предѣлы общихъ условій человѣческой жизни; они суть не что иное, какъ разновидности извѣстныхъ способовъ дѣйствій и существованія, свойственныхъ всему человѣчеству, или, по крайней мѣрѣ, громадному большинству людей».

(***) Traité des grandes opérations militaires. Гл. XXXV.

въ новѣйшія, невольно удивляешься, что сраженія при Ваграмѣ, Фарсалѣ и Каннахъ были выиграны, благодаря *однимъ и тѣмъ-же первоначальнымъ причинамъ*». Говоря про труды военныхъ писателей, не видѣвшихъ, что главныя причины успѣховъ и неудачъ на войнѣ зависятъ отъ *умѣнья* (искусства) приложенія этихъ основныхъ началъ, Жомини заключаетъ: «результатомъ этихъ утомительныхъ диссертацій было то, что многіе изъ военныхъ, достойныхъ даже полнаго уваженія, пришли къ заключенію, что на войнѣ нѣтъ руководящихъ основныхъ научныхъ началъ,—*заблужденіе нелѣпое*, и ничѣмъ необъяснимое. Безъ сомнѣнія *не существуетъ системъ безусловно хорошихъ*... Совершенно въ иномъ видѣ представляются *принципы. Они неизмѣнны*: человѣческій умъ не въ силахъ ихъ ни измѣнить, ни разрушить. *Чтобы дать вѣрное понятіе о войнѣ*, военнымъ писателямъ слѣдовало-бы, вмѣсто измышленія нелѣпыхъ системъ, уничтожающихъ одна другую, *начать съ установки принциповъ*, которые ложатся въ основаніе *всѣхъ* комбинацій. Это, конечно, потребовало-бы большого *труда*, но въ то же время привело-бы къ положительному результату. *Тогда* навѣрно не нашлось-бы такъ много невѣрующихъ въ существованіе *науки*».

108. Лееръ о «принципахъ». «Принципы» говоритъ Лееръ (*), «общія отправныя точки для рѣшенія военныхъ вопросовъ *безусловны*, т. е. *всегда* справедливы, независимо отъ условій оружія, времени и мѣста... Задача теоріи стратегіи—выяснить *неизмѣнную сущность* (природу, свойства) стратегическихъ элементовъ, ихъ вліяніе одного на другой и тѣ отношенія, въ которыя, въ стратегическихъ комбинаціяхъ, становится эта неизмѣнная сущность, т. е. *принципіальная сторона* дѣла, къ измѣняющейся до безконечности *формальной сторонѣ*, его, къ обстановкѣ (условіямъ силы, времени, мѣста, данной воли противника,.. Послѣдняя задача удобнѣе всего разрѣшается путемъ отнесенія разбора образцовъ стратегическаго искусства (въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ) къ весьма ограниченному числу основныхъ истинъ—принциповъ,

(*) Стратегія. Ч. I. Изданіе 5-е, стр. 24—25. Курсивы автора.

составляющихъ основу всей стратегіи». Въ другомъ мѣстѣ (стр. 230) онъ формулируетъ это положеніе такъ: «Задача *теоріи стратегіи, стратегіи науки*, сводится къ: 1) *установкѣ руководящихъ, вѣчно неизмѣнныхъ началъ (принциповъ), ложащихся въ основаніе рѣшенія того или другого стратегическаго вопроса, и 2) изслѣдованію свойствъ наиболѣе типичныхъ формъ ихъ приложенія*, выразителемъ чего и служатъ частныя обобщенія, тѣ формулы теоріи, которыя называются *«правилами»*. Всѣ курсивы принадлежатъ автору. «А въ своемъ изслѣдованіи «Методъ военныхъ наукъ» (стр. 43), онъ говоритъ: «существованіе неизмѣнныхъ принциповъ мною *доказано* какъ путемъ *выводнымъ, аналитическимъ*, отправляясь отъ фактовъ міра вещественнаго (посредствомъ изслѣдованія историческихъ фактовъ), такъ и путемъ *дедуктивнымъ*, принявъ за отправную точку нѣсколько психологическихъ аксіомъ, т. е. отъ міра духовнаго. Для еще большаго контроля выводовъ, слѣдуетъ теперь обратиться къ третьему пути, *догматическому*, къ мнѣніямъ и взглядамъ на разсматриваемый вопросъ военныхъ авторитетовъ, *практическихъ* и *теоретическихъ*. Мнѣнія ихъ въ общемъ сводятся къ *полному признанію* существованія въ военномъ искусствѣ *неизмѣнныхъ принциповъ*, подверженныхъ въ *примѣненіи* безконечно—разнообразнымъ *видоизмѣненіемъ*» (см. также его «стратегію, стр. 213).

Заключая свое изслѣдованіе о принципахъ, въ которыхъ, по его словамъ «выражается весь теоретическій фондъ дѣла», и перечисливъ ихъ, Лееръ говоритъ (*): «Таковы простыя и *вѣчно неизмѣнныя* истины *(азбука дѣла)*, прочные устои для вѣчно измѣняющихся и совершенствующихся прикладныхъ частей науки (**) и искусства» (***). Этимъ, т. е. окончательнымъ формулированіемъ принциповъ, Лееръ заканчиваетъ то, что онъ называетъ *чистой теоріей* стратегіи, т. е. выводъ и обоснованіе принциповъ входитъ у него въ *чистую* теоретическую стратегію, а не въ прикладную (****).

(*) Тамъ-же, стр. 228—229.

(**) Т. е. прикладной стратегіи.

(***) Т. е. практическаго умѣнья.

(****) О принадлежности «принциповъ» къ «чистой» стратегіи см. выноску къ § 46.

Г. Нордманъ негодуетъ на меня за то, что я объясняю непризнаніе неизмѣнности и безусловности принциповъ путаницей въ основныхъ понятіяхъ. Это вынуждаетъ меня обратиться опять къ Лееру, который по поводу отношенія къ принципамъ, приводитъ слѣдующія слова генерала Ронья, какъ весьма мѣтко формулирующія взгляды на этотъ предметъ Ллойда, Жомини, Наполеона, Клаузевица, Бисмарка, Деккера и другихъ. Вотъ эти слова (*): «Военное искусство основано на *неизмѣнныхъ началахъ.* Невѣжды пренебрегутъ изученіемъ ихъ, глупцы надъ ними будутъ издѣваться («les fous s'en moqueront»), люди ограниченные имъ будутъ слѣдовать слѣпо, машинально и часто некстати, одни только талантливые люди, *которые будутъ въ состояніи дойти до сознанія ихъ духа,* сумѣютъ примѣнять ихъ къ дѣлу».

109. Отчего адмиралъ Макаровъ высказываетъ ошибочныя мнѣнія о «принципахъ».

Спрашивается—отчего-же Макаровъ, человѣкъ несомнѣнно талантливый выражаетъ сомнѣніе въ безусловности принциповъ?

Во первыхъ, просто потому, что онъ, употребляя слово «принципъ», подразумѣваетъ подъ нимъ совсѣмъ не то, что принято подразумѣвать подъ этимъ словомъ въ военной наукѣ. А во-вторыхъ, онъ пренебрегъ совѣтомъ Жомини (см. выше § 107), и написалъ свои «Разсужденія по Морской тактикѣ», не предпославъ имъ установленіе принциповъ, и потому трудъ его, достойный во многихъ отношеніяхъ, вылился въ изложеніе *системы,* безъ подведенія подъ нее принципіальнаго фундамента.

А что-же адмиралъ Макаровъ принималъ за «принципы»? Да ничто иное, какъ «частныя правила» (см. выше, § 108), т. е. лишь *типичныя формы* приложенія принциповъ къ типичнымъ обстановкамъ, которыя конечно не безусловны. Это я и выяснилъ нагляднымъ и подробно изложеннымъ примѣромъ (**), но г. Нордманъ, для меня по крайней мѣрѣ, очевидно незнакомый съ существующимъ состояніемъ военной науки и съ изложеніемъ ея дѣйствительными въ ней

(*) Лееръ. Стратегія. Ч. I. 5-е изд. стр. 224. Курсивы автора.

(**) См. «Введеніе» стр. 114—117. Также VI этюдъ по стратегіи § 19—20. М. Сб. 1914 г. № 1.

авторитетами, этого не понялъ, и этотъ примѣръ выпустилъ (см. § 102), и навязываетъ мнѣ никогда не существовавшую у меня мысль—опровергнуть мнѣніе Макарова о безусловности принциповъ именно для того, что безъ этого яко-бы рушится все ученіе о неизмѣнности принциповъ.

110. Почему я не «доказывалъ» безусловность «принциповъ» адмиралу Макарову и не буду доказывать этого и г. Нордману.

Г. Нордманъ требуетъ, чтобы я *доказалъ* эту «безусловность» Макарову, а такъ какъ я этого не доказалъ, то онъ, примыкая къ адмиралу Макарову, полагаетъ, что основная моя ошибка, фатально заставляющая меня приходить къ ошибочнымъ выводамъ—это высказанное мною положеніе, что въ основѣ теоріи военной науки лежатъ именно неизмѣнные принципы, формулирующіе тѣ неизмѣнные отъ обстановки элементы, которые ведутъ къ успѣху (побѣдѣ) на войнѣ. Увы, я не *доказывалъ* это адмиралу Макарову, ибо это и не было моей задачей, и не буду *доказывать* это и г. Нордману, а просто обращу его вниманіе на необходимость сначала познакомиться съ военной наукой, а потомъ писать о ней. Вѣдь доказать—это значитъ изложить напр. всю теорію стратегіи, и когда я читаю цѣлый курсъ, тогда я это и дѣлаю, а ни въ нѣсколькихъ страницахъ, гдѣ я обращаюсь къ адмиралу Макарову, имѣющихъ совершенно другую цѣль, а не ту, которую навязываетъ мнѣ г. Нордманъ (см. § 101), а также и спеціально для г. Нордмана въ настоящей статьѣ, я не имѣю никакой возможности это «доказывать». Напр. св. кн. А. А. Ливенъ, на книгу котораго опирается г. Нордманъ, ссылаясь на основные принципы военной организаціи, не находитъ нужнымъ ихъ доказывать. Онъ считаетъ, что «они не подлежатъ обсужденію», что «они давно извѣстны и опредѣлены и ихъ можно вычитать изъ любого учебника», и что «если ихъ оспаривать, то можно критиковать и таблицу умноженія» (*).

Г. Нордманъ нѣсколько разъ очень настойчиво утверждаетъ, что основной недостатокъ мой—эта замѣна обыкновеннаго исканія истины—доказательствомъ заранѣе мною считающимися непререкаемыми истинъ (стр. 235).

(*) «Духъ и дисциплина въ нашемъ флотѣ». Стр. 126.

Но вѣдь я не виноватъ, что дѣйствительно эти истины давно безъ меня найдены и обоснованы цѣлымъ рядомъ военныхъ ученыхъ и военныхъ дѣятелей, и тѣмъ паче не виноватъ въ томъ, что это, повидимому, совершенно неизвѣстно г. Нордману. Вѣдь этакъ можно поставить въ упрекъ каждому, который доказываетъ какую либо теорему въ геометріи, что онъ знаетъ тотъ выводъ, къ которому онъ придетъ. А между тѣмъ все продолжаютъ и писать курсы геометріи и преподавать эту науку, умножая и совершенствуя даже въ такой точной наукѣ и способы доказательствъ, и примѣненіе полученныхъ выводовъ и многое другое. И если-бы, при моей ссылкѣ напр. на теорему Пиѳагора, отъ меня неизмѣнно требовали-бы и ея доказательства, то я имѣлъ-бы полное право отослать сомнѣвающагося къ элементарному курсу геометріи. Вотъ почему я не нахожу никакого другого выхода, какъ указать на необходимость г. Нордману ознакомиться, ну напр. хотя-бы съ курсомъ стратегіи Леера.

Вотъ почему я ничего не доказывалъ и адмиралу Макарову, а просто указалъ—*отчего* онъ ошибся. А что онъ ошибся—это для меня, съ точки зрѣнія военной науки, не представляло никакихъ сомнѣній.

111. Адмиралъ Макаровъ смѣшиваетъ «безусловный» принципъ съ «условнымъ» правиломъ.

Ошибся-же онъ оттого, что принялъ за *безусловный* принципъ—*условное* правило. Такъ какъ г. Нордманъ эту часть моего изложенія выпустилъ въ своей цитатѣ, приходится мнѣ о ней напомнить. Вотъ небольшая часть изъ пропущеннаго (*): «Заговоривъ о принципахъ вообще» говоритъ адмиралъ Макаровъ «позволю себѣ сказать еще разъ, что къ нимъ надо относиться осмотрительно. Коломбъ и Мэхэнъ проповѣдуютъ, что раньше, чѣмъ предпринимать десантную экспедицію, нужно уничтожить военный флотъ противника. Руководствуясь этими *принципами*, и. т. д...».

Вѣдь ясно, что тутъ адмиралъ Макаровъ принимаетъ за принципъ правило. Въ другомъ мѣстѣ (**) онъ говоритъ:

(*) «Введеніе», стр. 111—117.
(**) Разсужденія по Морской Тактикѣ. Стр. 12.

«*принципъ* оставленія части войскъ въ резервѣ—для сухопутныхъ есть основной».

Опять таки ясно, что и здѣсь онъ говоритъ о правилѣ. Оба эти правила суть *частныя* приложенія *принципа безопасности операціи*, суть извѣстныя *формы*, въ которыя выливается принципъ въ его приложеніи къ *типичнымъ* обстановкамъ. Въ первомъ случаѣ—къ перевозкѣ десанта моремъ, а во второмъ—къ построенію войскъ для боя на сушѣ.

Дальше я показалъ, какъ, примѣнивъ невѣрное представленіе о принципѣ къ разбору дѣйствій адмирала Ито въ японо-китайской войнѣ, адмиралъ Макаровъ пришелъ къ явно невѣрному заключенію о правильности дѣйствій адмирала Ито (*).

112. Возстающіе противъ «принциповъ» ошибочно приписываютъ имъ характеръ «рецептуры».

Вообще я держусь того мнѣнія, и въ моихъ этюдахъ по стратегіи (**) я приводилъ тому многочисленные примѣры, что уклоненіе отъ обоснованія какой либо системы разсужденій о войнѣ на неизмѣнныхъ принципахъ, всегда ведетъ въ болѣе или менѣе значительной мѣрѣ къ *рецептурѣ*, т. е. къ тому, что органически противно военной наукѣ—*теоріи* военнаго дѣла. Я показалъ это на примѣрѣ Шлихтинга, Коломба, Мэхэна, Лабреса, и другихъ. Я показалъ также, что во многихъ случаяхъ тѣ, которые возставали яко-бы противъ «принциповъ», принимали за нихъ нѣчто другое, и придавали имъ «рецептурный» характеръ, и по существу возражали не противъ настоящихъ «принциповъ», а противъ такъ или иначе замаскированныхъ «рецептовъ».

Не избѣжалъ этой участи и адмиралъ Макаровъ, и, какъ мнѣ кажется—утверждать конечно это не берусь,—подъ вліяніемъ неправильно истолкованныхъ нѣкоторыхъ выраженій Драгомирова. Сужу объ этомъ по приведенной у адмирала Макарова цитатѣ изъ тактики Драгомирова гдѣ онъ говоритъ о

(*) Не буду приводить здѣсь это пропущенное г. Нордманомъ разсужденіе, т. к. я повторилъ его въ VI этюдѣ по стратегіи, § 17—20, помѣщенномъ въ М. Сб. за 1914 г. № 1.

(**) См. этюды V и VI (М. Сб. 1913 г. №№ 11 и 12 и 1914 г. №№ 1, 2 и дальше.)

«спасительной *осторожности»* противъ безусловныхъ выводовъ. Но Драгомировъ тутъ-же совершенно ясно опредѣляетъ о чемъ идетъ рѣчь. «Словесный выводъ, сдѣланный изъ извѣстныхъ данныхъ и при *извѣстной обстановкѣ,* пускаютъ гулять по свѣту, какъ безусловный, т. е. вѣрный при всякой обстановкѣ. Быть на сторожѣ противъ подобной односторонности нужно во всемъ и всегда, тѣмъ болѣе, что всякій односторонній выводъ заманчивъ, ибо всегда бываетъ весьма нагляденъ. Можно указать на цѣлыя эпохи, служившія подобнымъ одностороннимъ мнѣніямъ и, разумѣется, приводившія къ катастрофамъ».

Но вѣдь ясно, что здѣсь рѣчь идетъ не о «принципахъ», которые никѣмъ не выводятся изъ «извѣстной обстановки». Напротивъ — вліяніе обстановки тщательно устраняется изъ этихъ выводовъ, во-первыхъ посредствомъ подбора обстановокъ самыхъ различныхъ, а во-вторыхъ — посредствомъ параллельнаго ихъ вывода изъ сущности войны (*). То что указываетъ Драгомировъ—это типичный «рецептъ», дѣйствительно процвѣтающій, благодаря человѣческой ограниченности, инертности и рутинѣ (**), и формы *приложенія* принциповъ къ извѣстной обстановкѣ, или такъ называемыя въ военной наукѣ «правила» и «нормы», сплошь и рядомъ превращаются въ «рецепты». Но противъ этого энергично возстаетъ военная наука, базирующаяся на «принципахъ».

113. Что должно обозначать слово «осторожно» по отношенію къ примѣненію «принциповъ».

Вотъ и адмиралъ Макаровъ совѣтуетъ относиться «осторожно» къ *нѣкоторымъ* принципамъ. Но я уже показалъ, что онъ не дѣлаетъ различія между «принципомъ» и «правиломъ». А затѣмъ слово «осторожно» собственно ничего опредѣленнаго не означаетъ. Понятно—осторожность должна быть во всякомъ серьезномъ дѣлѣ. Въ военной-же наукѣ имѣется совершенно опредѣленное отношеніе къ принципу, а именно, что

(*) Главныя основы теоріи тактики и стратегіи—принципы, по мнѣнію Леера «могутъ быть, мало того—должны быть, выводимы изъ *духовной* стороны дѣла, какъ того и требовалъ Наполеонъ». Методъ военныхъ наукъ. Стр. 41.

(**) См. «Введеніе», мой опытъ изслѣдованія о вліяніи «рутины».

принципъ—*безусловенъ*, а *примѣненіе* его условно, т. е. зависитъ отъ обстановки. При полной безусловности принципа вѣрность примѣненія его къ обстановкѣ зависитъ отъ *умѣнья* (искусства) ее оцѣнить, и это умѣнье и носитъ названіе *глазомѣра*, и такъ понимаетъ глазомѣръ и самъ адмиралъ Макаровъ (см. выше § 105). Но цѣль этой оцѣнки — приложить наилучшимъ образомъ вѣчный, безусловный принципъ,—найти самую лучшую, въ данномъ конкретномъ случаѣ—*форму* для его приложенія. Такимъ образомъ ученіе о безусловности принциповъ,—о положеніи ихъ въ основу военной теоріи, никоимъ образомъ не противорѣчитъ огромной важности глазомѣра, какъ умѣнья разобраться въ обстановкѣ, чтобы выбрать наилучшую форму для приложенія принциповъ. Г. Нордманъ этого совершенно не понялъ, и въ изложеніи моей яко-бы «полемики» съ адмираломъ Макаровымъ выставляетъ его, какъ совѣтующаго относиться къ принципамъ «осторожно», и считающаго что при практическомъ примѣненіи «важнѣе всего» глазомѣръ, такъ какъ здѣсь повелѣваетъ обстановка, а меня—какъ яко-бы не признающаго ни «осторожности», ни «обстановки». Считаю себя вынужденнымъ самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовать противъ этого.

Я, дѣйствительно, не употребляю совершенно неопредѣленнаго слова «осторожно», а также не говорю про глазомѣръ, что онъ «важнѣе всего», ибо считаю одинаково важными и принципы и глазомѣръ. Но ученіе о томъ, что «обстановка повелѣваетъ» при практическомъ приложеніи выводовъ и теоріи, у меня проведено совершенно опредѣленно и подробно и утвердительно. Пусть всякій, желающій въ этомъ убѣдиться, прочтетъ всѣ тѣ мѣста моей книги, гдѣ я говорю о глазомѣрѣ и обстановкѣ, (*) пусть не имѣющіе подъ руками моей книги, прочтутъ три первыхъ моихъ этюда по стратегіи (**). И вмѣстѣ съ тѣмъ пусть г. Нордманъ укажетъ въ моей книгѣ, либо въ этихъ этюдахъ, либо въ какомъ нибудь моемъ трудѣ, хотя-бы малѣйшій намекъ на рецептурность принциповъ,

---

(*) Это легко сдѣлать по алфавитному указателю понятій, приложенному къ «Введенію».

(**) М. Сб. 1913 г. №№ 1, 2, 5 и 6.

на умаленіе значенія обстановки въ области практическаго ихъ примѣненія. И если этого ему сдѣлать не удастся, а въ этомъ я совершенно убѣжденъ, то пусть онъ и не выставляетъ меня противникомъ Макарова въ этомъ отношеніи. Повторяю—вся цѣль моего обращенія къ Макарову въ данномъ случаѣ—выяснить сбивчивость его пониманія «принциповъ», и показать какъ эта сбивчивость привела *даже его* къ невѣрнымъ заключеніямъ. А сбивчивость эта мною совершенно выяснена.

114. «Принципы» нераздѣльны, и нельзя «разно» относиться къ «разнымъ» принципамъ.

Я-бы даже не возставалъ противъ совѣта Макарова относиться къ принципамъ «осторожно», подразумѣвая подъ этимъ словомъ лишь протестъ противъ взгляда на принципы какъ на рецепты (*) Но противъ чего я возсталъ у адмирала Макарова и противъ чего возстаю и теперь, это противъ утвержденія, что *одинъ* принципъ для насъ годится безъ оговорокъ, а *другой*—лишь съ оговоркой объ осторожности. Въ этомъ именно ярко проявляется сбивчивость понятія о принципѣ, какъ о таковомъ, такъ какъ безусловность всѣхъ принциповъ совершенно одинакова, (*) и они на столько всѣ крѣпко между собою связаны, изображая въ своей *совокупности* независимые отъ какой либо обстановки элементы успѣха, и вытекая одинъ изъ другого, что раздѣлять ихъ по значенію для сухопутной и морской войны—это значитъ не понимать ихъ. Вотъ по отношенію къ «правиламъ« и «нормамъ» это вполнѣ законно. И разъ адмиралъ Макаровъ явно мѣшаетъ «принципы» съ «правилами», что ошибочно, то понятна и ошибка его объ «осторожномъ» отношеніи къ *одному* изъ принциповъ. А одна ошибка ведетъ за собою другія. Откуда напр. адмиралъ Макаровъ взялъ, что принципъ взаимной

(*) См. напр. VI этюдъ по стратегіи §§ 34 и 35. М. Сб. за 1914 г. № 2.

(**) «Въ *чистой спекулятивной,* стратегіи («чистая теорія». Стратегія I т. V изд. стр. 301) всѣ принципы имѣютъ одинаковое значеніе, всѣ равно важны; въ *прикладной*-же, смотря по требованіямъ *обстановки,* въ томъ или другомъ частномъ случаѣ, одному изъ нихъ будетъ принадлежать *главное* значеніе, а всѣмъ остальнымъ—подчиненное. Главнымъ, рѣшающимъ принципомъ ставится *цѣль:* всѣ остальные-же являются уже въ видѣ *средствъ* къ достиженію этой цѣли» Лееръ. Методъ военныхъ наукъ стр. 24.

поддержки, къ которому онъ совѣтуетъ относиться въ морской войнѣ осторожно, на сухомъ пути «ставится во главѣ военнаго дѣла». Напр. Лееръ, перечисляя принципы въ своей стратегіи (см. выше), не упоминаетъ отдѣльно о принципѣ взаимной поддержки, такъ какъ онъ заключенъ въ принципѣ сосредоточенія силъ, въ принципѣ обезпеченія операціи, и принципѣ внутренней ея цѣлости. Опять таки это не означаетъ его пренебреженія къ этому принципу, ибо во многихъ мѣстахъ и этого своего труда и въ другихъ (напр. «Методъ военныхъ наукъ») онъ постоянно говоритъ о немъ.

115. «Принципы», какъ-бы они ни выражались различными писателями, опредѣляютъ все ту-же, неизмѣнную природу духовнаго элемента (*) въ обстановкѣ войны.

Вообще различные писатели, и даже тѣ-же писатели въ различныхъ мѣстахъ своихъ трудовъ, формулируютъ принципы различными словами и выраженіями, и это вполнѣ понятно. Принципы составляютъ *одно въ своей совокупности* — а именно совокупность неизмѣнныхъ элементовъ успѣха на войнѣ, выведенныхъ — какимъ-бы путемъ ни дѣлался этотъ выводъ — изъ совокупности моральныхъ элементовъ, неизмѣнной по своей сущности, природы человѣка, поставленнаго въ условія подготовки и веденія вооруженной борьбы. Совокупность эта, заключая въ себѣ все ту-же сущность, *по внѣшности* своей многогранна, и грани эти опредѣляются разными людьми разными словами, но съ однимъ и тѣмъ-же стремленіемъ — посредствомъ опредѣленія граней формулировать все ту-же сущность. Вотъ почему у военныхъ писателей говорится все о той-же неизмѣнной сущности, о той-же природѣ войны, о природѣ человѣка въ обстановкѣ войны, и въ общемъ эта формулировка едина, и кладется въ основу всѣхъ военныхъ мыслей, въ основу военной теоріи, а различные элементы этой формулировки, въ за-

---

(*) Основной законъ войны-это главенство духовнаго элемента въ явленіяхъ войны. См. профессоръ Головинъ. Собраніе статей, стр. 7. Положеніе «принциповъ», опредѣляющихъ «природу» этого элемента, въ основу военной теоріи и представляетъ изъ себя слѣдованіе этому основному закону. «Главныя основы (принципы) тактики могутъ быть, мало того — должны быть, выводимы изъ *духовной* стороны, какъ того требовалъ Наполеонъ... То-же относится и къ стратегіи... Такова главная задача, идущаго намъ на смѣну, молодого военнаго поколѣнія». Лееръ. Методъ военныхъ наукъ. Стр. 41—42.

висимости отъ субъективныхъ свойствъ каждаго, въ видѣ отдѣльныхъ принциповъ, имѣютъ по внѣшности различный видъ, заключаясь или одинъ въ другомъ, или перекрывая другъ друга въ самыхъ различныхъ комбинаціяхъ. Но изображая неизмѣнную сущность посредствомъ изображенія той или другой комбинаціи ея граней, нельзя *видоизмѣнить* эту сущность; какъ говоритъ Жомини, человѣческій умъ не въ силахъ ее ни измѣнить, ни разрушить. Вотъ почему нельзя говорить такъ *различно* о *различныхъ* принципахъ, какъ это дѣлаетъ Макаровъ. Ко *всѣмъ* принципамъ, т. е. ко всей ихъ совокупности, надо относиться *одинаково* осторожно, если понимать подъ осторожностью *выборъ формы ихъ примѣненія*, или вѣрнѣе—выборъ формы примѣненія всей совокупности ихъ, сообразно конкретной обстановкѣ.

И *одинаково* надо быть готовымъ обосновывать свои рѣшенія на всякомъ отдѣльномъ принципѣ, или на любой ихъ комбинаціи, пока обстановка не приняла совершенно опредѣленный видъ.

116. Ошибочное пониманіе адмираломъ Макаровымъ сущности «принциповъ» приводитъ его къ «рецептурѣ».

Иначе неизбѣженъ сдвигъ въ сторону рецепта, отъ котораго не можетъ уберечься даже такой талантъ какъ адмиралъ Макаровъ. Это рецептъ (особый для суши и для моря)—думать, что на сухомъ пути люди (и генералы и солдаты) могутъ быть стойки «только» при увѣренности, что въ критическую минуту къ нимъ подоспѣетъ помощь, а на морѣ это будетъ иначе. Это не будетъ «только» ни на сушѣ, ни на морѣ, и вѣроятность этого «только» совершенно не зависитъ отъ того—гдѣ происходитъ вооруженная борьба—на сушѣ, на морѣ, или въ воздухѣ.

Почему адмиралъ Макаровъ думаетъ, что если корабли будутъ руководствоваться принципомъ взаимной поддержки, то они ни о чемъ другомъ въ бою не будутъ думать какъ «только о помощи другъ другу»? И почему онъ думаетъ, что при этомъ «только», они «непремѣнно» будутъ разбиты непріятелемъ; а если-бы это «только» относилось къ принципу сосредоточенія силъ, который онъ допускаетъ на равныхъ правахъ, какъ въ сухопутной, такъ и въ морской обстанов-

кахъ, этого произойти не можетъ? *Слѣпое* примѣненіе *любого* принципа, несообразованное съ обстановкой, непремѣнно выразится уменьшеніемъ шансовъ успѣха. Почему онъ, говоря, что «принципъ взаимной помощи *морякамъ* надо понимать въ смыслѣ дружнаго нападеніе на врага», какъ-бы противопоставляетъ это пониманіе тому, какъ понимаютъ этотъ принципъ на сушѣ? Въ этомъ онъ просто опять ошибается. Онъ боится «что командиръ *усвоившій* себѣ принципъ взаимной поддержки, можетъ въ жаркомъ бою выпустить изъ рукъ судно, которое почти разбито и не оказываетъ сопротивленія, и устремится на помощь своему судну, атакованному болѣе сильнымъ противникомъ». И это по его мнѣнію значитъ «усвоить» принципъ взаимной поддержки! Но вѣдь такое «усвоеніе»—это и есть «рецептура», и неужели адмиралъ Макаровъ другого «усвоенія» себѣ не представляетъ? И самъ адмиралъ Макаровъ впадаетъ въ «рецептуру», совсѣмъ не допуская той формы примѣненія принципа взаимной поддержки, которой онъ «боится». А между тѣмъ недалеко ходить за примѣромъ, гдѣ адмиралъ исключительнаго военнаго таланта, а именно Нельсонъ, и въ томъ сраженіи, въ которомъ, по мнѣнію г. Нордмана, вліяніе принципа взаимной поддержки ничѣмъ не доказано, а именно въ С. Винцентскомъ бою, оцѣнилъ именно *такую* форму примѣненія этого принципа очень высоко. «Коллингвудъ» пишетъ онъ (*) «пренебрегая внѣшнимъ блескомъ *овладѣнія уже разбитымъ противникомъ*, благородно двинулся дальше чтобы *выручить* своего стараго друга и товарища, который, какъ казалось ему, находился въ *критическомъ* положеніи». И въ данномъ случаѣ, я полагаю оцѣнка Нельсона была правильной. И никто не можетъ поручиться, что такой случай не повторится вновь, и что опять именно такая форма примѣненія принципа взаимной поддержки не окажется самой цѣлесообразной. А по адмиралу Макарову выходитъ, что Коллингудъ долженъ быть безусловно осужденъ, и Джервисъ сдѣлалъ ошибку, что «не растолковалъ кому слѣдуетъ» передъ

(*) *Nicolas.* The despatches and letters of Vice-Admiral Lord Viscount Nelson. 1845. т. III, стр. 344—345. Курсивы мои.

боемъ, что такая форма примѣненія принципа взаимной поддержки недопустима.

117. Если личный составъ не «воспитанъ» въ принципахъ, безполезно ему ихъ «растолковывать» передъ боемъ.

Я-же полагаю, что командиры Джервиса дѣйствительно «усвоили» себѣ принципъ взаимной поддержки, хотя имъ никто его передъ боемъ не «растолковывалъ», а какъ они «усваивали» этотъ принципъ я уже изложилъ выше въ своемъ мѣстѣ (см. §§ 75, 76, 79, 84, 92—94), и мы видѣли, что ни о какомъ «растолковываніи» здѣсь не было и рѣчи. А адмиралъ Макаровъ находитъ нужнымъ передъ боемъ «растолковать кому слѣдуетъ», что если «у какого нибудь корабля въ бою испортится машина и онъ выйдетъ изъ строя» то, слѣдующему за нимъ, «руководствуясь принципомъ взаимной поддержки» нельзя безъ сигнала адмирала выходить изъ строя и остаться при поврежденномъ кораблѣ. Я-же опять позволяю себѣ думать, что если передъ боемъ проявится желаніе адмирала это «растолковать» своимъ командирамъ, то ни онъ, ни они, принципа взаимной поддержки совершенно не «усвоили» и ужъ тутъ никакое растолкованіе не поможетъ. Принципы не «растолковываютъ передъ боемъ», а въ нихъ «воспитывается» личный составъ, и *воспитывается* во всѣхъ принципахъ *одинаково*, воспитывается въ пониманіи всей ихъ совокупности, т. е. въ пониманіи природы войны, воспитывается въ *увѣренности*, что именно принципы служатъ исходной данной для рѣшенія всякаго вопроса, воспитывается въ *умѣньѣ* вѣрно оцѣнивать обстановку, и въ зависимости отъ этой оцѣнки, въ умѣньѣ находить *вѣрную* форму для *примѣненія принциповъ*.

113. Ошибочное пониманіе адмирала Макарова «принциповъ» привело его къ ошибочному указанію меньшей примѣнимости принципа взаимной поддержки на морѣ нежели на сушѣ.

А въ какое ложное положеніе можетъ попасть и талантъ, который узко понимаетъ принципы, и смѣшиваетъ ихъ съ правилами и нормами (частными формами примѣненія принциповъ) показываетъ примѣръ адмирала Макарова. Онъ утверждаетъ, что принципъ взаимной поддержки *менѣе* примѣнимъ на морѣ чѣмъ на сушѣ. А исторія этого совершенно не подтверждаетъ. Мы уже видѣли (см. выше §§ 76—84), какое огромное значеніе

придавали принципу взаимной поддержки въ англійскомъ флотѣ въ періодъ расцвѣта его могущества и блестящей боевой дѣятельности. Мы видѣли какъ смотрѣли на этотъ принципъ такіе люди какъ Джервисъ, Нельсонъ и Коллингвудъ. И такое отношеніе можно прослѣдить у любого большого военнаго таланта и одинаково какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Напр. про знаменитаго Рюйтера читаемъ (*): «Рюйтеръ далъ высокій образецъ военно-морского искусства, главнѣйшія и отличительныя черты котораго были: 1) правильная постановка цѣли. 2) строгое сообразованіе цѣли и средствъ, 3) *постоянное проведеніе принципа* частной побѣды и *взаимной поддержки* и. т. д.».

Передъ четвертымъ днемъ знаменитаго четырехъ-дневнаго сраженія (11—14 іюня 1666 г.) Рюйтеръ собралъ къ себѣ адмираловъ и командировъ и сказалъ имъ: «флоты англійскій и голландскій стоятъ другъ противъ друга. Вспомнимъ, что наше отечество ожидаетъ отъ насъ защиты. Непріятели, съ которыми намъ должно развѣдаться сегодня,—тѣ-же, которыхъ мы видѣли вчера передъ собою. Позаботимся *о взаимной помощи другъ другу*, и я надѣюсь, что мы пріобрѣтемъ совершенную побѣду. Идемъ на врага!».

Адмиралъ Корниловъ, выходя съ эскадрой изъ Севастополя въ октябрѣ 1853 г., писалъ въ своемъ приказѣ: «при могущемъ встрѣтиться боѣ, я не считаю нужнымъ излагать какія либо наставленія: дѣйствовать соединенно, *помогая другъ другу* и самое близкое разстояніе — по моему лучшая тактика». Адмиралъ Нахимовъ въ приказѣ передъ Синопомъ говоритъ: «не распространяясь въ наставленіяхъ, я выскажу свою мысль, что въ морскомъ дѣлѣ близкое разстояніе отъ непріятеля и *взаимная помощь другъ другу* есть лучшая тактика».

Да вообще, если приводить примѣры того огромнаго значенія которое придавали взаимной поддержкѣ выдающіеся флотоводцы, и того значенія которое она имѣла въ морскихъ бояхъ, можно никогда не кончить—на столько ихъ много, и объ особой «осторожности» при пользованіи именно принци-

(*) *Щегловъ*. Военно-морское искусство въ эпоху англо-голландскихъ войнъ. 1905. стр. 124. Примѣры на стр. 71 и дальше.

номъ взаимной поддержки и именно въ морской войнѣ, мнѣ, правду сказать, пришлось прочитать только въ очень «неосторожномъ» выраженіи адмирала Макарова, вызваннымъ, съ моей точки зрѣнія, просто его смѣшеніемъ двухъ совершенно различныхъ понятій—принципа и правила.

VI.

Объ „осторожности" въ области военной теоріи.

119. Почему особо опасны теоретическія заблужденія въ военной области. Критикуя мои представленія о принципахъ, какъ яко-бы «субъективные на веденіе морской войны взгляды изслѣдователя (т. е. мои)», которые я выдаю за «неизмѣнныя ведущія къ побѣдѣ условія» г. Нордманъ говоритъ (*): «Всякая ошибка, всякій невѣрный выводъ, получившій широкое распространеніе въ военно-морской средѣ, всякая неправильная общая идея можетъ оказаться причиной военной неудачи, а одна военная неудача иногда бываетъ рѣшающей для всего хода военно-морскихъ операцій. Теоретическое заблужденіе въ военной области можетъ поставить въ опасное положеніе если не самое существованіе государства, то его достоинство и внѣшнее могущество. Поэтому вообще къ теоретическимъ построеніямъ въ сферѣ военно-морскихъ знаній нужно относиться съ особой осторожностью, и ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ пользоваться тѣми историческими данными, о которыхъ имѣются лишь неполныя, непровѣренныя или вообще недостовѣрныя свѣдѣнія».

120. Какія я принялъ мѣры противъ опасности заблужденій въ области военной теоріи. Вотъ истинно «золотыя слова», какъ выражается г. Нордманъ по поводу мнѣній адмирала Макарова о принципахъ. Но да позволитъ мнѣ г. Нордманъ обратить ихъ и противъ него самого. Та военная теорія, которую привожу я, съ ученіемъ о неизмѣнности принциповъ и о положеніи ихъ въ основу военной теоріи, разработана первоклассными военными учеными, изъ которыхъ нѣкоторые были вмѣстѣ съ тѣмъ и

(*) Стр. 129—130.

блестящими практиками въ области военнаго искусства (*). То что проповѣдуютъ эти ученые подтверждается цѣлымъ рядомъ дѣяній выдающихся полководцевъ и флотоводцевъ, дѣйствовавшихъ въ самыя различныя эпохи и при самыхъ различныхъ обстановкахъ, и самая военная теорія, которую разработали эти ученые, имѣла главной задачей выяснить тѣ основы, на которыхъ, часто инстинктивно, базировались военные геніи, когда они одерживали свои блестящія побѣды (**). Всѣ создатели теоріи стратегіи не рѣшались приступать къ ней раньше длительной работы въ области исторіи, подготовляя пригодный для выводовъ историческій матеріалъ. Считая для себя обязательнымъ слѣдовать ихъ примѣру, и я, раньше чѣмъ выступить съ работами по военной теоріи, около 15 лѣтъ посвятилъ на изученіе и подборъ историческихъ матеріаловъ, и этимъ путемъ убѣдился въ обоснованности той военной теоріи, которая разработана корифеями военной науки въ области войны на сушѣ, и которая была-бы опровергнута, если-бы въ нашей (морской) обстановкѣ оказалось, что другія не только *формы* примѣненія принциповъ, но и самыя принципы въ чемъ нибудь отличаются отъ тѣхъ, которые ими провозглашаются какъ совершенно независящіе отъ обстановки. У этихъ-же корифеевъ я заимствовалъ въ главныхъ чертахъ и методъ изслѣдованія и обоснованія военной теоріи. Надѣюсь, этого вполнѣ достаточно, чтобы я могъ считать, что я проявилъ полную «осторожность въ теоретическихъ построеніяхъ въ сферѣ военно-морскихъ знаній», и достаточно думалъ при этомъ о вредѣ ошибочныхъ идей, могущихъ послужить причиной военной неудачи. Къ этому меня обязывала и прямая служебная отвѣтственность по занимаемой мною каѳедрѣ. Именно мысль о вредѣ ошибочныхъ идей, «могущихъ получить широкое распространеніе», руководила мною и въ указаніи явной ошибки адмирала Макарова.

121. На сколько остороженъ г. Нордманъ въ области военной теоріи.

И вотъ г. Нордманъ, упрекающій меня въ неосторожности въ теоретическихъ построеніяхъ въ сферѣ военно-морскихъ

(*) См. IV этюдъ по стратегіи. М. Сб. 1913 г. № 8.

(**) «Высшая задача теоріи» говоритъ Клаузевицъ «это указать—почему геній дѣйствовалъ такъ, а не иначе».

знаній, объявляетъ что въ излагаемомъ мною ученіи нѣтъ военной теоріи, что пытаться найти эту теорію въ исторіи — это «значитъ не понимать ни существа историческаго процесса, ни сущности историческаго изслѣдованія» (*), что приводимыя мною историческія ссылки относятся къ событіямъ не изслѣдованнымъ, а потому совершенно не доказательны, что принципы на морѣ и на сушѣ могутъ быть *различные*, что они

(*) Между тѣмъ положительно всѣ военные ученые и всѣ выдающіеся военные дѣятели единогласно утверждаютъ, что лучшій и даже единственный путь постигнуть основы военнаго дѣла—это изучать военную исторію. См. этюды по стратегіи II (въ особенности § 5), III, IV и VI, а также сочиненія Жомини, Леера, Штенцеля, Бриджа, Давелюи, Дарріюса, мысли Наполеона, Суворова и множество другихъ.

«Лучшія наставленія для будущаго» говоритъ Мольтке «мы извлекаемъ изъ собственнаго опыта, но такъ какъ этотъ послѣдній сравнительно ограниченъ, то мы должны, путемъ изученія военной исторіи, использовать чужіе примѣры». Военныя поученія фельдмаршала графа Мольтке. Оперативныя приготовленія къ сраженію. Предисловіе.

И онъ поступалъ такъ какъ училъ. Генералъ Бернгарди (см. Современная война 1912 г. т. I. стр. 31—32) говоритъ, что «генералъ Мольтке не только постоянно занимался изученіемъ военной исторіи, но особенно предавался этому изученію послѣ войны 1866 г., такъ какъ желалъ *провѣрить* тѣ выводы которые сдѣлалъ лично». Самъ Бернгарди считаетъ, что изученіе исторіи убѣждаетъ въ *закономѣрности* различныхъ явленій войны, и благодаря этому получаются основы для дѣйствій въ настоящее время и отправныя точки для будущаго.

Суворовъ совѣтуетъ: «читай Юлія Кесаря, Аннибала и Бонапарта. Генералу» говоритъ онъ, «необходимо непрерывное образованіе себя науками съ помощью чтеніевъ». Онъ указалъ даже методъ самообразованія: сначала уставъ (это нужно для ежедневнаго обихода), затѣмъ принципы, потомъ ближайшія войны (особенно свои); послѣ этого—для довершенія образованія и древнѣйшія. Незнамовъ. Требованія которыя предъявляетъ современный бой къ подготовкѣ начальниковъ и массъ. 1909. стр. 37.

«Воинъ долженъ неутомимо заниматься изслѣдованіями военныхъ дѣйствій всѣхъ временъ; отсюда онъ знакомится съ *теоріей* войны». Гр. Кламъ-Мартинецъ.

Анализъ и истолкованіе частныхъ фактовъ—это матеріалъ для доктринъ Ланглуа и Сеньобосъ. Введеніе въ изученіе исторіи. 1899. стр. 153.

«Уловить въ (частномъ историческомъ) фактѣ *принципіальную* сторону дѣла, примѣненіе того или другого *принципа* искусства, это и составляетъ *сущность научнаго изслѣдованія*» Лееръ, стратегія. Ч. I, стр. 95. Это Лееръ говоритъ, приступая къ обоснованію принциповъ, которые онъ относитъ къ «чистой» теоріи (см. выноску къ § 46 и § 108), историческимъ путемъ.

ни въ коемъ случаѣ не принадлежатъ къ составу теоріи военной науки и. т. п. Вотъ казалось-бы прекрасный случай проявить особую осторожность, ибо вѣдь опровергая меня,—это-бы ужъ куда ни шло,—г. Нордманъ опровергаетъ выводы цѣлаго ряда выдающихся военныхъ ученыхъ и военныхъ дѣятелей. Казалось-бы, что самая элементарная осторожность предписывала запастись для этого дѣйствительно солиднымъ багажемъ, и солидными основаніями для такихъ утвержденій. Но едва-ли этимъ требованіямъ удовлетворяютъ основанія г. Нордмана.

Главное его основаніе—требованіе чтобы къ военнымъ наукамъ примѣнялось ученіе о классификаціи наукъ и о методахъ изслѣдованія одной изъ германскихъ многочисленныхъ современныхъ философскихъ школъ, при чемъ г. Нордманъ такъ увѣренъ въ правотѣ и важности именно этого ученія, что по его мнѣнію другія точки зрѣнія неминуемо влекли къ заблужденіямъ. Мы видѣли выше (главы I и II), какъ «осторожно» надо относиться именно къ философскимъ ученіямъ, на сколько спорнымъ является ученіе, на которое ссылается г. Нордманъ, и на сколько мало оно относится къ области военныхъ знаній. Второе основаніе г. Нордмана—явная и случайная ошибка адмирала Макарова (см. глава V), хотя и употребляющаго слово «принципъ», но подразумѣвающаго подъ нимъ совсѣмъ не то, что понимается подъ этимъ словомъ въ военной наукѣ. И третье основаніе—голословная, безъ всякихъ объясненій, ссылка на брошюру св. кн. А. А. Ливена (см. главу VIII), какъ являющуюся «во многихъ своихъ частяхъ образчикомъ чисто теоретическаго объективнаго изслѣдованія военно-морскихъ вопросовъ». И это все. Позволю себѣ думать, что этого мало, и пожалуй г. Нордманъ оказался куда неосторожнѣе меня.

122. Г. Нордманъ придаетъ совершенно невѣрное освѣщеніе разницѣ въ мнѣніяхъ моихъ и адмирала Макарова.

Затѣмъ поставлю г. Нордману и такой упрекъ. Опровергая излагаемую мною военную теорію, и противопоставляя моимъ мнѣніямъ мнѣнія адмирала Макарова, все таки слѣдовало хоть однимъ словомъ упомянуть, что я излагаю военную

теорію Жомини, Клаузевица (*) и Леера, и что въ частномъ вопросѣ о значеніи въ морскомъ бою взаимной поддержки— мнѣнію адмирала Макарова противорѣчатъ мнѣнія Рюйтера, Джервиса, Нельсона, Корнилова, Нахимова и многихъ другихъ. И въ особенности это надо было сдѣлать, имѣя въ виду очень ограниченное распространеніе моей книги, по сравненію съ числомъ читателей Морского Сборника. А то, конечно, только *мое* мнѣніе, по сравненію съ мнѣніемъ адмирала Макарова, не можетъ разсчитывать на то вниманіе, которое будетъ справедливо ему удѣлить, если знать на чемъ оно основано.

Я совершенно убѣжденъ, что г. Нордманъ умолчалъ объ этомъ безъ всякаго предвзятаго намѣренія. Но именно это-же убѣжденіе наводитъ меня на мысль, что причина этого умолчанія — просто незнакомство г. Нордмана съ ученіями тѣхъ военныхъ мыслителей, на которыхъ я опираюсь вообще, и съ положеніемъ вопроса о взаимной поддержкѣ въ морской войнѣ въ частности.

И если это такъ, позволю себѣ повторить — *неосторожно*, г. Нордманъ, при этихъ условіяхъ касаться этихъ вопросовъ.

А моя догадка оправдывается утвержденіемъ г. Нордмана о неразработанности такихъ фактовъ какъ С. Винцентское и Трафальгарское сраженія, и о непригодности ихъ для изслѣдованія вопроса о взаимной поддержкѣ (см. главу IV). Съ такимъ тощимъ багажомъ въ области военно-морской исторіи рекомендуемая г. Нордманомъ *осторожность* должна-бы была ему подсказать, что ему не слѣдовало выходить изъ области общихъ разсужденій о классификаціи и методѣ наукъ вообще, сколь ни заманчиво (см. § 26) было воспользоваться именами С. О. Макарова и А. А. Ливена. Ибо и послѣднимъ именемъ, какъ мнѣ придется показать ниже, г. Нордманъ воспользовался столь-же неудачно, какъ и именемъ С. О. Макарова.

(*) Напр. трудъ Клаузевица «Война», на который я часто ссылаюсь носитъ названіе «*теорія* стратегіи». Вотъ и слѣдовало-бы г. Нордману доказать, что ни у Клаузевица, ни у Жомини, ни у Леера нѣтъ «чистой теоріи». Какъ это онъ не соблазнился такой благодарной (см. § 26) задачей? *Н. К.*

123. Г. Нордманъ оказалъ плохую услугу памяти адмирала Макарова.

При болѣе солидномъ багажѣ въ области военно-морской исторіи, г. Нордману быть можетъ пришла-бы въ голову мысль—да нѣтъ-ли тутъ какого недоразумѣнія, разъ адмиралъ Макаровъ расходится въ мнѣніи по вопросу о взаимной поддержкѣ съ цѣлымъ рядомъ выдающихся флотоводцевъ. А ему эта мысль не пришла, и онъ попалъ въ ложное положеніе, выдавая за проявленіе мудрости С. О. Макарова его явную ошибку.

И никакого стыда нѣтъ въ этомъ С. О. Макарову — ошибаются сплошь и рядомъ и крупные таланты, и въ особенности понятна такая ошибка со стороны такого человѣка какъ С. О. Макаровъ. Слишкомъ разностороння была его дѣятельность, и онъ не успѣвалъ обнять все, и пробѣлы въ теоріи военной науки такъ были объяснимы у людей его времени, когда этой теоріей совсѣмъ не было принято заниматься, а врожденный талантъ и здравый смыслъ не всегда могли его оберечь отъ возможныхъ ошибокъ.

И я считаю, что, указавъ на одну изъ этихъ ошибокъ, я ничѣмъ не умалилъ облика талантливаго адмирала, къ таланту котораго я всегда относился и отношусь съ полнымъ уваженіемъ, а принесъ лишь пользу, и въ смыслѣ посильнаго для меня предупрежденія противъ распространенія невѣрной мысли, особенно опасной когда она исходитъ отъ большого таланта, и въ смыслѣ очень полезнаго примѣра, что и таланты могутъ ошибаться, когда они идутъ въ разрѣзъ съ теоріей военной науки. А вотъ г. Нордманъ едва-ли возвеличилъ память С. О. Макарова, возводя его явныя ошибки въ примѣры его особой мудрости.

VII.

„Духъ и дисциплина нашего флота“ св. кн. А. А. Ливена, какъ „чистая“ военная теорія.

124. Не обоснованная категоричность утвержденій г. Нордмана вызываетъ обширность моего отвѣта.

Ограничься г. Нордманъ лишь общими положеніями о классификаціи и методѣ наукъ, изложивъ при этомъ совершенно опредѣленную классификацію военныхъ наукъ и ихъ методъ,

какъ примѣненія его общихъ положеній, я то-же могъ-бы ограничиться, сравнительно, короткимъ отвѣтомъ. Но г. Нордманъ поддался соблазну заявить, что исторію военнаго искусства я придумалъ нарочно, чтобы заполнить пробѣлъ у меня въ «чистой» теоріи, что историческія ссылки мои на С. Винцентскій и Трафальгарскій бои совершенно необоснованы, что мнѣ необходимо было «во что-бы то ни стало опровергнуть» мнѣніе адмирала Макарова о принципахъ, такъ какъ оно «подрываетъ все зданіе классификаціи военноморскихъ наукъ», принятое мною и т. п.

Вотъ все это вынудило меня на обстоятельное разъясненіе необоснованности этихъ утвержденій г. Нордмана.

И я долженъ извиниться передъ читателями, что и этимъ я не могу ограничиться, и долженъ еще разобрать и брошюру св. кн. А. А. Ливена «Духъ и дисциплина нашего флота», на которую г. Нордманъ ссылается какъ на содержащую въ себѣ «чистую» военную теорію. Опять ссылка его совершенно голословна, безъ всякихъ поясненій—гдѣ-же въ этой брошюрѣ эта теорія, въ чемъ она состоитъ, и какъ обосновать на ней зданіе военной науки. А тогда эти разъясненія ложатся на меня, ибо если я послѣдую примѣру г. Нордмана, и ограничусь простымъ отрицаніемъ его утвержденій, то это будетъ столь-же мало убѣдительно какъ и эти утвержденія.

125. Разборъ брошюры А. А. Ливена важенъ для меня и по мотивамъ личнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти я радъ возможности сказать нѣсколько словъ объ этой брошюрѣ, хотя и по мотивамъ нѣсколько личнымъ. Я глубоко сочувствую тѣмъ превосходнымъ мыслямъ, которыя изложены въ этой брошюрѣ, хотя и не согласенъ, что именно онѣ представляютъ изъ себя чистую теорію военнаго дѣла, но въ ней меня нѣсколько удивили тѣ упреки, которые были обращены авторомъ лично ко мнѣ. И такъ какъ эти упреки имѣютъ прямое отношеніе къ вопросу о томъ, что именно считать основами военной науки, то я съ нихъ и начну.

126. По мнѣнію А. А. Ливена, нашъ личный составъ передъ войной обладалъ «военнымъ знаніемъ». Въ моемъ очеркѣ военныхъ дѣйствій на морѣ во время русско-японской войны (*) я выставилъ положеніе, что

(*) Онъ былъ напечатанъ въ видѣ приложенія къ изданію В. К. А. М. «Военные флоты и морская справочная книжка на 1906 г.». См. стр. 15, 191, 131—133, 137, 151—163.

одна изъ исходныхъ основныхъ причинъ нашего пораженія— это отсутствіе передъ войной у личнаго состава «военнаго знанія», и что это оказалось фатальнымъ при наличіи и самоотверженности и выдающагося мужества (*). Эту мысль можно иллюстрировать извѣстной характеристикой нашей арміи во время войны состоявшимъ при ней французскимъ журналистомъ Людовикомъ Нодо, который озаглавилъ свои статьи о русской арміи—«Они не знали» (**).

А. А. Ливенъ энергично обрушился на меня за это, въ своей брошюрѣ. «Мы всѣ отлично знаемъ» пишетъ онъ (***) «что наши офицеры отъ адмирала до мичмана нисколько не хуже образованы, чѣмъ гдѣ либо. Они въ этомъ отношеніи во всякомъ случаѣ стоятъ *выше японцевъ* (****)... *Военно-морскими науками очень интересовались въ морской средѣ*. Были высокообразованные офицеры въ этомъ отношеніи именно среди вершителей судебъ послѣдней войны... Но и въ большой массѣ офицеровъ *военно-научныя сочиненія много читались*, и вообще теоретическія занятія были въ большомъ ходу уже потому, что практики было мало, и свободнаго времени много. *У нашихъ офицеровъ*, наоборотъ, *теоретическія знанія*, какъ въ техникѣ, такъ и *въ военно-морскихъ наукахъ очень хороши*. Иногда приходилось даже удивляться относительному невѣжеству въ такихъ вопросахъ иностранцевъ, напримѣръ англичанъ. Однако, это намъ не помѣшало надѣлать массу грубѣйшихъ ошибокъ и по подготовкѣ къ войнѣ, и при ея веденіи».

(*) Эту мысль я развилъ гораздо подробнѣе во «Введеніи», которое критикуетъ г. Нордманъ. См. стр. 336—340 и 514—528.

(**) Мольтке указываетъ, что «совершенно правильно говоритъ генералъ фонъ-Циллизенъ, что отъ «знанія къ умѣнію только одинъ скачекъ, отъ незнанія-же къ умѣнью—гораздо большій». Знаніе-же онъ предлагаетъ почерпать путемъ изученія военной исторіи. См. «Военныя поученія фельдмаршала графа Мольтке. Оперативныя приготовленія къ сраженію». Предисловіе.

(***) Стр. 8—9. Курсивы мои.

(****) Какъ странно читать это *теперь*, въ особенности послѣ превосходнаго изслѣдованія на эту тему капитана 2-го ранга кн. Черкасскаго. См. «М. Сб.» 1914 г. № 7.

По мнѣнію-же А. А. Ливена (*), «главный нашъ недугъ кроется въ неправильной и несуразной *организаціи* нашего личнаго состава».

Оставляя пока въ сторонѣ обсужденіе вопроса о томъ—что изъ чего исходитъ — «военное знаніе» изъ «военной организаціи», или наоборотъ, а значитъ и о томъ — что изъ нихъ является основой для другого, я не могу не отмѣтить этой энергичной защиты А. А. Ливеномъ положенія, что въ нашемъ флотѣ передъ войной «военное знаніе» стояло высоко, и не только не ниже, но даже выше чѣмъ въ другихъ флотахъ.

127. Почему я не возражалъ А. А. Ливену когда появилась его книга.

Я не возражалъ на это *тогда*, когда появилась книга А. А. Ливена. И не потому, чтобы я считалъ что онъ правъ. Напротивъ, я считалъ, что онъ глубоко ошибается. Но я понялъ, *отчего* онъ написалъ эти слова, я понялъ, что въ *то время* безполезно было на нихъ возражать, я понялъ что я самъ *не во время* поднялъ вопросъ о значеніи «военнаго знанія».

Нельзя и безполезно говорить о недостаткѣ «военнаго знанія» по адресу личнаго состава въ *тотъ моментъ* когда онъ только что вернулся съ войны, ознаменовавшейся цѣлымъ рядомъ неудачъ, въ корнѣ которыхъ лежалъ этотъ недостатокъ. Хотя никто лично въ этомъ личномъ составѣ ни тѣломъ ни душей не былъ повиненъ въ этомъ отсутствіи у него «военнаго знанія», но противъ такого публичнаго указанія, и въ особенности со стороны лица не участвовавшаго въ военныхъ дѣйствіяхъ, поневолѣ подымалась обида въ душѣ у людей, и безъ того измученныхъ и болѣвшихъ только что испытаннымъ униженіемъ тяжелаго пораженія, ибо очень трудно было отдѣлить «знаніе» отъ личности, и каждый принималъ это указаніе, на самомъ дѣлѣ лично ни къ кому не относившееся, на себя. Въ то время *можно* было приписывать пораженіе либо недостаткамъ въ матеріальной части, либо чему нибудь общему, не вполнѣ опредѣленному, какъ напр. «организаціи». Хотя и не въ чемъ было оправдываться каждому въ отдѣльности, но душевное состояніе было таково,

---

(*) «Духъ и дисциплина нашего флота». Стр. 2—3. Курсивы мои.

что чудилось обвиненіе во всемъ, и возможность отнести пораженіе къ «матеріальной части», къ «организаціи» принималась съ облегченіемъ, даже съ благодарностью, не задумываясь, или даже просто отгоняя отъ себя мысль о томъ, что и «матеріальная часть» и «организація»—это все продукты степени «военнаго знанія».

Вотъ, всего этого я не учелъ, и я поступилъ неосторожно, скажу даже болѣе—безтактно, выступивъ въ *то время* съ моими объясненіями пораженія. И, конечно, я былъ жестоко наказанъ за мою безтактность. Мнѣ трудно даже выразить то, что мнѣ пришлось пережить за это, и ту горечь, которая осталась во мнѣ какъ результатъ этихъ переживаній. Но я не ропщу, и не роптал и тогда, ибо сознаю и тогда сознавалъ, что виноватъ я въ этомъ только самъ, и что надо смириться, молчать, и ждать. Вотъ почему я не отвѣтилъ тогда на, несправедливые по существу, упреки А. А. Ливена, тѣмъ болѣе, что книга его не предназначалась для общаго пользованія.

Но все это *нисколько* не надломило моего убѣжденія въ правильности моего указанія на причины нашихъ военныхъ пораженій.

128. Теперь уже общепризнано, что нашъ личный составъ передъ войной не обладалъ «военнымъ знаніемъ».

Вотъ теперь, когда прошло 6 лѣтъ послѣ появленія брошюры А. А. Ливена, какъ странно читать его увѣреніе о томъ, что нашъ личный составъ передъ войной въ смыслѣ, «военнаго знанія» былъ выше другихъ! Сколько уже боевыхъ офицеровъ (*), и въ сообщеніяхъ, и въ

(*) Укажу напр. на сообщеніе въ военно-морскомъ кружкѣ К. 2 р. Кн. Черкасскаго, 17 апрѣля 1914 г. «Военныя идеи личнаго состава русскаго и японскаго флотовъ въ 1903—05 гг.». Въ программѣ сообщенія значится: «Основная причина (нашихъ неудачъ)—различіе идей, заложенныхъ въ созданіе (сооруженіе и обученіе) вооруженной силы у насъ и въ Японіи. Причина этого различія—*отсутствіе военныхъ знаній* въ широкихъ кругахъ личнаго состава русскаго флота». Курсивъ мой. Подробнѣе см. самое сообщеніе, напечатанное въ № 7 «М. Сб.» за 1914 г., напр. стр. 66 и 80.

Другая выдающаяся работа двухъ боевыхъ офицеровъ (не привожу ихъ именъ и названія работы, такъ какъ она не подлежитъ оглашенію) начинается такими словами: «Минувшая война съ Японіей ярко выяснила недостатокъ въ средѣ личнаго состава нашего флота *военнаго образованія* и общности взглядовъ какъ на примѣненіе флота на войнѣ, такъ и на дѣя-

лекціяхъ, и въ печати признали, что недоставало у нашего личнаго состава именно «военныхъ знаній», и это ярко отразилось цѣлымъ рядомъ вопіющихъ ошибокъ какъ въ подготовкѣ, такъ и въ веденіи войны. Теперь когда атмосфера достаточно прочистилась отъ послѣдствій личныхъ переживаній, нужно-ли еще доказывать этотъ фактъ, нужно-ли приводить безчисленные примѣры «военнаго незнанія»? Надѣюсь, что нѣтъ. А потому не буду этого дѣлать, чтобы не увеличивать и безъ того тѣхъ большихъ размѣровъ, которые приняла моя статья (*). Но конечно, если кто-либо еще сомнѣвается въ этомъ, и возбудитъ по этому поводу полемику, я готовъ принять въ ней участіе для посильнаго для меня выясненія этого вопроса.

129. Утвержденіе о наличіи у насъ до войны «военнаго знанія» привело А. А. Ливена къ противорѣчіямъ. И вотъ эта невольная дань, которую отдалъ А. А. Ливенъ тому времени когда онъ писалъ свою брошюру, когда нашъ личный составъ жилъ въ атмосферѣ горечи, какъ недавнихъ пораженій, такъ и разразившихся во флотѣ и въ арміи бунтовъ, внесла явное противорѣчіе въ стройный ходъ его превосходныхъ въ общемъ мыслей. Дѣйствительно, какъ-же такъ? «Военное знаніе» было, а организація, которая была причиной всѣхъ бѣдъ оказалась вся «наизнанку» (**). И самъ авторъ тутъ-же

тельность его въ бою. Результаты работы слѣдственныхъ комиссій о бояхъ 28 іюля 1904 г. и 14—15 мая 1905 г., изслѣдованія о войнѣ офицеровъ нашего флота и мнѣнія иностранныхъ военно-морскихъ писателей почти *единогласно* указываютъ на этотъ недостатокъ». Курсивы мои.

Г. Аренсъ («Морская сила и исторія» 1912 г. стр. 59) говоритъ. «Справедливость требуетъ, однако, признать, что новое направленіе у насъ военной науки, особенно ярко обозначившееся послѣ неудачной войны, явилось не совсѣмъ зря, а какъ естественная реакція противъ *военнаго невѣжества*, преимущественно процвѣтавшаго во флотѣ. Этого невѣжества не только не стыдились, но многіе даже имъ какъ будто бахвалились, опираясь на вредныя или ложно понимаемыя традиціи».

(*) Отсылаю желающихъ имѣть эти примѣры къ моему «Очерку военныхъ дѣйствій на морѣ во время русско-японской войны», и къ «Введенію въ курсъ исторіи в. м. искусства». Въ дополненіе къ нимъ можно привести сколько угодно подобныхъ-же примѣровъ.

См. также. К. Г. Житковъ. Вице-адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ. 1914 г. стр. 20, 23, 25, 26 и 37, и Баронъ Ф. Ф. Врангель. Вице-адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ. 1913 г. т. II, стр. 204, 208 и 407.

(**) Стр. 124.

прибавляетъ: «и получилась она такой вездѣ и всюду по одной и той-же причинѣ. Мы во всѣхъ своихъ взглядахъ и дѣйствіяхъ стали на невѣрную точку зрѣнія». Но вѣдь вѣрная точка зрѣнія это и есть результатъ знанія, и если во всемъ и всегда становились на невѣрную точку зрѣнія, значитъ не было «знанія». Или если оно было, то значитъ *не уважали знанія*, считали его не важнымъ, или просто *злонамѣренно* не хотѣли съ нимъ считаться. Но все это не болѣе какъ тоже отсутствіе *настоящаго* знанія, ибо если знаютъ только, отвлеченно безъ вѣры и желанія руководиться знаніемъ на дѣлѣ, эта постоянная жертва знаніемъ *всему* другому, это не есть истинное знаніе (*).

Авторъ совершенно правильно отбрасываетъ обвиненіе отдѣльныхъ лицъ въ пораженіи и разсматриваетъ причины только общія, и особенно напираетъ даже на это. Но опять допущенное имъ невѣрное положеніе о *наличіи* знанія, невольно временами сталкиваетъ его съ этого симпатичнаго пути, и опять заставляетъ его себѣ противорѣчить.

Наши ошибки, говоритъ онъ (стр. 15) «совершены не по незнанію, а по нерадѣнію». И въ этихъ словахъ онъ логиченъ. Разъ знаніе *было*, и все таки не дѣлали то что нужно, то это было уже *нерадѣніе*, т. е. тяжкая вина личнаго состава. А между тѣмъ авторъ совсѣмъ не хотѣлъ обвинять въ чемъ либо личный составъ, и повторяю—это было бы и несправедливо, и вырвалось это у него лишь какъ логическій выводъ изъ невѣрной посылки, попавшей въ его разсужденія по причинамъ чисто стихійнымъ—иначе трудно было написать участнику войны сейчасъ послѣ катастрофы, и въ то время когда флотъ былъ охваченъ бунтами.

130. Не можетъ быть «военнаго знанія» при отсутствіи «военнаго сознанія».

Правда авторъ противопоставляетъ военному *знанію* — военное *сознаніе*. Именно въ отсутствіи послѣдняго онъ видитъ причину всѣхъ бѣдъ.

(*) «Знаніе—это теоретическая дѣятельность ума, имѣющая притязаніе на объективную истину, въ отличіе отъ *мышленія* или мысли, которыя могутъ быть завѣдомо фантастичны». Владиміръ Соловьевъ. Энциклопедич. Лексиконъ.

«Для правильной оцѣнки военныхъ вопросовъ» говоритъ онъ (стр. 11) «надо быть военнымъ не только по своимъ знаніямъ, но и по своимъ чувствамъ, по своимъ взглядамъ и по своему характеру. Надо имѣть, что можно назвать въ отличіе отъ знаній военнымъ сознаніемъ, которое пріобрѣтается не образованіемъ, а воспитаніемъ».

Глубоко справедливыя слова сами по себѣ, но не гармонирующія съ положеніемъ автора, что въ нашемъ флотѣ передъ войной, при полномъ отсутствіи военнаго сознанія, имѣлось военное знаніе. Отсутствіе военнаго знанія—это прямое послѣдствіе недостатка военнаго сознанія, это одинъ изъ показателей этого недостатка. Потребность, жажда въ военномъ знаніи только и можетъ явиться у личнаго состава сознающаго себя воинами, цѣль существованія, которыхъ, какъ говоритъ А. А. Ливенъ (стр. 11) «бой, и мечта ихъ жизни—побѣда или самопожертвованіе», такъ какъ военное знаніе—это могучее средство и чтобы побѣдить, и чтобы самопожертвованіе не оказалось *безцѣльнымъ* (*). Такимъ образомъ, при отсутствіи военнаго сознанія, не можетъ быть и наличія военныхъ знаній, такъ какъ нѣтъ импульса къ поискамъ этихъ знаній и ихъ усвоенію, а тѣмъ болѣе къ ихъ проведенію въ жизнь. Сами по себѣ эти знанія могутъ существовать, могутъ преподаваться съ каѳедръ военныхъ академій и училищъ, могутъ разрабатываться отдѣльными людьми, но если въ личномъ составѣ нѣтъ сознанія въ ихъ необходимости, нѣтъ *уваженія къ военному знанію*, то этихъ знаній, въ практическомъ смыслѣ, не существуетъ. Въ пользу ихъ *не вѣрятъ* на столько, что совершенно не считаются съ ними при подготовкѣ къ войнѣ (въ мирное время), не требуютъ ихъ наличія для людей, выдвигаемыхъ на командныя должности, *презираютъ* въ лицѣ военныхъ знаній вѣковой опытъ предыдущихъ войнъ, такъ какъ забываютъ, что военное знаніе, лежащее въ основѣ *умѣнья* вести войну—это кристализированный опытъ предыдущихъ войнъ—собранное и формулированное умѣнье военныхъ

(*) См. подробнѣе объ этомъ «Введеніе въ курсъ исторіи военно-морского искусства», стр. 250—253.

геніевъ и талантовъ, однимъ словомъ — *забываютъ войну* (*). Къ военному знанію относятся съ такимъ *равнодушіемъ*, что совершенно не интересуются тѣмъ — какое направленіе принимаетъ военная наука, а эта наука безъ поддержки строя, безъ повѣрки ея людьми опыта, безъ надежды быть воспринятой ими для приложенія на дѣлѣ, легко принимаетъ самыя фантастическія формы. Авторъ «Духа и дисциплины нашего флота» правильно отмѣчаетъ (стр. 12), что военное сознаніе «засѣвшее глубоко въ сердцѣ каждаго воина только и можетъ дать ему способность правильной оцѣнки военныхъ событій и предохранить его отъ всякихъ ложныхъ направленій и заблужденій, которыми кишитъ область военной науки». Но, очевидно, при непремѣнномъ только условіи, что военное сознаніе дойдетъ до *такого* сознанія важности и необходимости военной науки, которое тоже глубоко и крѣпко засядетъ въ сердцѣ каждаго воина, что явится *такая* неутолимая жажда къ *такому* серьезному изученію военной науки, къ проникновенію до ея корней, при которомъ все легковѣсное въ ней, всѣ ложныя направленія, всѣ заблужденія сами собой отойдутъ въ сторону. Именно съ точки зрѣнія твердо усвоенныхъ основъ военной науки, при обоснованной на упорномъ трудѣ ихъ изученія увѣренности въ ихъ истинности, ложныя направленія и въ военной наукѣ и въ военномъ сознаніи явятся въ настоящемъ своемъ видѣ.

131. Когда «военное сознаніе» только «просыпается» до «военнаго знанія» еще далеко.

Какъ говоритъ А. А. Ливенъ (стр. 18) «Этимъ (отсутствіемъ военнаго сознанія) объясняется, что нашъ флотъ выказалъ такое нежеланіе сражаться. Отличительныя свойства его управленія были непониманіе военной обстановки, желаніе избѣжать боя, откладывать рѣшительную минуту, закрывать глаза на истинное положеніе дѣлъ, убаюкивать себя сказками о слабости противника, и въ то-же время увлекаться всякими пустяками до личныхъ мелкихъ ссоръ

(*) См. мою рѣчь «Адмиралъ Макаровъ и военная наука» — въ общемъ собраніи С.-Петербургскаго Военно-Морского Кружка и Общества Ревнителей Военныхъ Знаній, посвященномъ памяти вице-адмирала С. О. Макарова въ 10-ю годовщину его гибели. «М. Сб.» 1914 г. № 5.

включительно. Въ высшихъ сферахъ администраціи такъ военное сознаніе и не проснулось до самаго конца войны... Не то было въ строю». И какъ доказательство, что «военное сознаніе» проснулось въ строю онъ приводитъ цѣлый рядъ славныхъ именъ (*).

Казалось-бы чего лучше. Военное знаніе было—*лучшее* чѣмъ у нашихъ противниковъ, по увѣреніямъ автора, а военное сознаніе проснулось... а въ результатѣ тяжкое пораженіе. Отчего-же это? Да потому, что могло *проснуться* военное сознаніе—но это не значило что *явилось* военное знаніе, котораго какъ я утверждаю, также не было, и быть не могло при отсутствіи военнаго сознанія передъ войной. Именно въ увѣреніи что оно было—*основная* ошибка автора, и это увѣреніе вноситъ путаницу въ его талантливое изложеніе. Отсутствіе военнаго знанія имѣло послѣдствіемъ дурные, въ смыслѣ удовлетворенія потребностямъ войны и боя, корабли, пушки и снаряды (вѣдь не нарочно-же ихъ выбирали неподходящаго типа и качества), отсутствіе плановъ военныхъ дѣйствій (**) и. т. п.

132. Одно «военное сознаніе» безъ «военнаго знанія» дастъ «героевъ», но не «побѣдителей».

И когда *проснулось* военное сознаніе, было уже *поздно*... не было подготовленныхъ для войны средствъ, не было военнаго знанія—*не умѣли* вести бой, такъ какъ объ этомъ не думали въ мирное время (***).

(*) «Упомяну лишь», говоритъ онъ, «Кореецъ, Ретвизанъ, Новикъ, Баянъ Рюрикъ, Севастополь, Суворовъ, Александръ, Бородино, Нахимовъ, Ушаковъ, Свѣтлана, многіе миноносцы, Высокая гора въ П. Артурѣ, не говоря о мелкихъ фактахъ. Къ счастью списокъ этотъ очень длинный и доказываетъ, что-бы могло быть, если-бы насъ подготовили какъ слѣдуетъ» (стр. 18).

(**) С. О. Макаровъ отмѣчаетъ, что по поводу его предложенія въ 1897 г. основывать выборъ типовъ кораблей для борьбы съ Японіей на основаніи плановъ военныхъ дѣйствій, комиссія изъ восьми вице-адмираловъ «не признала необходимымъ разсматривать какіе нибудь планы нашихъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ». Житковъ. Свѣтлой памяти Степана Осиповича Макарова. 1912 г. стр. 86.

(***) Біографъ С. О. Макарова Баронъ Ф. Ф. Врангель характеризуетъ нашъ личный составъ въ 1895 г. такъ: «С. П. Тыртовъ (командующій соединенными морскими силами въ Тихомъ океанѣ *въ періодъ ожиданія войны* съ Японіей) былъ безспорно однимъ изъ лучшихъ нашихъ адмираловъ; онъ въ свое время былъ выдающимся старшимъ офицеромъ, былъ лихимъ коман-

А тогда, очевидно, что одно военное сознаніе, безъ военнаго знанія—могло дать и дало *героевъ*, но увы—*не побѣдителей*, а нужны государству не первые, а послѣдніе (*).

133. Трудъ А. А. Ливена—изслѣдованіе о той «обстановкѣ», въ которой «военное знаніе» можетъ быть приложено къ дѣлу.

Я отнюдь не ставлю себѣ задачей дать полный критическій разборъ труда А. А. Ливена. Это завело-бы меня слишкомъ далеко. Кромѣ того, повторяю—я считаю этотъ трудъ сборникомъ превосходныхъ и талантливо выраженныхъ мыслей о важности и роли «военнаго сознанія», о нѣкоторыхъ сторонахъ военной *организаціи*. Но я считалъ необходимымъ отмѣтить, что о военномъ *знаніи*, о военной *наукѣ*, въ этой книгѣ не говорится, тѣмъ паче нѣтъ въ ней никакого *изслѣ-*

диромъ, отлично умѣлъ держать порядокъ, бодрый духъ и усердіе на эскадрахъ, которыми онъ командовалъ; но *онъ, какъ и большинство его современниковъ, вѣроятно не ставилъ себѣ серьезно вопроса: какъ вести морской бой? Эта единственная задача, для которой существуетъ флотъ, упускалась въ ту эпоху изъ вида*—ради тысячи техническихъ мелочей...» Часть II. стр. 204. Дальше онъ такъ говоритъ про себя: «я самъ будучи молодымъ офицеромъ, всею душою предавался моему ремеслу, изучалъ его и напрягалъ всѣ силы чтобы на суднѣ, на которомъ я служу все было на высшей степени совершенства, готовъ былъ рисковать жизнью и цѣлостью членовъ, чтобы обезпечить удачу какого нибудь маневра или ученья, словомъ я былъ не дурной офицеръ. *Но я не помню, чтобы я когда нибудь задумался о томъ, какъ вести морской бой.* Зналъ только, что русское судно не сдается, что если нельзя побѣдить или съ честью уйти, то надо взорвать корабль на воздухъ. Въ этомъ кажется, заключались всѣ тактическія правила моего поколѣнія». Курсивы мои.

С. О. Макаровъ отмѣтилъ въ этотъ періодъ въ своемъ дневникѣ: «рѣшилъ что на флотѣ не хватаетъ *тактики*». Тамъ-же стр. 209.

Черезъ годъ, по поводу лекціи въ Кронштадтскомъ Морскомъ Собраніи «о морской тактикѣ какъ наукѣ», одинъ изъ выдающихся строевыхъ адмираловъ, отъ лица многихъ, энергично возсталъ противъ такой ереси, и заявилъ въ морской газетѣ (Котлинъ № 45 за 1896 г.), что «до сихъ поръ неизвѣстно было, чтобы такая наука существовала. Никакихъ трактатовъ, ни иныхъ сочиненій объ этомъ не было, кажется, за все время существованія флотовъ». И ни одинъ голосъ во флотѣ не поднялся для опроверженія такого исключительнаго по военному невѣжеству мнѣнія... Въ Морскомъ корпусѣ въ это время не было предмета «Морская тактика». И много еще можно привести примѣровъ, что о военномъ знаніи и не думали до войны, и прямо удивительно— откуда А. А. Ливенъ взялъ, что эти знанія стояли высоко въ нашемъ флотѣ.

(*) Подробнѣе см. объ этомъ «Введеніе въ н. в. м. н.». стр. 250, 422—426, 442—443 и 512—522.

дованія по военной теоріи. А. А. Ливенъ не разбиралъ этихъ вопросовъ потому, что онъ считалъ (ошибочно по моему мнѣнію), что военное знаніе въ нашемъ флотѣ было. Притомъ онъ допускаетъ (опять таки, по моему, ошибочно), что военное знаніе можетъ существовать при отсутствіи военнаго сознанія. Онъ говоритъ не о военномъ знаніи, не о военной теоріи, а лишь о той *обстановкѣ*, при которой выводы этой теоріи могутъ быть съ пользой приложены на дѣлѣ. И въ этомъ отношеніи онъ глубоко правъ *Только при наличіи военнаго сознанія въ личномъ составѣ военныя его знанія могутъ проявиться на дѣлѣ.* Я держусь того мнѣнія, что только тогда они могутъ и появиться въ личномъ составѣ и овладѣть имъ.

134. А. А. Ливенъ сознательно не затрагиваетъ въ своемъ трудѣ «теоріи» военнаго дѣла.

Но, разбирая вопросъ о той обстановкѣ, которая необходима для *приложенія* выводовъ изъ военной теоріи (военнаго знанія), авторъ, повторяю—о самой военной теоріи не говоритъ ничего. Такъ спрашивается, гдѣ нашемъ у него г. Нордманъ даже «чистую теорію» военно-морскихъ явленій? Вѣдь онъ, отрицая эту «чистую теорію» въ моей книгѣ, спрашиваетъ (стр. 144) «гдѣ-же можно найти образецъ такого изслѣдованія?. Доказана-ли осуществимость изслѣдованія на дѣлѣ?» И на это, говоритъ онъ, къ счастью можно отвѣтить утвердительно, такъ какъ существуетъ книжка св. кн. А. А. Ливена «Духъ и дисциплина во флотѣ»! А между тѣмъ эта книжка цѣликомъ посвящена тому, чего *не было* въ нашемъ флотѣ до войны, и исключительно въ смыслѣ недостатковъ его *организаціи*, и что *должно быть*, какова должна быть его организація, чтобы онъ могъ побѣждать. Уже хотя-бы по этому одному, съ точки зрѣнія самого г. Нордмана, въ этой книжкѣ нельзя было бы искать теоріи, ибо самъ онъ (стр. 122) признаетъ за теорію лишь то, что изучаетъ «что существуетъ».

«Теорія» говоритъ онъ «беретъ явленія такъ какъ они есть, изслѣдуетъ ихъ, подмѣчаетъ сходства и различія, отдѣляетъ типическое отъ индивидуальнаго, выясняетъ причинную связь, стремится отыскать закономѣрность. Но всегда отправными

пунктами теоріи является то, что существуетъ (въ болѣе или менѣе обобщенной формѣ)». Напрасно онъ не нашелъ возможнымъ показать, какъ все это осуществлено въ брошюрѣ А. А. Ливена, и въ чемъ-же состоитъ по этой брошюрѣ «чистая теорія» военно-морскихъ явленій. А безъ того его утвержденіе становится совершенно голословнымъ. Мысль, проникающая весь трудъ А. А. Ливена, такая: *«имѣй правильно воспитанный и правильно думающій личный составъ, и тогда все остальное приложится»*. И онъ, съ этой точки зрѣнія, обсуждаетъ цѣлый рядъ организаціонныхъ вопросовъ, главнымъ образомъ чисто практически, въ приложеніи къ извѣстной обстановкѣ, считая, что теорія *и* организаціи гдѣ-то ужъ выведена въ другомъ мѣстѣ, и что обсуждать ее нѣтъ никакой надобности. «Я хотѣлъ-бы повторить» говоритъ онъ въ заключеніе своей брошюры (стр. 126), «что я уже разъ сказалъ въ этой запискѣ, а именно: основные *принципы* военной организаціи не подлежатъ обсужденію... Они давно извѣстны и опредѣлены и ихъ можно вычитать изъ любого учебника. Если ихъ оспаривать, то можно критиковать и таблицу умноженія...»

135. Г. Нордманъ находитъ «чистую теорію» тамъ, гдѣ о ней ничего не говорится. Значитъ авторъ «Духа и дисциплины во флотѣ» сознательно не затрагиваетъ теоріи военнаго дѣла, и вдругъ именно у него и находитъ г. Нордманъ эту теорію, противопоставляя ее той теоріи, которую я излагаю въ моей книгѣ, посвященной именно теоретическому изслѣдованію военнаго дѣла. При этомъ я нисколько не умаляю значенія организаціи. На столько не умаляю, по сравненію съ авторомъ «Духа и дисциплины во флотѣ», что его главную мысль я могъ даже выразить буквальной цитатой изъ моей книги (*) (см. выше, § 134, курсивъ, заключенный въ ковычкахъ), т. е. изъ той книги, въ которой г. Нордманъ не нашелъ чистой теоріи военно-морскихъ явленій. Но въ ней, въ противоположность А. А. Ливену, который отстраняетъ отъ себя изслѣдованіе основъ теоріи, я обращаюсь именно и къ теоріи организаціи, къ изслѣдованію ея принциповъ (*),

(*) «Введеніе въ и. в. м. н.» стр. 340.
(**) Тамъ-же. Стр: 159—169.

которые, какъ и принципы боевой дѣятельности, ложатся въ основу военной науки. И если я на принципахъ именно организаціи останавливаюсь не съ такой подробностью, какъ на остальныхъ вопросахъ, то вѣдь у меня ясно сказано—почему это такъ. Потому, что вопросамъ организаціи у меня посвященъ особый обширный трудъ. (*) На первую часть этого труда, озаглавленную «Основы организаціи морской силы», я и ссылаюсь въ моемъ «Введеніи» (**). Такимъ образомъ едва-ли меня можно упрекнуть въ пренебреженіи къ вопросамъ организаціи и въ умаленіи ея значенія.

136. Принципы военной организаціи обосновываются на принципахъ боевыхъ дѣйствій.

Но дѣло въ томъ, что даже и теорія организаціи военной силы,—а А. А. Ливенъ не касается и этой теоріи, считая ее уже установленной гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ,—еще не есть *вся* чистая теорія военно-морскихъ явленій. Она есть лишь часть этой теоріи, или даже вѣрнѣе *выводъ* изъ другой ея части. Принципы организаціи, изъ которыхъ болѣе чѣмъ легко выводится все что говоритъ А. А. Ливенъ въ своей брошюрѣ, столь-же неизмѣнны (неоспоримы какъ таблица умноженія, по мнѣнію А. А. Ливена), столь-же не зависятъ отъ какой либо обстановки, какъ и боевые принципы, но они ими обусловливаются, изъ нихъ выводятся, *а не обратно.* Дѣйствительно, принципы организаціи — это тѣ неизмѣнныя условія (точки зрѣнія), или точнѣе—это неизмѣнныя составныя части тѣхъ условій, которыя ведутъ къ достиженію той цѣли для которой существуетъ наука военной организаціи, т. е.—къ правильному устройству военной силы; принципы военной науки вообще (***) — это тѣ неизмѣнныя составныя части тѣхъ условій, которые ведутъ къ достиженію той цѣли для которой существуетъ военная наука вообще, т. е. для побѣды, и которые, значитъ, должны быть положены въ основу всякихъ военныхъ дѣйствій и всякой военной подготовки, внѣ зависимости отъ средствъ, времени и мѣста.

(*) «Организація морской силы». 1900 г. 457 страницъ. См. также М. Сб. 1899 г. №№ 10—12 и 1900 г. №№ 1—12.

(**) См. ссылку на стр. 161.

(***) См. I этюдъ по стратегіи § 9. М. Сб. 1913 г. № 1.

Но, очевидно, о правильномъ *устройствѣ* военной силы, которая только для того и существуетъ, чтобы побѣдить въ бою, можно говорить только тогда, когда точно опредѣлено, какія условія ведутъ къ побѣдѣ въ бою. Пока эти условія не опредѣлены, или не подразумѣваются, какъ уже установленныя, всякое изслѣдованіе принципахъ организаціи не имѣетъ подъ собой никакой почвы. Чтобы *знать — какъ* устроить военную силу, надо *знать—что* отъ нея потребуется на войнѣ. Принципы военной организаціи должны выводиться изъ принциповъ боевыхъ дѣйствій, которые и составляютъ основу военнаго знанія, военной науки, военной теоріи.

137. А. А. Ливенъ исходитъ въ своемъ трудѣ изъ тѣхъ «принциповъ», которые не признаетъ за основы военной теоріи г. Нордманъ.

Это признаетъ и А. А. Ливенъ, который говоритъ (*): «организація арміи и флота въ мирное время должна главнымъ образомъ отвѣчать условіямъ и *принципамъ военныхъ дѣйствій»*, и когда онъ говоритъ объ одной изъ основъ организаціи—о *сплоченности*, то онъ прямо указываетъ, что исходитъ этотъ принципъ изъ *принципа взаимной поддержки*. И такъ это будетъ во всякомъ военномъ вопросѣ. Изслѣдованіе по всякому военному вопросу, стремящееся добраться до корня, стремящееся найти твердую почву, на которой можно крѣпко обосноваться, *упрется* въ одинъ изъ боевыхъ принциповъ. Принимая послѣдніе за извѣстныя и неоспоримыя основы военнаго дѣла, можно это сдѣлать въ нѣсколькихъ словахъ, какъ это и дѣлаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги А. А. Ливенъ.

Въ теоріи-же военнаго дѣла эти принципы должны быть изслѣдованы, обоснованы и формулированы. Въ этомъ и заключается ядро чистой военной теоріи. Но этого ядра А. А. Ливенъ не касается совсѣмъ и дѣлаетъ это совсѣмъ сознательно. А вотъ г. Нордманъ не признаетъ принципы за составную часть чистой теоріи, не считаетъ ихъ независящими отъ обстановки, ссылаясь при этомъ на явную ошибку адмирала С. О. Макарова, не замѣчаетъ, что А. А. Ливенъ въ своей брошюрѣ не говоритъ даже о принципахъ органи-

---

(*) Стр. 24—25. Курсивы мои.

зацій, исходящихъ не изъ чего другого, какъ изъ тѣхъ именно принциповъ, которые г. Нордманъ не признаетъ за чистую теорію, и въ концѣ концовъ онъ находитъ эту теорію въ изслѣдованіи приложенія этихъ принциповъ къ частнымъ организаціоннымъ вопросамъ. Гдѣ ужъ тутъ логика — я не знаю.

Что нибудь одно—либо въ запискѣ св. кн. А. А. Ливена имѣется «чистая» военная теорія, либо ея нѣтъ. Въ первомъ случаѣ ему нѣтъ надобности исходить изъ какой либо другой теоріи, и напротивъ — вся военная теорія должна исходить изъ его положеній. Во второмъ случаѣ онъ долженъ исходить не изъ чего иного, какъ изъ «чистой» теоріи, обоснованной гдѣ-то внѣ его труда. Онъ исходитъ изъ «принциповъ». Значитъ «чистая» теорія заключается либо въ нихъ, либо находится гдѣ либо за ними, но путь къ ней лежитъ именно черезъ нихъ. Г. Нордманъ считаетъ, что «принципы» — это положенія «прикладной (цѣлевой) науки, а не законы чистой теоріи» (*). А тогда значитъ «чистая» теорія А. А. Ливена исходитъ изъ теоріи «прикладной». Какъ-же это такъ?

Заключеніе.

Заключая мои возраженія и объясненія по поводу критики моей книги «Введеніе въ курсъ исторіи военно-морского искусства», я могу ихъ резюмировать такъ:

133. **О свободѣ въ выборѣ классификаціи и метода изслѣдованія.**

1) Г. Нордманъ не имѣлъ права говорить, что я относительно классификаціи наукъ (въ области теоріи познанія) излагаю «теоріи, господствовавшія лѣтъ 25—30 назадъ» — «подъ флагомъ современныхъ взглядовъ», и просто потому, что я нигдѣ ни однимъ словомъ не опредѣляю указываемыя мною теоріи, какъ «современныя», и г. Нордманъ навязалъ мнѣ мысль, которой у меня не было, и которой онъ въ моей книгѣ почерпнуть не могъ.

Напротивъ, именно г. Нордману можно поставить въ упрекъ то, что онъ провозглашаетъ «твердо установленными»

(*) Стр. 138, 137 и 123 (выноска).

и «должными» такія представленія въ области «теоріи познанія», которыя ни въ какомъ случаѣ на это претендовать не могутъ.

Говорю это совсѣмъ не потому, чтобы я полагалъ, что эти представленія были въ чемъ нибудь хуже тѣхъ, на которыя ссылаюсь я въ моей книгѣ. Я возстаю не противъ тѣхъ представленій, на которыя ссылается г. Нордманъ, а лишь противъ его *требованія*, чтобы эти представленія считались «твердо установленными» и потому «должными», и противъ его *утвержденій*, что непризнаніе этихъ представленій за таковыя ведетъ неминуемо къ заблужденіямъ.

Этими своими требованіями и утвержденіями г. Нордманъ вынудилъ меня на отвлеченіе въ область философіи (теоріи познанія), чтобы показать:

а) Что въ этой области нѣтъ и не можетъ быть «общеобязательнаго»;

б) что въ ней «новѣйшее» и «современное» не есть непремѣнно «лучшее», ибо историческое движеніе въ этой области не есть непремѣнно прогрессъ;

в) что вслѣдствіе этого въ области классификаціи и методовъ изслѣдованія должна быть *свобода* выбора, сообразно поставленной себѣ изслѣдователемъ цѣли, и что единственное ограниченіе въ выборѣ заключается въ необходимости, чтобы и классификація и методъ изслѣдованія удовлетворяли требованіямъ *научности*, что-бы они не противорѣчили *логикѣ*. которая ложится въ основу теоріи познанія;

г) что тѣ представленія въ области теоріи познанія, на которыя ссылаюсь я, удовлетворяютъ этимъ требованіямъ нисколько не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ тѣ, которыя г. Нордманъ считаетъ общеобязательными;

д) что тѣ представленія, на которыя ссылаюсь я, болѣе соотвѣтствуютъ поставленной мною себѣ *цѣли*—для изложенія обоснованія и формулированія и преподаванія военной теоріи чѣмъ тѣ, обоснованія на которыя *требуетъ* г. Нордманъ.

139. О «чистой» военной теоріи. 2) Противно мнѣнію г. Нордмана, я считаю, что изслѣдованіе и по «чистой» теоріи можетъ руководиться опредѣленной цѣлью, и что нѣтъ

никакой надобности выдѣлять «чистую» теорію въ особую науку, и никто, собственно этого и не дѣлаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Нордманъ совершенно неправильно излагаетъ и освѣщаетъ мое представленіе о «практикѣ», когда я ее противопоставляю «теоріи», и о содержаніи различныхъ военныхъ наукъ. Именно такимъ путемъ онъ приходитъ къ выводу, что у меня нѣтъ «чистой» военной теоріи.

140. Объ «исторіи военнаго искусства». 3) Г. Нордманъ совершенно произвольно навязываетъ мнѣ намѣреніе «ввести» *новую*, по его выраженію, науку—исторію военнаго искусства, чтобы заполнить сознанный мною пробѣлъ въ «чистой» теоріи. Такая наука существуетъ давно, и представляетъ изъ себя ключъ для пониманія военной исторіи. Она даетъ истинную оцѣнку каждому отдѣльному историческому факту, она опредѣляетъ его мѣсто въ общемъ развитіи военнаго искусства, и то значеніе, которое онъ имѣетъ съ точки зрѣнія пригодности его для обоснованія теоріи военнаго искусства. Это научный критерій для пользованія опытомъ прежнихъ войнъ. Это наилучшая «форма» военной исторіи для усвоенія военной теоріи.

Поэтому я считаю, что только въ такой формѣ можетъ преподаваться военная исторія въ высшемъ учебномъ заведеніи, за исключеніемъ тѣхъ ея частей (двухъ — трехъ отдѣльныхъ кампаній), которыя нужны какъ развитіе курса стратегіи, и которыя и выбираются руководителемъ этого курса.

Всякая попытка въ высшемъ учебномъ заведеніи излагать съ каѳедры *всю* военную исторію, хотя-бы одного народа, можетъ привести лишь къ нагроможденію голыхъ фактовъ, цифръ и датъ, могущихъ лишь удручающе дѣйствовать на тѣхъ, кому приходится все это запоминать, и могущихъ лишь придавить ихъ способность дѣлать изъ военной исторіи необходимые для обоснованія военнаго искусства выводы.

Именно исторія военнаго искусства можетъ служить для обоснованія военной теоріи, такъ какъ она выводитъ эту теорію изъ опыта прошедшаго и тѣмъ повѣряетъ выводъ той-же теоріи путемъ изслѣдованія природы войны, какъ явленія общественной жизни. Для этого конечно изъ общей

массы военно-историческихъ фактовъ долженъ быть сдѣланъ извѣстный отборъ. Г. Нордманъ понялъ такой отборъ какъ подтасовку фактовъ съ предвзятой цѣлью, и на этомъ основаніи отрицаетъ право исторіи военно-морского искусства именоваться теоретической наукой. Могу только пожалѣть о таковомъ его пониманіи.

141. О бояхъ при С. Винцентѣ и Трафальгарѣ.

4) Г. Нордманъ считаетъ, что бои при С. Винцентѣ и Трафальгарѣ—это такія событія, обстановка которыхъ до сихъ поръ недостаточно выяснена, напр. въ смыслѣ той роли, которую игралъ въ нихъ принципъ взаимной поддержки. Могу приписать такое заявленіе исключительно незнакомству именно г. Нордмана съ обстановкой этихъ боевъ.

При этомъ къ сожалѣнію г. Нордманъ нашелъ возможнымъ выдать мои краткія ссылки на эти бои за «образцы» моихъ критико-историческихъ «изслѣдованій», не смотря на то, что въ моей книгѣ имѣется нѣсколько «изслѣдованій» достаточно обширныхъ, чтобы къ нимъ можно было предъявить требованія, какъ къ таковымъ.

142. О ссылкѣ г. Нордмана на адмирала Макарова.

5) Дѣлая это, г. Нордманъ, повидимому, соблазнился возможностью найти поддержку въ мысляхъ адмирала Макарова. Но увы—среди этихъ мыслей, онъ попалъ на мысль явно ошибочную, съ точки зрѣнія военной науки,—такъ какъ могъ конечно ошибаться и Макаровъ,—и съ усиліями, достойными лучшей участи, г. Нордманъ старался связать эту мысль съ «должной», по его мнѣнію, классификаціей наукъ, которую онъ и навязываетъ совершенно необоснованно адмиралу Макарову. На такомъ шаткомъ основаніи г. Нордманъ отрицаетъ неизмѣнность «принциповъ», ихъ независимость отъ обстановки, и не признаетъ ихъ за основы военной теоріи.

143. Объ «осторожности» г. Нордмана въ обоснованіи военной теоріи.

6) При этомъ г. Нордманъ находитъ возможнымъ умолчать, что въ этихъ своихъ утвержденіяхъ онъ расходится не только со мной, но и съ цѣлымъ рядомъ выдающихся мыслителей въ области военной науки. Особенно я ставлю ему это въ упрекъ потому, что онъ не ограничился своими утвержденіями, а взводитъ на меня обвиненіе въ легкомысліи въ проведеніи теоріи,

обоснованной на использованіи такихъ историческихъ данныхъ, о которыхъ имѣются лишь неполныя, непровѣренныя или вообще недостовѣрныя свѣдѣнія, и указываетъ при этомъ на опасность таковыхъ теоретическихъ заблужденій для государства. Вотъ именно такое обвиненіе и указаніе *обязывало* г. Нордмана пояснить, что онъ, опираясь на мнѣніе одного адмирала Макарова, расходится не только со мной, но и съ такими мыслителями въ области военной науки, какъ съ Жомини, Леером и другими, и *обязывало* его доказать, что ошибаются и эти мыслители. И такъ какъ онъ этого не дѣлаетъ, не смотря на то, что я вездѣ въ моей книгѣ опираюсь на мнѣнія этихъ авторитетовъ, то это меня наводитъ на мысль, что едва-ли онъ знакомъ съ трудами этихъ военныхъ мыслителей.

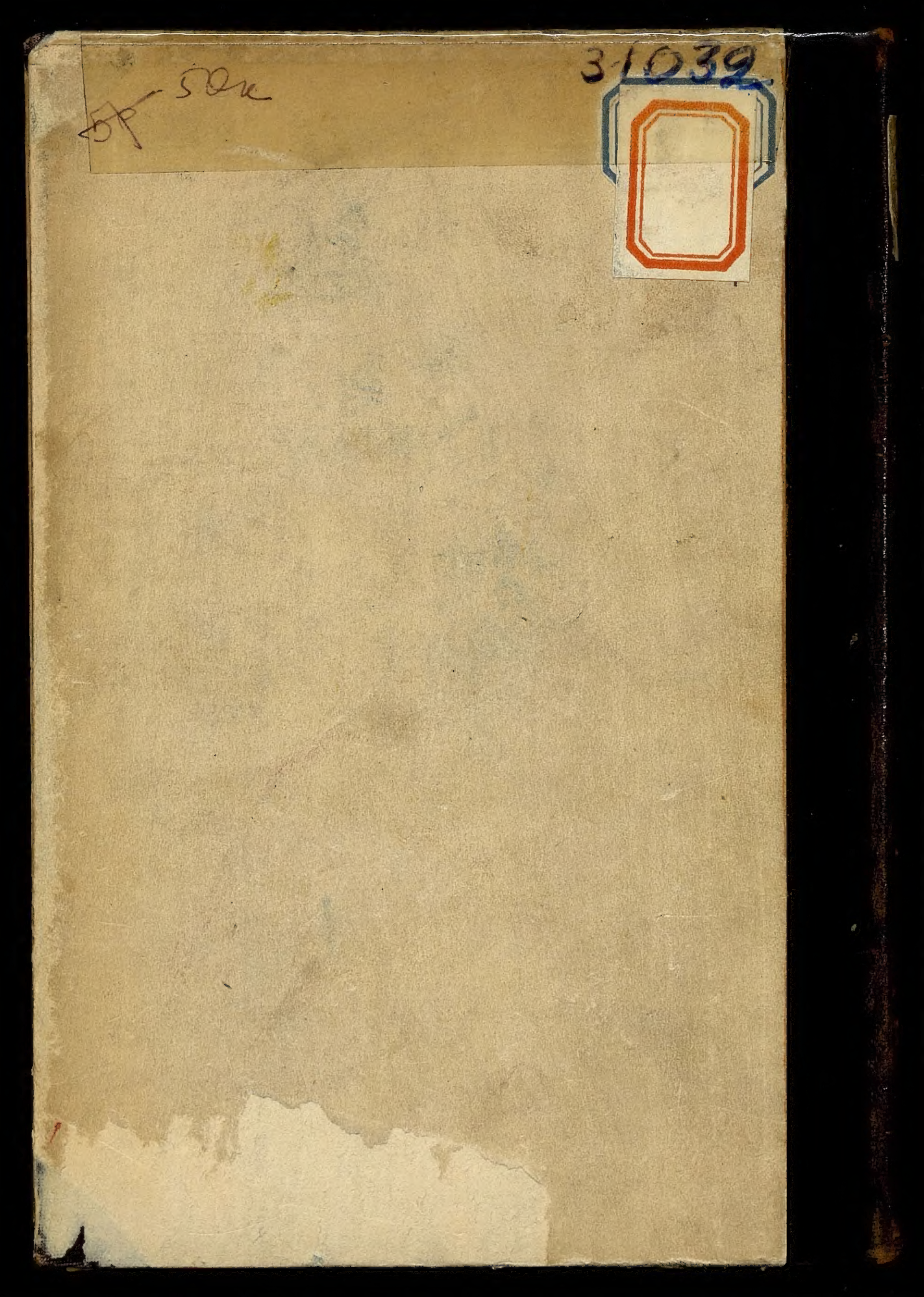
Такимъ образомъ упрекъ г. Нордмана оказался направленнымъ не по адресу, и съ полнымъ основаніемъ можетъ быть направленъ противъ него самого.

144. О ссылкѣ г. Нордмана на св. кн. А. А. Ливена.

7) Г. Нордманъ указываетъ, что «чистая» военная теорія заключается въ книгѣ св. кн. А. А. Ливена «Духъ и дисциплина нашего флота». Именно тѣ соображенія, которыя изложены въ предыдущемъ пунктѣ, должны были-бы подвигнуть г. Нордмана на то, чтобы обстоятельно доказать, что такая теорія, которой нѣтъ и у Жомини и у Леера, заключается въ этой книгѣ (*). Но онъ этого не дѣлаетъ, и ограничивается указаніемъ на этотъ фактъ лишь въ нѣсколькихъ строкахъ. Едва-ли онъ этимъ проявляетъ ту *осторожность* въ обоснованіи военной теоріи, въ отсутствіи которой онъ упрекаетъ меня.

На самомъ-же дѣлѣ оказывается, что св. кн. А. А. Ливенъ въ своей книгѣ совершенно не затрагиваетъ военную теорію, а главное—исходитъ какъ разъ изъ тѣхъ принциповъ, которыхъ какъ основу теоріи не признаетъ г. Нордманъ. А тогда, значитъ, ссылки его на книгу св. кн. А. А. Ливена—просто какое-то недоразумѣніе.

(*) Необходимость этого увеличивается тѣмъ фактомъ, на который указываетъ и самъ г. Нордманъ, что книга А. А. Ливена въ продажу не поступила, а значитъ многимъ она могла остаться и неизвѣстной.

3-1039